

Н. Гумилев

Собрание сочинений

том первый

Н. Гумилев

Собрание
сочинений

том первый

Вашингтон
1962

Н. ГУМИЛЕВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

**Под редакцией проф. Г. П. Струве
и Б. А. Филиппова**

ТОМ ПЕРВЫЙ

Стихи 1903—1915 гг.

**Путь конквистадоров — Романтические цветы — Жемчуга —
Чужое небо — Колчан**

**Издательство книжного магазина Victor Kamkin, Inc.
Вашингтон
1962**

Оптово-розничное русское книжное дело

в С. III. А.

Victor Kamkin, Inc.

Bookstores

2902-2906-14th Street N. W.

Washington 9, D.C.

All rights reserved

Druck: Buchdruckerei I. Baschkirzew, München 8, Hofangerstr. 73.
Printed in Germany

Н. С. Гумилев

Перепечатано из редкой и плохо сохранившейся книги: „Альманах 17“, 1909.

ОТ РЕДАКТОРОВ

Настоящее Собрание сочинений Н. С. Гумилева является первой попыткой собрать все его доселе опубликованное оригинальное литературное наследие (что из этого наследия, кроме писем, остается неопубликованным, нам неизвестно: после опубликования в 1923 г. второго издания посмертного сборника стихотворений никаких публикаций из архива Гумилева в России не было; о том, что было опубликовано за границей, будет сказано ниже).

При жизни Гумилевым было выпущено восемь сборников оригинальных стихов: «Путь конквистадоров» (1905), «Романтические цветы» (1908), «Жемчуга» (1910), «Чужое небо» (1912), «Колчан» (1916), «Костер» (1918), «Шатер» (1921), «Огненный столп» (1921), и два переводных: «Эмали и камеи» Т. Готье (1914) и «Фарфоровый павильон. Китайские стихи» (1918), а также поэма «Мик» (1918). Ряд не вошедших в сборники стихотворений, а также драматических произведений в стихах («Актеон», «Игра», «Дитя Аллаха» и «Гондла») был напечатан в журналах, альманахах и сборниках. В 1918 г. Гумилев, повидимому, задумал переиздать сборники своих более ранних стихов за исключением самого первого: вышли пересмотренные издания «Романтических цветов» и «Жемчугов», и объявлены были, но не состоялись, новые издания «Чужого неба» и «Колчана». После смерти Гумилева в России появились новые издания «Костра» (1921), «Огненного столпа» (1922), «Мика» (1922) и «Фарфорового павильона» (1922), а за границей в двадцатых и тридцатых годах были переиз-

даны: «Шатер» (в Ревеле в 1921 г.),¹ «Жемчуга», «Колчан», «Чужое небо», «Дитя Аллаха» и «Гондла» (все в Берлине; последние две вещи не издавались отдельно). Кроме того в Шанхае в тридцатых годах издательствами «Дракон» и «Гиппокрена» было переиздано несколько сборников стихов Гумилева; повидимому, намечалось издать отдельными сборничками все его сочинения. Сборнички эти выходили иногда без обозначения года издания. Насколько удалось установить, выпущены были: «Жемчуга», «Чужое небо», «Колчан», «Французские народные песни», «Посмертные стихи. Книга первая» (1935).²

Из не издававшегося при жизни Гумилева, вскоре после его смерти еще в России был издан, под редакцией Георгия Иванова и с его предисловием, посмертный сборник «Стихотворения», куда вошли найденные в рукописях, ранее не печатавшиеся стихотворения, а также некоторые, но далеко не все, стихотворения, появившиеся при жизни Гумилева в разных периодических изданиях и сборниках, но не вошедшие в его сборники стихов (в том числе и одноактная пьеса «Игра»). Сборник этот вышел первым изданием в 1922 г., а в 1923 г. появилось второе, дополненное издание. Были также собраны и изданы маленькой книжечкой, под названием «Тень от пальмы», рассказы Гумилева, впервые напечатанные в журналах, а также, под редакцией Георгия Иванова, его литературно-критические статьи под названием «Письма о русской поэзии» (1923). В серии «Всемирная Литература», задуманной и руководимой М. Горьким, еще при жизни Гумилева вышла с его предисловием и в его переводе «Поэма о старом моряке» С. Кольриджа (1919). В той же серии под его редакцией и с предисловием М. Горького в том же году вышли «Баллады о Робин Гуде», причем две баллады были переведены самим Гумилевым. И уже посмертно,

¹ Это издание было, как указано на последней странице его, «напечатано с рукописи, переданной издательству Н. С. Гумилевым в июне 1921 г.».

² Более точную библиографическую справку читатель найдет в четвертом томе нашего издания.

в 1922 г., в этой серии появились под редакцией Гумилева и с его предисловием «Баллады» Роберта Саути, из которых одна («Предостережение хирурга») была переведена самим Гумилевым. Гумилеву принадлежал также перевод, сопровождаемый коротким предисловием, вавилонского эпоса «Гильгамеш» (1919).

За рубежом из неизданного наследия Гумилева были напечатаны сборник стихов 1917 г. «К синей звезде» (Берлин, 1923) и «Французские народные песни» (Берлин, 1923) в переводе и с предисловием Гумилева.

Уже после Второй мировой войны В. К. Завалишиным было предпринято издание сочинений Гумилева в четырех небольших томиках (Регенсбург, 1947—48 гг.). Осуществленное в неблагоприятных условиях послевоенного времени, без доступа ко многим более ранним изданиям и наспех, это издание, даже если оно и ответило на спрос читателя на стихи Гумилева, оказалось во многих отношениях неудовлетворительным (множество ошибок и опечаток, странное расположение материала и т. д.) и далеко неполным (в него вошли: «Жемчуга [по берлинскому изданию], «Чужое небо» [по неполному берлинскому изданию], «Колчан», «Костер», «Шатер», «Огненный столп», «К синей звезде» и «Гондла»). В 1952 г. издательством имени Чехова в Нью Йорке был выпущен, под редакцией Г. П. Струве, том озаглавленный «Неизданный Гумилев», куда вошли никогда ранее не печатавшиеся трагедия «Отравленная туника» и неоконченная повесть «Веселые братья», а также некоторый другой, большей частью неизданный, материал. С тех пор единственным изданием Гумилева был том «Избранного» (Париж 1959) под редакцией покойного Н. А. Оцуца с его же обстоятельной вступительной статьей. В Советском Союзе произведения Гумилева не выходили с 1923 года.

В первый том нашего издания включены следующие сборники стихов, даваемые нами в хронологическом порядке: «Путь конквистадоров» (этот юношеский сборник никогда до сих пор не переиздавался),

«Романтические цветы», «Жемчуга», «Чужое небо» и «Колчан». В выборе текстов мы руководились последними прижизненными изданиями (небольшие отступления от этого принципа оговорены и объяснены в примечаниях). Стихотворения, исключенные Гумилевым из последних прижизненных изданий, но входившие в более ранние издания, а также наиболее значительные варианты даются в Приложениях к этому тому. Все разночтения в более ранних публикациях (таковая указывается нами во всех известных нам случаях), поскольку они были нами разысканы, приводятся в примечаниях, где даются также некоторые другие необходимые пояснения.

Во второй том войдут все остальные прижизненные сборники стихов Гумилева, а также поэмы и все разысканные нами стихотворения, не вошедшие ни в один из прижизненных сборников.

В третий том будут включены драматические произведения Гумилева (перенесенная сюда из «Чужого неба» одноактная пьеса «Дон Жуан в Египте», «Актеон», «Игра», «Дитя Аллаха», «Гондла» и «Отравленная туника»).

В четвертый том войдет проза Гумилева (рассказы из книги «Тень от пальмы», повесть «Веселые братья» и др.), а также его теоретические и литературно-критические статьи. К этому тому будет приложена также библиографическая справка. Более подробно состав каждого из последующих томов будет охарактеризован во вступительных замечках к ним.

Как правило, мы не включали в наше собрание переводы Гумилева. Отступление от этого принципа представляют в этом томе несколько стихотворений Теофиля Готье, которые сам Гумилев включил в один из своих сборников; а во втором томе — «Китайские стихи» «Фарфорового павильона»: поскольку стихи в этом сборнике представляют собой переложения скорее, чем переводы, и поскольку в них явно отразились мотивы оригинальной лирики Гумилева того же периода, мы решились сделать для них исключение.

Настоящему тому предпосылаются составленный Г. П. Струве краткий очерк жизни Н. С. Гумилева и в виде приложения к нему — некоторые документы.

Во вступительной статье ко второму тому Г. П. Струве даст общую характеристику творчества Гумилева. К третьему тому будет приложен составленный проф. К. Ф. Тарановским «Метрический справочник» к стихотворениям Гумилева. В четвертом томе будет напечатана статья Б. А. Филиппова о восприятии Гумилева в Советской России.

Редакторы выражают искреннюю благодарность всем лицам, оказавшим им то или иное содействие при собирании материала для настоящего тома и подготовке его к печати. Во вступительной заметке к четвертому тому будет дан перечень всех лиц, оказавших помощь при осуществлении этого первого Собрания сочинений Н. С. Гумилева.

Н. С. ГУМИЛЕВ

Жизнь и личность

Для написания сколько-нибудь подробной, а тем более исчерпывающей биографии Н. С. Гумилева время еще не настало. Для этого прежде всего нет налицо достаточного материала. Если семейный и личный архивы Гумилева и сохранились в России, они до сих пор находятся под спудом. За границей сохранилось то, что Гумилев перед своим возвращением в Россию в апреле 1918 года оставил в Лондоне у своего друга, художника Б. В. Анрепа, который в 1942 или 1943 году весь этот материал передал пишущему эти строки. Этот находящийся сейчас у меня архив Гумилева включает тетрадь со стихами, несколько записных книжек (в том числе с черновой рукописью трагедии «Отравленная туника»), рукопись неоконченной повести «Веселые братья», несколько документов, относящихся к прохождению Гумилевым военной службы (некоторые из этих документов, представляющих чисто биографический интерес, мы печатаем в приложении к настоящему очерку) и др. (более подробные сведения о моем архиве см. в вышедшем под моей редакцией томе «Неизданный Гумилев» — изд-во имени Чехова, Нью Йорк, 1952).

Письма Гумилева и письма к нему других лиц почти неизвестны. Возможно, что архив Института Русской Литературы в СССР, а также и частные архивы таят еще много ценного. Воспоминания о Гумилеве относятся по большей части либо к самым последним годам его жизни (таковы интересные воспоминания В. Ф. Хода-

севича, А. Я. Левинсона, Н. А. Оцупа, И. В. Одоевцевой), либо к периоду между 1909 и 1914 годами (воспоминания С. К. Маковского, Г. В. Иванова, Г. В. Адамовича). По обстоятельствам внешнего порядка остались ненаписанными — или написанными, но не опубликованными — воспоминания таких и лично и литературно близких к Гумилеву людей, как его первая жена А. А. Ахматова, как О. Э. Мандельштам, М. А. Кузмин, М. А. Волошин. Большая часть напечатанных воспоминаний касается литературной деятельности Гумилева. О более раннем периоде и о Гумилеве-человеке, в отличие от поэта, воспоминаний очень мало. Поражает как будто бы полное отсутствие воспоминаний о Гумилеве-солдате и офицере.

Из воспоминаний, исходящих не из литературных кругов и представляющих биографический интерес, надлежит упомянуть опубликованные лишь недавно рассказ невестки Гумилева, жены его старшего брата («Николай Степанович Гумилев», «Новый Журнал», кн. 46, 1956, стр. 107—126) и страничку воспоминаний о встречах с Гумилевым и Ахматовой в 1910—1912 гг. их соседки по Слепневу (имение в Бежецком уезде Тверской губернии, принадлежавшее семье матери Гумилева), г-жи В. Неведомской («Воспоминания о Гумилеве и Ахматовой», «Новый Журнал», кн. 38, 1954, стр. 182—190). Рассказ А. А. Гумилевой ценен своими семейными и житейскими подробностями, но немного наивен, и некоторые ее домыслы и заключения не вызывают особенного доверия. Это относится, например, к ее рассказу о любви Гумилева к его кузине, Маше Кузьминой-Караваевой — якобы единственной настоящей любви в жизни Гумилева. Не говоря о том, что в этой части рассказа хронология весьма смутная, трудно понять, почему г-жа Гумилева относит к рано умершей Маше (памяти которой Гумилев посвятил стихотворение «Родос», лишенное всякой любовной окраски) и написанный в 1920 году «Заблудившийся трамвай», и даже одно из переводных стихотворений «Фарфорового павильона», к тому же вписанное Гумилевым тогда же, когда он его перевел — то есть в 1917 году в Париже

— в альбом его парижской «Синей Звезде».¹ В воспоминаниях г-жи Неведомской, напротив, много интересных подробностей литературного характера, но почерпнутых вне того литературного круга, к которому принадлежал Гумилев. В нижеследующем кратком очерке нами использованы и те и другие воспоминания в той части их, которая производит впечатление достоверности, а также и ранее опубликованные рассказы литературных современников Гумилева.²

* *
*

Николай Степанович Гумилев родился 3 (15) апреля 1886 года в Кронштадте, где его отец, Степан Яковлевич, окончивший гимназию в Рязани и Московский университет по медицинскому факультету, служил корабельным врачом. По некоторым сведениям, семья отца происходила из духовного звания, чему косвенным подтверждением может служить фамилия (от латинского слова *humilis*, «смирный»), но дед поэта, Яков Степанович, был помещиком, владельцем небольшого имения Березки в Рязанской губернии, где семья Гумилевых иногда проводила лето. Б. П. Козьмин, не указывая источника, говорит, что юный Н. С. Гумилев, увлекавшийся тогда социализмом и читавший Маркса (он был в то время тифлисским гимназистом — значит, это было между 1901 и 1903 годами), занимался агитацией среди мельников, и это вызвало осложнения с губернато-

¹ Вся эта история повторена и еще более приукрашена в «романсированной» и полной явной отсебятины биографии Гумилева, которую напечатал в «Возрождении» в 1961—62 гг. (№№ 118 и сл.) под названием «В панцире железном» Г. Месняев.

² Кроме упоминаемых здесь мемуаров и материалов моего архива при составлении настоящего очерка мною использованы данные, содержащиеся в справочнике Б. П. Козьмина (Писатели современной эпохи. Био-библиографический словарь русских писателей XX века. I. Москва, 1928) и в американской книге Л. И. Страховского (*Craftsmen of the Word: Three Poets of Modern Russia: Gumilyov, Akhmatova, Mandelstam*. Cambridge, Mass., 1940).

ром. Березки были позднее проданы, и на место их куплено небольшое имение под Петербургом.

Мать Гумилева, Анна Ивановна, урожденная Львова, сестра адмирала Л. И. Львова, была второй женой С. Я. и на двадцать с лишним лет моложе своего мужа. У поэта был старший брат Дмитрий и единокровная сестра Александра, в замужестве Сверчкова. Мать пережила обоих сыновей, но точный год ее смерти не установлен.

Гумилев был еще ребенком, когда отец его вышел в отставку и семья переселилась в Царское Село. Свое образование Гумилев начал дома, а потом учился в гимназии Гуревича, но в 1900 году семья переехала в Тифлис, и он поступил в 4-й класс 2-й гимназии, а потом перевелся в 1-ю. Но пребывание в Тифлисе было недолгим. В 1903 году семья вернулась в Царское Село, и поэт поступил в 7-й класс Николаевской Царскосельской гимназии, директором которой в то время был и до 1906 года оставался известный поэт Иннокентий Федорович Анненский. Последнему обычно приписывается большое влияние на поэтическое развитие Гумилева, который во всяком случае очень высоко ставил Анненского как поэта. Повидимому, писать стихи (и рассказы) Гумилев начал очень рано, когда ему было всего восемь лет. Первое появление его в печати относится к тому времени, когда семья жила в Тифлисе: 8 сентября 1902 года в газете «Тифлисский Листок» было напечатано его стихотворение «Я в лес бежал из городов...» (стихотворение это не было нами, к сожалению, разыскано).

По всем данным, учился Гумилев плоховато, особенно по математике, и гимназию кончил поздно, только в 1906 году. Зато еще за год до окончания гимназии он выпустил свой первый сборник стихов под названием «Путь конквистадоров», с эпиграфом из едва ли многим тогда известного, а впоследствии столь знаменитого французского писателя Андре Жида, которого он, очевидно, читал в подлиннике. Об этом первом сборнике юношеских стихов Гумилева Валерий Брюсов писал в «Весах», что он полон «перепевов и подражаний» и повторяет все основные заповеди декадентства, пора-

жившие своей смелостью и новизной на Западе лет за двадцать, а в России лет за десять до того (как раз за десять лет до выхода книги Гумилева сам Брюсов произвел сенсацию, выпустив свои сборнички «Русские символисты»). Все же Брюсов счел нужным добавить: «Но в книге есть и несколько прекрасных стихов, действительно удачных образов. Предположим, что она только 'путь' нового конквистадора и что его победы и завоевания впереди». Сам Гумилев никогда больше не переиздавал «Путь конквистадоров» и, смотря на эту книгу, очевидно, как на грех молодости, при счете своих сборников стихов опускал ее (поэтому «Чужое небо» он назвал в 1912 году третьей книгой стихов, тогда как на самом деле она была четвертой).

Из биографических данных о Гумилеве неясно, что он делал сразу по окончании гимназии. А. А. Гумилева, упомянув, что ее муж, окончив гимназию, по желанию отца поступил в Морской Корпус и был одно лето в плавании, прибавляет: «А поэт по настоянию отца должен был поступить в университет», и дальше говорит, что он решил уехать в Париж и учиться в Сорбонне. Согласно словарю Козьмина, Гумилев поступил в Петербургский университет уже гораздо позднее, в 1912 году, занимался старофранцузской литературой на романо-германском отделении, но курса не кончил. В Париж же он действительно уехал и провел за границей 1907—1908 годы, слушая в Сорбонне лекции по французской литературе. Если принять во внимание этот факт, поражает как он в 1917 году, когда снова попал во Францию, плохо писал по-французски, и с точки зрения грамматики, и даже с точки зрения правописания (впрочем, С. К. Маковский говорит, что он и в русском правописании, а особенно пунктуации, был далеко не тверд): о его плохом знании французского языка свидетельствует хранящийся в моем архиве собственноручный меморандум Гумилева о наборе добровольцев в Абиссинии для армии союзников, а также его собственные переводы его стихов на французский язык.

В Париже Гумилев вздумал издавать небольшой литературный журнал под названием «Сириус», в кото-

ром печатал собственные стихи и рассказы под псевдонимами «Анатолий Грант» и «К-о», а также и первые стихи Анны Андреевны Горенко, ставшей вскоре его женой и прославившейся под именем Анны Ахматовой — они были знакомы еще по Царскому Селу. В одной из памяток о Гумилеве, написанной вскоре после его смерти, цитируется письмо Ахматовой к неизвестному лицу, написанное из Киева и датированное 13 марта 1907 года, где она писала: «Зачем Гумилев взялся за 'Сириус'? Это меня удивляет и приводит в необычайно веселое настроение. Сколько несчастий наш Никола перенес и все понапрасну! Вы заметили, что сотрудники почти все так же известны и почтенны, как я? Я думаю что нашло на Гумилева затмение от Господа. Бывает». ³ К сожалению, даже в Париже оказалось невозможно найти комплект «Сириуса» (всего вышло три тоненьких номера журнала), и из напечатанного там Гумилевым мы имеем возможность дать в настоящем издании лишь одно стихотворение и часть одной «поэмы в прозе». Были ли в журнале какие-нибудь другие сотрудники кроме Ахматовой и скрывавшегося под разными псевдонимами Гумилева, остается неясным.

В Париже же в 1908 году Гумилев выпустил свою вторую книгу стихов — «Романтические цветы». Из Парижа он еще в 1907 году совершил свое первое путешествие в Африку. Повидимому, путешествие это было предпринято наперекор воле отца, по крайней мере вот как пишет об этом А. А. Гумилева:

Об этой своей мечте [поехать в Африку]... поэт написал отцу, но отец категорически заявил, что ни денег, ни его благословения на такое (по тем временам) «экстравагантное путешествие» он не получит до окончания университета. Тем не менее Коля, не взирая ни на что, в 1907 году пустился в путь, сэкономив необходимые средства из ежемесячной родительской полочки. Впоследствии

³ Э. Голлербах. Из воспоминаний о Н. С. Гумилеве. «Новая Русская Книга» (Берлин), 1922, № 7, стр. 38.

поэт с восторгом рассказывал обо всем виденном: — как он ночевал в трюме парохода вместе с пилигримами, как разделял с ними их скудную трапезу, как был арестован в Трувилле за попытку пробраться на пароход и проехать «зайцем». От родителей это путешествие скрывалось, и они узнали о нем лишь пост фактум. Поэт заранее написал письма родителям, и его друзья аккуратно каждые десять дней отправляли их из Парижа.

В этом рассказе, может быть, и не все точно: например, остается непонятным, почему по дороге в Африку Гумилев попал в Трувилль (в Нормандии) и был там арестован — возможно, что тут перепутаны два разных эпизода⁴ — но мы все же приводим рассказ А. А. Гумилевой, так как об этой первой поездке поэта в Африку других воспоминаний как будто не сохранилось.

В 1908 году Гумилев вернулся в Россию. Теперь у него уже было некоторое литературное имя. О вышедших в Париже «Романтических цветах» написал опять в «Весах» (1908, № 3, стр. 77—78) Брюсов. В этой книге он увидел большой шаг вперед по сравнению с «Путем». Он писал:

... видишь, что автор много и упорно работал над своим стихом. Не осталось и следов прежней небрежности размеров, неряшливости рифм, неточности образов. Стихи Н. Гумилева теперь красивы, изящны, и большей частью интересные по форме; теперь он резко и определенно вычерчивает свои образы и с большой продуманностью и изысканностью выбирает эпитеты. Часто рука ему еще изменяет, [но?] он — серьезный работник, который понимает, чего хочет, и умеет достигать, чего добивается.

Брюсов правильно отмечал, что Гумилеву больше удастся

⁴ Б. П. Козьмин тоже упоминает об аресте Гумилева в Трувилле «за бродяжничество» („en état de vagabondage"), но вне всякой связи с поездкой в Африку.

лирика «объективная», где сам поэт исчезает за нарисованными им образами, где больше дано глазу, чем слуху. В стихах же, где надо передать внутренние переживания музыкой стиха и очарованием слов, Н. Гумилеву часто не хватает силы непосредственного внушения. Он немного парнассец в своей поэзии, поэт типа Леконта де Лиля...

Свою рецензию Брюсов заканчивал так:

Конечно, несмотря на отдельные удачные пьесы и «Романтические цветы» — только ученическая книга. Но хочется верить, что Н. Гумилев принадлежит к числу писателей, развивающихся медленно, и по тому самому встающих высоко. Может быть, продолжая работать с той упорностью, как теперь, он сумеет пойти много дальше, чем мы то наметили, откроет в себе возможности, нами не подозреваемые.

В этом своем предположении Брюсов оказался как нельзя более прав. Так как Брюсов считался критиком строгим и требовательным, такая рецензия должна была окрылить Гумилева. Немного позднее, рецензируя в «Весах» (1909, № 7) один журнал, в котором были напечатаны стихи Гумилева, вошедшие потом в «Жемчуга», Сергей Соловьев говорил, что иногда у Гумилева «попадают литые строфы, выдающие школу Брюсова», и тоже писал о влиянии на него Леконта де Лиля.

В период между 1908 и 1910 гг. Гумилев завязывает литературные знакомства и входит в литературную жизнь столицы. Живя в Царском Селе, он много общается с И. Ф. Анненским. В 1909 году знакомится с С. К. Маковским и знакомит последнего с Анненским, который на короткое время становится одним из столпов основываемого Маковским журнала «Аполлон». Журнал начал выходить в октябре 1909 года, а 30 ноября того же года Анненский внезапно умер от разрыва сердца на Царскосельском вокзале в Петербурге. Сам Гумилев с самого же начала стал одним из главных по-

мощников Маковского по журналу, деятельнейшим его сотрудником и присяжным поэтическим критиком. Из года в год он печатал в «Аполлоне» свои «Письма о русской поэзии». Лишь иногда его в этой роли сменяли другие, например Вячеслав Иванов и М. А. Кузмин, а в годы войны, когда он был на фронте — Георгий Иванов.

Весной 1910 года умер отец Гумилева, давно уже тяжело болевший. А несколько позже в том же году, 25-го апреля, Гумилев женился на Анне Андреевне Горенко. После свадьбы молодые уехали в Париж. Осенью того же года Гумилев предпринял новое путешествие в Африку, побывав на этот раз в самых малодоступных местах Абиссинии. В 1910 же году вышла третья книга стихов Гумилева, доставившая ему широкую известность — «Жемчуга». Книгу эту Гумилев посвятил Брюсову, назвав его своим учителем. В рецензии, напечатанной в «Русской Мысли» (1910, кн. 7), сам Брюсов писал по поводу «Жемчугов», что поэзия Гумилева

живет в мире воображаемом и почти призрачном. Он как-то чуждается современности, он сам создает для себя страны и населяет их им самим сотворенными существами: людьми, зверями, демонами. В этих странах — можно сказать, в этих мирах, — явления подчиняются не обычным законам природы, но новым, которым повелел существовать поэт; и люди в них живут и действуют не по законам обычной психологии, но по странному, необъяснимым капризам, подсказываемым автором суфлером.

Говоря о включенных Гумилевым в книгу стихах из «Романтических цветов», Брюсов отмечал, что там

фантастика еще свободней, образы еще призрачней, психология еще причудливее. Но это не значит, что юношеские стихи автора полнее выражают его душу. Напротив, надо отметить, что в своих новых поэмах он в значительной степени освободился от крайностей своих первых созданий

и научился замыкать свои мечты в более определенные очертания. Его видения с годами приобрели больше пластичности, выпуклости. Вместе с тем явно окреп и его стих. Ученик И. Анненского, Вячеслава Иванова и того поэта, которому посвящены «Жемчуга» [т. е. самого Брюсова], Н. Гумилев медленно, но уверенно идет к полному мастерству в области формы. Почти все его стихотворения написаны прекрасно, обдуманно и утонченно звучащим стихом. Н. Гумилев не создал никакой новой манеры письма, но, заимствовав приемы стихотворной техники у своих предшественников, он сумел их усовершенствовать, развить, углубить, что, быть может, надо признать даже большей заслугой, чем искание новых форм, слишком часто ведущее к плачевным неудачам.

Вячеслав Иванов тогда же в «Аполлоне» (1910, № 7) писал о Гумилеве по поводу «Жемчугов», как об ученике Брюсова, говорил о его «замкнутых строфах» и «надменных станцах», о его экзотическом романтизме. В поэзии Гумилева он видел еще только «возможности» и «намеки», но ему уже тогда казалось, что Гумилев может развиваться в другую сторону, чем его «наставник» и «Вергилий»: такие стихотворения как «Путешествие в Китай» или «Маркиз де Карабас» («бесподобная идиллия») показывают, писал Иванов, что «Гумилев подчас хмелеет мечтой веселее и беспечнее, чем Брюсов, трезвый в самом упоении». Свой длинный и интересный отзыв Иванов заканчивал следующим прогнозом:

... когда действительный, страданием и любовью купленный опыт души разорвет завесы, еще обволакивающие перед взором поэта сущую реальность мира, тогда разделятся в нем «суша и вода», тогда его лирический эпос станет объективным эпосом, и чистою лирикой — его скрытый лиризм, — тогда впервые будет он принадлежать жизни.

К 1910—1912 гг. относятся воспоминания о Гумилеве г-жи В. Неведомской. Она и ее молодой муж были вла-

дельцами имения Подобино, старого дворянского гнезда в шести верстах от гораздо более скромного Слепнева, где Гумилев и его жена проводили лето после возвращения из свадебного путешествия. В это лето Неведомские познакомились с ними и встречались чуть не ежедневно. Неведомская вспоминает о том, как изобретателен был Гумилев в выдумывании разных игр. Пользуясь довольно большой конюшней Неведомских, он придумал игру в «цирк».

Николай Степанович ездить верхом, собственно говоря, не умел, но у него было полное отсутствие страха. Он садился на любую лошадь, становился на седло и проделывал самые головокрумные упражнения. Высота барьера его никогда не останавливала, и он не раз падал вместе с лошастью.

В цирковую программу входили также танцы на канате, хождение колесом и т. д. Ахматова выступала как «женщина-змея»: гибкость у нее была удивительная — она легко закладывала ногу за шею, касалась затылком пяток, сохраняя при всем этом строгое лицо послушницы. Сам Гумилев, как директор цирка, выступал в прадедушкином фраке и цилиндре, извлеченных из сундука на чердаке. Помню, раз мы заехали кавалькадой человек в десять в соседний уезд, где нас не знали. Дело было в Петровки, в сенокос. Крестьяне обступили нас и стали расспрашивать — кто мы такие? Гумилев, не задумываясь, ответил, что мы бродячий цирк и едем на ярмарку в соседний уездный город давать представление. Крестьяне попросили нас показать наше искусство, и мы проделали перед ними всю нашу «программу». Публика пришла в восторг, и кто-то начал собирать медяки в нашу пользу. Тут мы смутились и поспешно исчезли.

Неведомская рассказывает также о придуманной Гумилевым игре в «типы», в которой каждый из играющих изображал какой-нибудь определенный образ или тип, например «Дон Кихота» или «Сплетника», или

«Великую Интриганку», или «Человека, говорящего всем правду в глаза», причем должен был проводить свою роль в повседневной жизни. При этом назначенные роли могли вовсе не соответствовать и даже противоречить настоящему характеру данного «актера». В результате иногда возникали острые положения. Старшее поколение относилось критически к этой игре, молодых же «увлекала именно известная рискованность игры». По этому поводу г-жа Неведомская говорит, что в характере Гумилева «была черта, заставлявшая его искать и создавать рискованные положения, хотя бы лишь психологически», хотя было у него влечение и к опасности чисто физической.

Вспоминая осень 1911 года, г-жа Неведомская рассказывает о пьесе, которую сочинил Гумилев для исполнения обитателями Подобина, когда упорные дожди загнали их в дом.⁵ Гумилев был не только автором, но и режиссером. Г-жа Неведомская пишет:

Его воодушевление и причудливая фантазия подчиняли нас полностью и мы покорно воспроизводили те образы, которые он нам внушал. Все фигуры этой пьесы схематичны, как и образы стихов и поэм Гумилева. Ведь и живых людей, с которыми он сталкивался, Н. С. схематизировал и заострял, применяясь к типу собеседника, к его «коньку», ведя разговор так, что человек становился рельефным; при этом «стилизуемый объект» даже не замечал, что Н. С. его все время «стилизует».

В 1911 году у Гумилевых родился сын Лев. К этому же году относится рождение Цеха Поэтов — литературной организации, первоначально объединявшей очень разнообразных поэтов (в нее входили и Блок и Вячеслав Иванов), но вскоре давшей толчок к возникновению акмеизма, который, как литературное течение, противопоставил себя символизму. Здесь не место говорить

⁵ Изложение этой пьесы и несколько небольших отрывков из нее, которые запомнила г-жа Неведомская, читатель найдет в третьем томе нашего издания.

об этом подробно. Напомним только, что к 1910 году относится знаменитый спор о символизме. В созданном при «Аполлоне» Обществе Ревнителей Художественного Слова были прочитаны доклады о символизме Вячеслава Иванова и Александра Блока. Оба эти доклады были напечатаны в № 8 «Аполлона» (1910 г.). А в следующем номере появился короткий и язвительный ответ на них В. Я. Брюсова, озаглавленный «О речи рабской, в защиту поэзии». Внутри символизма наметился кризис, и два с лишним года спустя на страницах того же «Аполлона» (1913, № 1) Гумилев и Сергей Городецкий в статьях носивших характер литературных манифестов провозгласили идущий на смену символизму акмеизм или адамизм. Гумилев стал признанным вождем акмеизма (который одновременно противопоставил себя и народившемуся незадолго до того футуризму), а «Аполлон» его органом. Цех Поэтов превратился в организацию поэтов-акмеистов, и при нем возник небольшой журнальчик «Гиперборей», выходивший в 1912—1913 гг., и издательство того же имени.

Провозглашенный Гумилевым акмеизм в его собственном творчестве всего полнее и отчетливее выразился в вышедшем именно в это время (1912 г.) сборнике «Чужое небо», куда Гумилев включил и четыре стихотворения Теофиля Готье, одного из четырех поэтов — весьма друг на друга непохожих — которых акмеисты провозгласили своими образцами. Одно из четырех стихотворений Готье, вошедших в «Чужое небо» («Искусство»), может рассматриваться как своего рода кредо акмеизма. Через два года после этого Гумилев выпустил целый том переводов из Готье — «Эмали и камеи» (1914 г.). Хотя С. К. Маковский в своем этюде о Гумилеве и говорит, что недостаточное знакомство с французским языком иногда и подводило Гумилева в этих переводах, другой знаток французской литературы, сам ставший французским эссеистом и критиком, покойный А. Я. Левинсон, писал в некрологе Гумилева:

Мне доныне кажется лучшим памятником этой поры в жизни Гумилева бесценный перевод «Эма-

лей и камней», поистине чудо перевоплощения в облик любимого им Готье. Нельзя представить, при коренной разнице в стихосложении французском и русском, в естественном ритме и артикуляции обоих языков, более разительного впечатления тождественности обоих текстов. И не подумайте, что столь полной аналогии возможно достигнуть лишь обдуманностью и совершенством фактуры, выработанностью ремесла; тут нужно постижение более глубокое, поэтическое братство с иностранным стихотворцем.⁶

В эти годы, предшествовавшие мировой войне, Гумилев жил интенсивной жизнью: «Аполлон», Цех Поэтов, «Гиперборей», литературные встречи на башне у Вячеслава Иванова, ночные сборища в «Бродячей Собаке», о которых хорошо сказала в своих стихах Анна Ахматова и рассказал в «Петербургских зимах» Георгий Иванов. Но и не только это, а и поездка в Италию в 1912 году, плодом которой явился ряд стихотворений, первоначально напечатанных в «Русской Мысли» П. Б. Струве (постоянными сотрудниками которой в эти годы стали и Гумилев и Ахматова) и в других журналах, а потом вошедших большей частью в книгу «Колчан»; и новое путешествие в 1913 году в Африку, на этот раз обставленное как научная экспедиция, с поручением от Академии Наук (в этом путешествии Гумилева сопровождал его семнадцатилетний племянник, Николай Леонидович Сверчков). Об этом путешествии в Африку (а может быть отчасти и о прежних) Гумилев писал в напечатанных впервые в «Аполлоне» «Пятистопных ямбах»:

Но проходили месяцы, обратно
Я плыл и увозил клыки слонов,
Картины абиссинских мастеров,
Меха пантер — мне нравились их пятна —
И то, что прежде было непонятно,
Презрение к миру и усталость снов.

⁶ «Современные Записки», 1922, № 9.

О своих охотничьих подвигах в Африке Гумилев рассказал в очерке, который будет включен в последний том нашего Собрания сочинений, вместе с другой прозой Гумилева.

«Пятистопные ямбы» — одно из самых личных и автобиографических стихотворений Гумилева, который до того поражал своей «объективностью», своей «безличностью» в стихах. Полные горечи строки в этих «Ямбах» явно обращены к А. А. Ахматовой и обнаруживают наметившуюся к этому времени в их отношениях глубокую и неисправимую трещину:

Я знаю, жизнь не удалась . . . и ты,

Ты, для кого искал я на Леванте
Нетленный пурпур королевских мантий,
Я проиграл тебя, как Дамаянти
Когда-то проиграл безумный Наль.
Взлетели кости, звонкие как сталь,
Упали кости — и была печаль.

Сказала ты, задумчивая, строго:
— «Я верила, любила слишком много,
А ухожу, не веря, не любя,
И пред лицом Всевидящего Бога,
Быть может самое себя губя,
Навек я отрекаюсь от тебя». —

Твоих волос не смел поцеловать я,
Ни даже сжать холодных, тонких рук.
Я сам себе был гадок, как паук,
Меня пугал и мучил каждый звук.
И ты ушла в простом и темном платье,
Похожая на древнее Распятье.

Об этой личной драме Гумилева не пришло еще время говорить иначе как словами его собственных стихов: мы не знаем всех ее перипетий, и еще жива А. А. Ахматова, не сказавшая о ней в печати ничего.

Из отдельных событий в жизни Гумилева в этот предвоенный период — период, о котором много вспо-

минали его литературные друзья — можно упомянуть его дуэль с Максимилианом Волошиным, связанную с выдуманной Волошиным «Черубиной де Габриак» и ее стихами. Об этой дуэли — вызов произошел в студии художника А. Я. Головина при большом скоплении гостей — рассказал довольно подробно С. К. Маковский (см. его книгу «На Парнасе Серебряного Века»), а мне о ней рассказывал также бывший свидетелем вызова Б. В. Анреп.

Всему этому был положен конец в июле 1914 года, когда в далеком Сараеве раздался выстрел Гавриила Принципа, а затем всю Европу охватил пожар войны, и с него началась та трагическая эпоха, которую мы переживаем по сию пору. Об этом июле Ахматова писала:

Пахнет гарью. Четыре недели
Торф сухой по болотам горит.
Даже птицы сегодня не пели,
И осина уже не дрожит.

Стало солнце немилостью Божьей,
Дождик с Пасхи полей не кропил.
Приходил одноногий прохожий
И один на дворе говорил:

«Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затмения небесных светил.

Только нашей земли не разделит
На потеху себе супостат:
Богородица белый расстелит
Над скорбями великими плат».

Патриотический порыв тогда охватил все русское общество. Но едва ли не единственный среди скольконибудь видных русских писателей, Гумилев отозвался на обрушившуюся на страну войну действительно, и почти тотчас же (24-го августа) записался в добровольцы. Он

сам, в позднейшей версии уже упоминавшихся «Пяти-
стопных ямбов», сказал об этом всего лучше:

И в реве человеческой толпы,
В гуденьи проезжающих орудий,
В немолчном зове боевой трубы
Я вдруг услышал песнь моей судьбы
И побежал, куда бежали люди,
Покорно повторяя: буди, буди.

Солдаты громко пели, и слова
Невнятны были, сердце их ловило:
— «Скорей вперед! Могила так могила!
Нам ложем будет свежая трава,
А пологом — зеленая листва,
Союзником — архангельская сила». —

Так сладко эта песнь лилась, маня,
Что я пошел, и приняли меня
И дали мне винтовку и коня,
И поле, полное врагов могучих,
Гудящих грозно бомб и пуль певучих,
И небо в молнийных и рдяных тучах.

И счастьем душа обожжена
С тех самых пор; веселием полна
И ясностью, и мудростью, о Боге
Со звездами беседует она,
Глас Бога слышит в воинской тревоге
И Божьими зовет свои дороги.

В нескольких стихотворениях Гумилева о войне, вошедших в сборник «Колчан» (1916) — едва ли не лучших во всей «военной» поэзии в русской литературе — сказалось не только романтически-патриотическое, но и глубоко религиозное восприятие Гумилевым войны. Говоря в своем уже цитированном некрологе Гумилева об его отношении к войне, А. Я. Левинсон писал:

Войну он принял с простотою совершенной, с прямолинейной горячностью. Он был, пожалуй, одним

из тех немногих людей в России, чью душу война застала в наибольшей боевой готовности. Патриотизм его был столь же безоговорочен, как безоблачно было его религиозное исповедание. Я не видел человека, природе которого было бы более чуждо сомнение, как совершенно, редкостно чужд был ему и юмор. Ум его, догматический и упрямый, не ведал никакой двойственности.

Н. А. Оцуп в своем предисловии к «Избранному» Гумилева (Париж, 1959) отметил близость военных стихов Гумилева к стихам французского католического поэта Шарля Пегги, который так же религиозно воспринял войну и был убит на фронте в 1914 году.

В приложении к настоящему очерку читатель найдет «Послужной список» Гумилева. В нем в голых фактах и казенных формулах запечатлены военная страда и героический подвиг Гумилева. Два солдатских Георгия на протяжении первых пятнадцати месяцев войны сами говорят за себя. Сам Гумилев, поэтически воссоздавая и переживая заново свою жизнь в замечательном стихотворении «Память» (которое читатель найдет во втором томе нашего собрания) так сказал об этом:

Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулею нетронутую грудь.

В годы войны Гумилев выбыл из литературной среды и жизни и перестал писать «Письма о русской поэзии» для «Аполлона» (зато в утреннем издании газеты «Биржевые Ведомости» одно время печатались его «Записки кавалериста»). Из его послужного списка вытекает, что до 1916 года он ни разу не был даже в отпуску. Но в 1916 году он провел в Петербурге несколько месяцев, будучи откомандирован для держания офицерского экзамена при Николаевском кавалерийском училище. Экзамена этого Гумилев почему-то не выдер-

жал и производства в следующий после прапорщика чин так и не получил.

Как отнесся Гумилев к февральской революции, мы не знаем. Может быть, с начавшимся развалом в армии было связано то, что он «отпросился» на фронт к союзникам и в мае 1917 года через Финляндию, Швецию и Норвегию уехал на Запад. Повидимому, предполагалось, что он преследует на Салоникский фронт и будет причислен к экспедиционному корпусу генерала Франше д'Эспере, но он застрял в Париже. По дороге в Париж Гумилев пробыл некоторое время в Лондоне, где Б. В. Анреп, его петербургский знакомец и сотрудник «Аполлона», познакомил его с литературными кругами. Так, он возил его к лэди Оттолине Моррелл, которая жила в деревне и в доме которой часто собирались известные писатели, в том числе Д. Х. Лоуренс и Олдус Хаксли.⁷ В сохранившихся в лондонском архиве Гумилева записных книжках записан ряд литературных адресов, а также много названий книг — по английской и другим литературам — которые Гумилев собирался читать или приобрести. Записи эти отражают интерес Гумилева к восточным литературам, и возможно, что либо в это первое пребывание в Лондоне, либо в более длительное на обратном пути (между январем и апрелем 1918 года) он познакомился с известным английским переводчиком китайской поэзии, Артуром Уэли (Waley), служившим в Британском Музее. Переводами китайских поэтов Гумилев занялся в Париже. О жизни Гумилева в Париже, продолжавшейся шесть месяцев (с июля 1917 по январь 1918 года) мы знаем довольно мало. По словам известного художника М. Ф. Ларионова (в частном письме ко мне) самой большой страстью Гумилева в этот его парижский период была восточная поэзия, и он собирал все до нее касающееся. С Ларио-

⁷ По словам М. Ф. Ларионова (см. ниже), Гумилев познакомился в Лондоне со знаменитым английским писателем Дж. К. Честертоном. В одной из записных книжек Гумилева записан адрес журнала *The New Age*, к которому был близок Честертон.

новым и его женой, Н. С. Гончаровой, жившими в то время в Париже, Гумилев много общался, и принадлежащий мне сейчас лондонский альбом стихов Гумилева иллюстрирован их рисунками в красках (есть в нем и один рисунок Д. С. Стеллецкого). Вспоминая о пребывании Гумилева в Париже, М. Ф. Ларионов писал мне: «Вообще он был непоседой. Париж знал хорошо и отличался удивительным умением ориентироваться. Половина наших разговоров проходила об Анненском и Жерар де Нервале. Имел странность в Тюильри садиться на бронзового льва, который одиноко скрыт в зелени в конце сада, почти у Лувра».

Из других русских знакомств Гумилева известно об его встречах с давно уже жившим за границей поэтом К. Н. Льдовым (Розенблюмом), письмо которого к Гумилеву из Парижа в Лондон с вложенными в него стихами сохранилось среди бумаг, переданных мне Б. В. Анрепом.⁸

Но хотя Ларионов говорит о восточной литературе, как главной страсти Гумилева в Париже, мы знаем и о другой его парижской страсти — о любви его к молодой Елене Д., полу-русской, полу-француженке, вышедшей потом замуж за американца. Об этой «любви несчастной Гумилева в год четвертый мировой войны», как он сам охарактеризовал ее, говорит целый цикл его стихов, записанных в альбом Елены Д., которую он называл своей «синей звездой», и напечатанных по тексту этого альбома — уже после его смерти — в сборнике «К синей звезде» (1923). Многие из этих стихотворений были записаны Гумилевым и в его лондонский альбом, иногда в новых вариантах.

Короткий заграничный период оказался творчески продуктивным в жизни Гумилева. Помимо стихов «к синей звезде» и переводов восточных поэтов, составивших книгу «Фарфоровый павильон», Гумилев задумал

⁸ Письмо Льдова и посланные им Гумилеву стихи напечатаны мною в статье «Неизданные материалы для биографии Гумилева и истории литературных течений» («Опыты», Нью-Йорк, № 1, 1953, стр. 181—190).

и начал писать в Париже и продолжал в Лондоне свою «византийскую» трагедию «Отравленная туника». К этому же времени относится интересная неоконченная повесть «Веселые братья», хотя возможно, что работу над ней Гумилев начал еще в России. Может показаться странным, что в то время как и Швеция, и Норвегия, и Северное море, которые он видел проездом, навевали ему стихотворения (эти стихотворения вошли в книгу «Костер», 1918), ни Париж ни Лондон, где он пробыл довольно долго, сами по себе не оставили следов в его поэзии, если не считать упоминаний парижских улиц в любовных стихах альбома «К синей звезде».

О военной службе Гумилева за это время, о том, в чем заключались его обязанности как офицера, известно очень мало. Я уже упоминал составленный Гумилевым меморандум о наборе добровольцев среди абиссинцев в армию союзников. Был ли представлен этот меморандум по назначению, то есть французскому верховному командованию или военному министерству, мы не знаем. Может быть, разыскания во французских военных архивах дадут ответ на этот вопрос. Гумилев во всяком случае считал себя специалистом по Абиссинии. Хотя Георгий Иванов, хорошо знавший Гумилева, в своих воспоминаниях о нем и говорит, что он отзывался об Африке презрительно и раз в ответ на вопрос, что испытал он, увидев впервые Сахару, ответил: «Я не заметил ее. Я сидел на верблюде и читал Ронсара», — этот ответ следует считать, пожалуй, рисовкой. Заметил Гумилев Сахару или не заметил, он воспел ее в длинном стихотворении и даже предсказал время, когда

... на мир наш зеленый и старый
Дико ринутся хищные стаи песков
Из пылающей юной Сахары.

Средиземное Море засыпят они,
И Париж, и Москву, и Афины,
И мы будем в небесные верить огни,
На верблюдах своих бедуины.

И когда наконец корабли марсиан
У земного окажутся шара,
То увидят сплошной, золотой океан
И дадут ему имя: Сахара.

Стихи Гумилева об Африке (в книге «Шатер») говорят о том колдовском очаровании, которое имел для него этот материк — он называл его «исполинской грушей», висящей «на дереве древнем Евразии». Об Африке Гумилев вспоминал и в Париже в дни своего вынужденного бездействия там в 1917 году. Свою любовь к ней и свое знакомство с ней он решил использовать в интересах союзного дела. Отсюда — его записка об Абиссинии, в которой он сообщает данные о различных населяющих ее племенах и характеризует их с точки зрения их военного потенциала. Эту записку читатель найдет в приложении к одному из последующих томов нашего собрания.

В приложении к настоящему очерку даются никогда ранее не печатавшиеся документы, проливающие некоторый свет на обстоятельства, при которых Гумилев в январе 1918 года покинул Париж и перебрался в Лондон. У него было, повидимому, серьезное намерение отправиться на месопотамский фронт и сражаться в английской армии. В Лондоне он запасся у некоего Арундела дель Ре, который позднее был преподавателем итальянского языка в Оксфордском университете (я встречался с ним в бытность мою студентом там, но, к сожалению, и понятия не имел о том, что он знал Гумилева), письмами к итальянским писателям и журналистам (в том числе к знаменитому Джованни Папини) — на случай, если ему придется по пути задержаться в Италии: письма эти сохранились в записных книжках в моем архиве. Возможно, что к отправке Гумилева на Ближний Восток встретились какие-то препятствия с английской стороны вследствие того, что к тому времени Россия выбыла из войны. При отъезде из Парижа Гумилев был обеспечен жалованьем по апрель 1918 года, а также средствами на возвращение в Россию. Думал ли он серьезно о том, чтобы остаться в Англии, мы

не знаем. Едва ли, хотя в феврале 1918 года он, повидимому, сделал попытку приискать себе работу в Лондоне (см. об этом в документах, приложенных к настоящему очерку, II, 8). Из этой попытки, очевидно, ничего не вышло. Гумилев покинул Лондон в апреле 1918 года: среди его лондонских бумаг сохранился датированный 10 апреля счет за комнату, которую он занимал в скромной гостинице неподалеку от Британского Музея и теперешнего здания Лондонского университета, на Guilford Street. Вернуться тогда в Россию можно было лишь кружным путем — через Мурманск. В мае 1918 года Гумилев уже был в революционном Петрограде.

В том же году состоялся его развод с А. А. Ахматовой, а в следующем году он женился на Анне Николаевне Энгельгардт, дочери профессора-ориенталиста, которую С. К. Маковский охарактеризовал, как «хорошенькую, но умственно незначительную девушку». В 1920 году у Гумилевых, по словам А. А. Гумилевой, родилась дочь Елена. О ее судьбе, как и о судьбе ее матери, мне никогда не приходилось встречать никаких упоминаний. Что касается сына А. А. Ахматовой, то он в тридцатых годах стяжал себе репутацию талантливого молодого историка, причем специальностью своей он как будто выбрал историю Средней Азии. Позднее, при обстоятельствах до сих пор до конца не выясненных, он был арестован и сослан. Совсем недавно в журнале «Новый Мир» (1961, № 12) среди напечатанных там писем покойного А. А. Фадеева было напечатано и его обращение в советскую Главную военную прокуратуру, помеченное 2 марта 1956 года, то есть за два месяца до самоубийства Фадеева. Фадеев направлял в прокуратуру письмо А. А. Ахматовой и просил «ускорить рассмотрение дела» ее сына, указывая, что «в справедливости его изоляции сомневаются известные круги научной и писательской интеллигенции». Свое обращение Фадеев заканчивал следующими словами:

При разбирательстве дела Л. Н. Гумилева необходимо также учесть, что (несмотря на то, что ему было всего 9 лет, когда его отца Н. Гумилева уже

не стало) он, Лев Гумилев, как сын Н. Гумилева и А. Ахматовой всегда мог представить «удобный» материал для всех карьеристских и враждебных элементов для возведения на него любых обвинений.

Думаю, что есть полная возможность разобраться в его деле объективно.

Хотя к другим тут же напечатанным письмам неким С. Преображенским даны пояснительные комментарии, это в известном смысле беспримерное обращение Фадеева, которое он подписал своим званием депутата Верховного Совета СССР, оставлено без всякого пояснения. Известно, однако, что вскоре после этого Л. Н. Гумилев был освобожден из «изоляции» (как деликатно выразился Фадеев) и стал работать в азиатском отделе Эрмитажа. В 1960 году Институтом Востоковедения при Академии Наук СССР был выпущен солидный труд Л. Н. Гумилева по истории ранних гуннов («Хунну: Средняя Азия в древние времена»). Но в 1961 г. границу дошли слухи (может быть, и неверные) о новом аресте Л. Н. Гумилева.

Вернувшись в Советскую Россию, Н. С. Гумилев окупился в тогдашнюю горячую литературную атмосферу революционного Петрограда. Как многие другие писатели, он стал вести занятия и читать лекции в Институте Истории Искусств и в разных возникших тогда студиях — в «Живом Слове», в студии Балтфлота, в Пролеткульте. Он принял также близкое участие в редакционной коллегии издательства «Всемирная Литература», основанного по почину М. Горького, и вместе с А. А. Блоком и М. Л. Лозинским стал одним из редакторов поэтической серии. Под его редакцией в 1919 году и позже были выпущены «Поэма о старом моряке» С. Кольриджа в его, Гумилева, переводе, «Баллады» Роберта Саути (предисловие и часть переводов принадлежали Гумилеву) и «Баллады о Робин Гуде» (часть переводов тоже принадлежала Гумилеву; предисловие было написано Горьким). В переводе Гумилева с его же коротким предисловием и введением ассириолога В. К.

Шилейко, который стал вторым мужем А. А. Ахматовой, был выпущен также вавилонский эпос о Гильгамеше. Вместе с Ф. Д. Батюшковым и К. И. Чуковским Гумилев составил книгу о принципах художественного перевода. В 1918 году, вскоре после возвращения в Россию, он задумал переиздать некоторые из своих дореволюционных сборников стихов: появились новые, пересмотренные издания «Романтических цветов» и «Жемчугов»; были объявлены, но не вышли «Чужое небо» и «Колчан». В том же году вышел шестой сборник стихов Гумилева «Костер», содержащий стихи 1916—1917 гг., а также африканская поэма «Мик» и уже упоминавшийся «Фарфоровый павильон». Годы 1919 и 1920 были годами, когда издательская деятельность почти полностью приостановилась, а в 1921 году вышли два последних прижизненных сборника стихов Гумилева — «Шатер» (стихи об Африке) и «Огненный столп». ⁹

Кроме того Гумилев активно участвовал и в литературной политике. Вместе с Н. Оцупом, Г. Ивановым и Г. Адамовичем он возродил Цех Поэтов, который должен был быть «беспартийным», не чисто акмеистским, но ряд поэтов отказался в него войти, а Ходасевич кончил тем, что ушел. Уход Ходасевича был отчасти связан с тем, что в петербургском отделении Всероссийского Союза Поэтов произошел переворот и на место Блока председателем был выбран Гумилев. В связи с этим много и весьма противоречиво писалось о враждебных отношениях между Гумилевым и Блоком в эти последние два года жизни обоих, но эта страница литературной истории до сих пор остается до конца не раскрытой, и касаться этого вопроса здесь не место.

Гумилев с самого начала не скрывал своего отрицательного отношения к большевистскому режиму. А. Я. Левинсон, встречавшийся с ним во «Всемирной Литературе», где их на два с лишком года объединил «общий

⁹ «Шатер» вышел в Севастополе: в июне 1921 года Гумилев ненадолго ездил в Крым.

труд насаждения духовной культуры Запада на развалинах русской жизни», так вспоминал об этом времени в 1922 году:

Кто испытал «культурную» работу в Совдепии, знает всю горечь бесполезных усилий, всю обреченность борьбы с звериной враждой хозяев жизни, но все же этой великодушной иллюзией мы жили в эти годы, уповая, что Байрон и Флобер, проникающие в массы хотя бы во славу большевизского «блеффа», плодотворно потрясут не одну душу. Я смог оценить тогда обширность знаний Гумилева в области европейской поэзии, необыкновенную напряженность и добротность его работы, а особенно его педагогический дар. «Студия Всемирной Литературы» была его главной кафедрой; здесь отчеканивал он правила своей поэтики, которой охотно придавал форму «заповедей»... В общественном нашем быту, ограниченном заседаниями редакции, он с чрезвычайной резкостью и бесстрашием отстаивал достоинство писателя. Мечтал даже во имя погрязших наших прерогатив и неотъемлемых прав духа апеллировать ко всем писателям Запада; ждал оттуда спасения и защиты.

О политике он почти не говорил: раз навсегда с негодованием и брезгливостью отвергнутый режим как бы не существовал для него. (Разрядка моя. — Г. С.).

Едва ли правильно думать, как утверждали многие, что дело было в «наивном» и несколько старомодном, традиционном монархизме Гумилева. Отрицательное отношение к новому режиму было общим тогда для значительной части русского интеллигентного общества, и оно особенно усилилось после репрессий, последовавших за покушением на Ленина и убийством Урицкого, совершенным поэтом Леонидом Каннегиссером. Но многими тогда овладел и страх. Гумилева от многих от-

личали его мужество, его неустранимость, его влечение к риску и тяга к действительности. Так же как неверно, думается, изображать Гумилева как наивного (или наивничающего) монархиста, так же неправильно думать, что в так называемый заговор Таганцева он оказался замешанным более или менее случайно. Нет оснований думать, что Гумилев вернулся весной 1918 года в Россию с сознательным намерением вложиться в контрреволюционную борьбу, но есть все основания полагать, что, будь он в России в конце 1917 года, он оказался бы в рядах Белого Движения. Точной роли Гумилева в Таганцевском деле мы не знаем, и о самом этом деле известно еще далеко недостаточно. Но мы знаем, что с одним из руководителей «заговора», профессором-государствоведом Н. И. Лазаревским, Гумилев был знаком еще до отъезда из России в 1917 году.

Прежде чем рассказать о трагическом завершении жизни Гумилева, приведем здесь из воспоминаний современников, хорошо знавших его, описания наружности Гумилева и впечатления, которое он производил на знакомившихся с ним. Они во многом совпадают, но каждое из них вносит и какую-то свою черточку и дополняет другие.

Н. А. Оцуп, бывший на восемь лет моложе Гумилева, относит свое первое воспоминание о Гумилеве к 1901 году (но если, как он пишет, Гумилев тогда уже учился в Царскосельской гимназии вместе со старшим братом Оцупа, это должно было быть не раньше 1903 года). Оцуп пишет:

И все же я Гумилева отлично запомнил, потому что более своеобразного лица не видел в Царском Селе ни тогда, ни после. Сильно удлиненная, как будто вытянутая вверх голова, косые глаза, тяжелые медлительные движения, и ко всему очень трудный выговор, — как не запомнить!

В другом месте, цитируя строчку Гумилева о себе из стихотворения «Память» («Самый первый: некрасив и тонок»), Оцуп писал: «Да, он был некрасив. Череп суженный кверху, как будто вытянутый щипцами акушера. Гумилев косил, чуть-чуть шепелявил...»

Невестка Гумилева, познакомившаяся с ним в 1909 году, так описывает его, подчеркивая скорее привлекательные, положительные черты:

Вышел ко мне молодой человек 22 лет, высокий, худощавый, очень гибкий, приветливый, с крупными чертами лица, с большими светлосиними, немного косившими глазами, с продолговатым овалом лица, с красивыми шатеновыми, гладко причесанными волосами, с чуть-чуть иронической улыбкой, с необыкновенно тонкими, красивыми белыми руками. Походка у него была мягкая, и корпус он держал чуть согнувши вперед. Одет он был элегантно.

Тогда же — может быть, немного раньше, в самом начале 1909 года — с Гумилевым познакомился С. К. Маковский. Вот — портрет, который он дает:

Юноша был тонок, строен, в элегантном университетском сюртуке, с очень высоким, темносиним воротником (тогдашняя мода) и причесан на пробор тщательно. Но лицо его благообразием не отличалось: бесформенно-мягкий нос, толстоватые бледные губы и немного косящий взгляд (белые точеные руки я заметил не сразу). Портит его и недостаток речи: Николай Степанович плохо произносил некоторые буквы, как-то особенно заметно шепелявил...

К немного более позднему времени относится первая встреча с Гумилевым г-жи Неведомской, которая дает очень красочную зарисовку поэта:

На веранду, где мы пили чай, Гумилев вошел из сада; на голове — феска лимонного цвета, на ногах — лимонные носки и сандалии и к этому русская рубашка... У него было очень необыч-

ное лицо: не то Би-Ба-Бо, не то Пьеро, не то монгол, а глаза и волосы светлые. Умные, пристальные глаза слегка косят. При этом подчеркнуто-церемонные манеры, а глаза и рот слегка усмеваются; чувствуется, что ему хочется созорничать и подшутить над его добрыми тетушками, над этим чаепитием с вареньем, с разговорами о погоде, об уборке хлебов и т. п.

К последним годам жизни Гумилева относятся воспоминания покойного В. Ф. Ходасевича и И. В. Одоевцовой. Ходасевич лишь вскользь говорит о наружности Гумилева в связи с впечатлением душевной молодости, которое тот произвел на него (они впервые встретились в 1918 году, но по-настоящему познакомились в 1920 году и одно время были соседями по комнатам в Доме Искусства):

Он был удивительно молод душой, а может быть и умом. Он всегда мне казался ребенком. Было что-то ребяческое в его под машинку стриженной голове, в его выправке, скорее гимназической, чем военной . . .

Ходасевич ярко нарисовал также картину появления Гумилева на одном вечере в тогдашнем голодном и холодном революционном Петрограде:

Боже мой, как одета эта толпа! Валенки, свитеры, потертые шубы, с которыми невозможно расстаться и в танцевальном зале. И вот, с подобающим опозданием, является Гумилев под руку с дамой, дрожащей от холода в черном платье с глубоким вырезом. Прямой и надменный во фраке, Гумилев проходит по залам. Он дрогнет от холода, но величественно и любезно раскланивается направо и налево. Беседует со знакомыми в светском тоне . . .

К тому же примерно времени относится воспоминание Ирины Одоевцовой, тогда начинающей поэтессы, впервые увидавшей Гумилева в студии «Живое Слово»:

Высокий, узкоплечий, в оленьей дохе, с белым рисунком по подолу, колыхавшейся вокруг его длинных, худых ног. Ушастая оленья шапка и пестрый африканский портфель придавали ему еще более необыкновенный вид... Так вот он какой, Гумилев! Трудно представить себе более некрасивого, более особенного человека. Все в нем особенное и особенно некрасивое. Продолговатая, словно вытянутая вверх голова, с непомерно высоким плоским лбом. Волосы стриженные под машинку, неопределенного пегого цвета. Жидкие, будто молью травленные брови. Под тяжелыми веками совершенно плоские, косящие глаза. Пепельносерый цвет лица, узкие, бледные губы. Улыбался он тоже совсем особенно. В улыбке его было что-то жалкое и в то же время лукавое. Что-то азиатское. От «идола металлического», с которым он сравнивал себя в стихах:

Я злюсь, как идол металлический
Среди фарфоровых игрушек.

Но улыбку его я увидела гораздо позже. В тот день он ни разу не улыбнулся...

*
* *
*

Гумилев был арестован 3-го августа 1921 года, за четыре дня до смерти А. А. Блока. И В. Ф. Ходасевич, и Г. В. Иванов в своих воспоминаниях говорят, что в гибели Гумилева сыграл роль какой-то провокатор. По словам Ходасевича, этот провокатор был привезен из Москвы их общим другом, которого Ходасевич характеризует как человека большого таланта и большого легкомыслия, который «жил... как птица небесная, говорил — что Бог на душу положит» и к которому провокаторы и шпионы «так и льнули». Гумилеву «провокатор», называвший себя начинающим поэтом, молодой, приятный в обхождении, щедрый на подарки, очень понравился, и они стали часто видаться. Горький говорил потом, что показания этого человека фигурировали в

гумилевском деле и что он был «подослан». Г. Иванов связывал провокатора с поездкой Гумилева в Крым летом 1921 года в поезде адмирала Немица и так описывал его: «Он был высок, тонок, с веселым взглядом и открытым юношеским лицом. Носил имя известной морской семьи и сам был моряком — был произведен в мичманы незадолго до революции. Вдобавок к этим располагающим свойствам, этот 'приятный во всех отношениях' молодой человек писал стихи, очень недурно подражая Гумилеву». По словам Иванова, «провокатор был точно по заказу сделан, чтобы расположить к себе Гумилева». Хотя в рассказе Иванова есть подробности, которых нет у Ходасевича, похоже, что речь идет об одном и том же человеке.

Ходасевич же оставил наиболее подробный и точный рассказ о последних часах, проведенных Гумилевым на свободе. Он писал в своих воспоминаниях:

В конце лета я стал собираться в деревню на отдых. В среду, 3-го августа, мне предстояло уехать. Вечером накануне отъезда пошел я проститься кое с кем из соседей по Дому Искусств. Уже часов в десять постучался к Гумилеву. Он был дома, отдыхал после лекции.

Мы были в хороших отношениях, но короткости между нами не было. И вот, как два с половиной года тому назад меня удивил слишком официальный прием со стороны Гумилева, так теперь я не знал, чему приписать необычайную живость, с которой он обрадовался моему приходу. Он выказал какую-то особую даже теплоту, ему как будто бы и вообще не свойственную. Мне нужно было еще зайти к баронессе В. И. Иксуль, жившей этажом ниже. Но каждый раз, когда я подымался уйти, Гумилев начинал упрашивать: «Посидите еще». Так я и не попал к Варваре Ивановне, просидев у Гумилева часов до двух ночи. Он был на редкость весел. Говорил много, на разные темы. Мне почему-то запомнился только его рассказ о пребывании в царскосельском лазарете, о

государыне Александре Феодоровне и великих княжнах. Потом Гумилев стал меня уверять, что ему суждено прожить очень долго — «по крайней мере до девяноста лет». Он все повторял:

— Непременно до девяноста лет, уж никак не меньше.

До тех пор собирался написать книту книг. Упрекал меня:

— Вот, мы однолетки с вами, а поглядите: я, право, на десять лет моложе. Это все потому, что я люблю молодежь. Я со своими студистками в жмурки играю — и сегодня играл.⁹ И потому непременно проживу до девяноста лет, а вы через пять лет скиснете.

И он, хохоча, показывал мне, как через пять лет я буду, сгорбившись, волочить ноги, и как он будет выступать «молодцом».

Прощаясь, я попросил разрешения принести ему на следующий день кое-какие вещи на сохранение. Когда на утро, в условленный час, я с вещами подошел к дверям Гумилева, мне на стук никто не ответил. В столовой служитель Ефим сообщил, что ночью Гумилева арестовали и увезли. Итак, я был последним, кто видел его на воле. В его преувеличенной радости моему приходу, должно быть, было предчувствие, что после меня он уже никого не увидит.

С рассказом Ходасевича расходится рассказ Георгия Иванова (в статье о Гумилеве в 6-й тетради «Возрождения», ноябрь—декабрь 1949 г.). По словам Иванова, Гумилев в день ареста вернулся домой около двух часов ночи, проведя весь вечер в студии, среди поэтической молодежи. Иванов ссылается на студистов, кото-

⁹ О том, как непринужденно играл и веселился со своими «студистками» Гумилев, есть и другие рассказы. В другом месте воспоминаний Ходасевич говорит, что, когда Гумилев играл в жмурки с «поэтической детворой», он был «похож на славного пятиклассника, который разыгрался с пригостишками».

рые рассказывали, что в этот вечер Гумилев был особенно оживлен и хорошо настроен и потому так долго засиделся. Провожавшие Гумилева несколько барышень и молодых людей якобы видели автомобиль, ждавший у подъезда Дома Искусств, но никто не обратил на это внимания — в те дни, пишет Иванов, автомобили перестали быть «одновременно и диковиной и страшилищем». Из рассказа Иванова выходит, что это был автомобиль Чеки, а люди, приехавшие в нем, ждали Гумилева у него в комнате с ордером на обыск и арест.¹⁰

Н. Н. Берберова в частном письме к Б. А. Филиппову относит арест Гумилева к 4 августа и вспоминает, что 3-го августа она гуляла с Гумилевым по Петербургу до восьми часов вечера (они познакомились лишь за девять дней до того, когда Берберова была принята в кружок молодых поэтов «Звучащая Раковина», которым руководил Гумилев).

О том, что последовало за арестом, есть несколько рассказов, но все они из вторых или третьих рук. Георгий Иванов в уже упомянутой статье, ссылаясь на поэта-футуриста Сергея Боброва, которого он называет «полу-чекистом», и на настоящего чекиста, следователя петербургской Чеки Дзержибашева, рассказывает о том, как смело держал себя Гумилев на допросах и как мужественно он умер. Оцуп эти рассказы называет рассказами «таинственных очевидцев», прибавляя: «и без их свидетельства нам, друзьям покойного, было ясно, что Гумилев умер достойно своей славы мужественного и стойкого человека». Оцуп входил в группу четырех человек, которые, узнав об аресте Гумилева и о том, что его не выпускают, на похоронах Блока сговорились

¹⁰ Статья Иванова была опубликована гораздо позже воспоминаний Ходасевича, но он даже не упомянул об этом разительном разноречии в их рассказах об одном и том же дне. Н. А. Оцуп, не называя даты, вспоминал, как однажды, идя в комнату Гумилева в Доме Искусств, он услышал за спиной сдвленный шопот: Ефим, бывший лакей Елисеева, в особняке которого помещался Дом Искусств, предупреждал его, что «у Николая Степановича засада».

идти в Чеку и просить о выпуске арестованного на поруки Академии Наук, «Всемирной Литературы» и других организаций, не очень «благонадежных», говорит Оцуп, но к которым в самую последнюю минуту прибавили и благонадежный Пролеткульт. В эту группу входили еще неприменный секретарь Академии Наук С. Ф. Ольденбург, известный критик А. Л. Волынский и журналист Н. М. Волковыцкий. Они не только ничего не добились, но и ничего не узнали. Им сказали, что Гумилев арестован за «должностное преступление». Когда на это последовало замечание, что Гумилев ни на какой должности не состоял, председатель петербургской Чеки проявил, по словам Оцупа, неудовольствие, что с ним спорят, и сказал: «Пока ничего не могу сказать. Позвоните в среду. Во всяком случае ни один волос с головы Гумилева не упадет». В среду, когда Оцуп позвонил, ему ответили: «Ага, это по поводу Гумилева, завтра узнаете».¹¹ После этого Оцуп и молодой поэт Р.¹² бросились искать Гумилева по всем тюрьмам. На Шпалерной им сказали, что Гумилев ночью был взят на Гороховую. По словам Оцупа, в тот же вечер председатель Чеки на закрытом заседании Петербургского Совета сделал доклад о расстреле осужденных по делу Таганцева. Как дату расстрела Гумилева разные источники называют и 23, и 24, и 25, и 27 августа. Сообщение о «деле Таганцева» и список осужденных по нему и расстрелянных был напечатан в «Петроградской Правде» только 1-го сентября. Когда был приведен в исполнение приговор, в сообщении не было сказано, но дата постановления Петроградской Губернской Чрезвычайной Комиссии о расстреле была дана как 24 августа. Список расстрелянных «активных участников

¹¹ Если педантично-точный Ходасевич прав, говоря, что Гумилев был арестован в среду 3-го августа, речь здесь идет, очевидно, о среде 24-го августа (Оцуп дат не дает) — именно этим днем было датировано постановление Петроградской Чеки по «таганцевскому делу».

¹² Знакомым с литературной жизнью того времени нетрудно догадаться, кого зашифровал Оцуп под этим инициалом.

заговора в Петрограде» (в этой фразе заключалось указание на то, что заговором якобы руководили эмигранты в Финляндии и Париже)¹³ содержал 61 имя. Об одном из трех лиц, возглавлявших комитет «Петроградской Боевой Организации», бывшем офицере Юрии Павловиче Германе, было сказано, что он оказал вооруженное сопротивление при аресте на границе Финляндии и был убит. Гумилев фигурировал в списке под № 30, и о нем было сказано в этом длиннейшем официальном сообщении:

Г у м и л е в Николай Степанович, 33 лет, б. дворянин, филолог, поэт, член коллегии «Изд-во Всемирная Литература», беспартийный, б. офицер. Участник Петроградской Боевой Организации, активно содействовал составлению прокламации контр-революционного содержания, обещал связать с организацией в момент восстания группу интеллигентов, которая активно примет участие в восстании, получал от организации деньги на технические надобности.¹⁴

В числе расстрелянных было довольно много представителей интеллигенции (сенатор В. Н. Таганцев и его 26-летняя жена, профессор и сенатор Н. И. Лазаревский, кн. К. Д. Туманов, профессор-технолог М. М. Тихвинский, геолог В. М. Козловский, скульптор кн. С. А. Ухтомский и мн. др.). Но наряду с ними и с офицерами (главным образом морскими) было несколько матросов,

¹³ В числе вдохновителей заговора были названы известный ученый юрист, проф. Д. Д. Grimm, проживавший тогда в Финляндии, где он был представителем ген. П. Н. Врангеля, а потом преподававший римское право в Праге и в Юрьеве, а также гр. В. Н. Коковцов и П. Б. Струве, которым приписывалась организация «группы русских финансистов для оказания продовольственной и финансовой помощи Петрограду после переворота». Целью заговора называлось свержение советской власти в Петрограде.

¹⁴ Георгий Иванов связывал с участием Гумилева в «таганцевском заговоре» его поездку тем же летом в Крым, но об этом Чека не упоминала.

по большей части участников кронштадтского восстания в том же году, крестьян, мещан и рабочих. В списке фигурировало 16 женщин; большая часть их обвинялась как активные соучастницы мужей. Но был и один случай, когда 25-летний участник заговора («беспартийный, крестьянин, слесарь» — сказано было в официальном сообщении) был назван «прямым соучастником в делах жены». ¹⁵

В воспоминаниях о Гумилеве не раз цитировалась фраза из письма его к жене из тюрьмы: «Не беспокойся обо мне. Я здоров, пишу стихи и играю в шахматы». Упоминалось также, что в тюрьме перед смертью Гумилев читал Гомера и Евангелие. Написанные Гумилевым в тюрьме стихи не дошли до нас. Они были вероятно конфискованы Чекой и, может быть — кто знает? — сохранились в архиве этого зловещего учреждения. И Гумилев — первый в истории русской литературы большой поэт, место погребения которого даже неизвестно. Как сказала в своем стихотворении о нем Ирина Одоевцева:

И нет на его могиле
Ни холма, ни креста — ничего.

* *

*

В сталинские времена физическая смерть расстрелянного поэта — не говоря уж о том, что о ней даже не сообщили бы — означала бы и его литературную смерть. В те времена это было не так, или не совсем так. В 1921—22 годах памяти Гумилева посвящались вечера, кружок «Звучащая Раковина» подготовил посвященный ему сборник стихов. В 1922 году выходили еще в России сборники стихов Гумилева и его переводы, в том числе посмертный сборник стихотворений с предисловием Г. Иванова, дополненный в 1923 году. В 1923 году вышел, также с предисловием Г. Иванова,

¹⁵ См. «О раскрытии в Петрограде заговора против советской власти», «Петроградская Правда», № 181, 1 сентября 1921 г.

сборник статей Гумилева «Письма о русской поэзии». В 1922 году драма Гумилева «Гондла» была поставлена на петроградской сцене. Она имела успех, и на первом представлении из публики стали кричать: «Автора! Автора!» После этого пьеса была снята с репертуара. Здесь не место говорить о влиянии Гумилева на ряд молодых послереволюционных поэтов (например, на Багрицкого, на Антокольского): об этом влиянии много и тогда и потом писалось в советской прессе. О влиянии акмеизма на советскую поэзию писал еще в 1927 году поэт Виссарион Саянов и даже в 1936 году об этом говорил известный критик-коммунист А. Селивановский, погибший в конце тридцатых годов при чистках оппозиции. С течением времени однако вокруг имени Гумилева образовалась завеса молчания. Но читатели и почитатели у него оставались. Стихи его распространялись в рукописи, заучивались наизусть; по его строкам, говоря словами поэта Николая Моршенина, выросшего под советским режимом и оказавшегося в эмиграции во время войны, узнавали друг друга единоверцы. О восприятии Гумилева подсоветским читателем расскажет в одном из следующих томов нашего издания Б. А. Филиппов; я же ограничусь тем, что расскажу один известный мне лично случай и скажу немного о появившихся в самое последнее время признаках возможной реабилитации Гумилева, как поэта, в СССР.

В 1956 году один мой знакомый, оказавшийся в Москве, бродя среди лотков букинистов, спрашивал нет ли у них на продажу стихов Гумилева. Один букинист предложил ему единственный сборник, который у него был — «Фарфоровый павильон». На вопрос моего знакомого о цене ответ был: «70 рублей» (то есть около семи долларов). Мой знакомый заметил, что это дорого-вато именно за этот сборник. В это время над ухом его, «из публики», раздался басовитый голос: «За Гумилева ничто не дорого!»

В самое последнее время имя Гумилева стало снова упоминаться в советской печати. В «Литературной Газете» в феврале 1962 года известный критик В. Перцов писал о том, что у многих молодых советских поэтов

«последнего призыва» чувствуется «обостренное внимание к творчеству таких поэтов, как Иннокентий Анненский, О. Мандельштам, Н. Гумилев». Упомянув о том, что советский читатель недавно получил стихи Марины Цветаевой (а Анненского он получил еще до того), советский критик как бы намекал, что теперь очередь за Мандельштамом и Гумилевым. Другой, не менее известный советский критик, Корнелий Зелинский, в прошлом сам принадлежавший к поэтическому авангарду, в статье, пока что напечатанной, правда, только в иностранном издании, называл Гумилева прекрасным поэтом и проводил параллель между ним, участником контрреволюционного заговора, и французским поэтом Андре Шенье, гильотинированным якобинцами. В этих словах тоже можно было усмотреть намек на то, что пора снять запрет с Гумилева.

Март 1962 г.

Глеб Струве

Р. С. При изложении фактов биографии Н. С. Гумилева мною был использован ряд источников. Вот те, на которые выше не дано точной ссылки:

- В. Ходасевич. «Гумилев и Блок», в книге «Некрополь. Воспоминания» (Брюссель, 1939), стр. 118—140.
- Г. Иванов. «Блок и Гумилев», «Возрождение» (Париж), тетрадь шестая, ноябрь—декабрь 1949 г., стр. 113—126. (Эта же статья, в несколько измененном виде, вошла во второе издание «Петербургских зим» Г. Иванова, Нью Йорк, 1952, стр. 200—219).
- Н. Оцуп, Предисловие к книге: Н. Гумилев. Избранное. (Париж, 1959), стр. 7—31.
- Он же. «Н. С. Гумилев», в книге «Современники» (Париж, 1961), стр. 23—48.
- И. Одоевцева. «На берегах Невы», «Русская Мысль» (Париж), №№ 1796 и 1797, 6 и 8 февраля 1962 г.
- С. Маковский. «Николай Гумилев», в книге «На Парнасе 'Серебряного Века'». Мюнхен, 1962, стр. 195—222.

ПРИЛОЖЕНИЯ

— — — — —

I. ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК Н. С. ГУМИЛЕВА

— — — — —

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК

Прапорщика 5 гусарского Александрийского ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ полка ГУМИЛЕВА.¹

Составлен Декабря 2 дня 1916 года.

Полный послужной список.

I.

Чин, имя, отчество и фамилия.	<u>Прапорщик Николай Степанович Гумилев.</u>
-------------------------------	--

II.

Должность по службе.	<u>Младший офицер.</u>
----------------------	------------------------

III.

Ордена и знаки отличия.	<u>Имеет Георгиевские кресты: 4 ст. за № 134060 и 3 ст. за № 108868.</u>
-------------------------	--

¹ Все сведения в печатном формуляре списка заполнены на машинке.

IV.	
Когда родился.	<u>1886 года Апреля 3-го дня.</u>
V.	
Из какого звания происходит и какой губернии уроженец.	<u>Сын Статского Советника, уроженец гор. Кронштадта.</u>
VI.	
Какого вероисповедания.	<u>Православного.</u>
VII.	
Где воспитывался.	<u>Окончил курс в ИМПЕРАТОРСКОЙ Николаевской Царскосельской гимназии.</u>
VIII.	
Получаемое на службе содержание.	<u>Жалованье „ „ рубл. ²</u>

IX. Прохождение службы.

Когда в службу вступил и произведен в первый офицерский чин; производство в следующие чины и дальнейшая служба: военная, гражданская и по выборам; переводы и перемещения из одного места службы или должности в другое, с объяснением по какому случаю: по воле начальства или по собственному желанию; когда отправился и прибыл к новому месту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличия; ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЕ рескрипты, ВЫСОЧАЙШИЕ благоволения.

Годы Месяцы Числа

Согласно изъявленного желания поступил добровольцем в Л. Гв. уланский ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕ-

² Цифра оставлена незаполненной.

КСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ полк, куда прибыл и зачислен уланом на правах вольноопределяющегося в эскадрон ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА . . .	1914	Авг.	24
Приказом по гвардейскому кавале- рийскому корпусу от 24 декаб. 1914 года за № 30, награжден Георгиев- ским крестом 4 ст. за № 134060 . . .	1915	Янв.	13
Согласно 96 ст. Статута переимено- ван в ефрейтора	—	—	—
За отличие в делах против Герман- цев произведен в унтер-офицеры .	—	—	15
Приказом по 2-й гвардейской кавал- ерийской дивизии от 5 января 1915 года за № 1486 за отличия в де- лах против Германцев награжден Георгиевским крестом 3 ст. за № 108868	1915	Дек.	25
Приказом Главнокомандующего ар- миями Западного фронта от 28 мар- та 1916 года за № 3332, произведен в прапорщики с переводом в 5 гу- сарский Александрийский ЕЕ ВЕ- ЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМ- ПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕ- ОДОРОВНЫ полк	1916	Мар.	28
(Приказ № 104). Прибыл и зачислен в списки полка	—	Апр.	10
Командирован в Николаевское ка- валерийское училище для держа- ния офицерского экзамена . . .	—	Авг.	17

По невыдержании³ экзамена возвратился в полк 1916 Окт. 25

Х. Бытность вне службы

В отпусках не был.

ХІ.

Холост или женат, на ком; имеет ли детей, год, месяц и число рождения детей, какого они и жена вероисповедания Сведений не имеется

ХІІ.

Есть ли за ним, за родителями его, или, когда женат, за женою, недвижимое имущество, родовое или благоприобретенное. Сведений не имеется

ХІІІ.

Подвергался ли наказаниям или взысканиям, соединенным с ограничениями в преимуществах по службе; когда и за что именно: по судебным приговорам или в дисциплинарном порядке. Не подвергался.

ХІV.

Бытность в походах и делах против неприятеля, с объяснением, где именно, с какого и по какое время, оказанные отличия и полученные в сражениях раны или контузии; особые поручения, сверх прямых обязанностей по В Ы С О Ч А Й - Участвует в кампании против Германии и Австро-Венгрии в 1914—1916 гг.

³ Это слово подчеркнуто чернилами в послужном списке.

Ш И М повелениям, или от на- Ранен и контужен не
чальства. был.

(Полковой штампель)

Вр. Командующий полком,
Подполковник (подп.) Радецкий
Вр. и. д. Полкового Адъютанта,
Корнет (подп.) Осоргин.

Итого в сем послужном списке пронумерованных, прошну-
рованных и казенной печатью припечатанных четыре (4)
листа.

Вр. и. д. Полкового Адъютанта
Корнет Осоргин

(Полковая печать)

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ О ПРОХОЖДЕНИИ СЛУЖБЫ ПРАПОРЩИКОМ ГУМИЛЕВЫМ ВО ФРАНЦИИ. ⁴

	Годы	Месяцы	Числа
Командирован в действующую ар- мию на салоникий фронт . . .	1917	мая	17
Прибыл в Париж	„	июля	1
Оставлен в г. Париже, в распоря- жении Представителя Временного Правительства Генерала Занкевича и находился в составе управления Военного Комиссара (прик. по рус- ским войскам во Франции № 30)	„	„	12/25

⁴ Этот дополнительный лист пришнурован к основному по-
служному списку.

Р а п о р т

Согласно телеграммы № 1459 генерала Ермолова ходатайству о назначении меня на персидский фронт.

(подп.) Прапорщик Гумилев ⁵

На документе штампель: Вход № 1492
26 Déc 1917
8 Jan 1918

Сверху карандашом надписано: «Согласен 27/XII». Вместо подписи — одна буква «З», вероятно — генерал Занкевич.

2.

А т т е с т а т № 1972

Дан сей от Тылового Управления русских войск во Франции Прапорщику Гумилеву в том, что он при сем Управлении удовлетворен:

- 1) жалованием из усиленного оклада СЕМЬСОТ тридцать два руб. в год по первое число апреля 1918 г.
 - 2) Добавочными деньгами из оклада сто двадцать руб. в год по первое число апреля 1918 г.
 - 3) 50% надбавкой к жалованию и добавочным по первое число апреля 1918 г.
 - 4) полевыми порциями из оклада трех руб. в сутки по первое число апреля 1918 г.
 - 5) особо-суточными деньгами, как семейный из оклада одного руб. в сутки по первое число апреля 1918 г.
 - 6) пособием на покупку теплых вещей на зимний период 1917—1918 гг. в сумме ста пятидесяти руб., что подписью и приложением казенной печати удостоверяется.
- 15 Января 1918 г., г. Париж.

(Штампель Тылового Управления)

Начальник Управления
Полковник (подп.) Карханинов

Начальник хоз. отделен.,
Подполковник (подп.) Лубенский

⁵ Рапорт весь написан рукой Гумилева.

На том же листе к этому аттестату сделана следующая приписка:

Названный в сем аттестате Прапорщик Гумилев при отправлении в Англию удовлетворен при Управлении Старшего Коменданта русских войск гор. Парижа путевым дозволением: стоимостью билета 2-го класса от Парижа до Лондона в размере СЕМИДЕСЯТИ СЕМИ франков и сумочными деньгами на путь по числу верст в размере ШЕСТНАДЦАТИ франков, что подписью и приложением казенной печати удостоверяется.

3/16 Января 1918 года, гор. Париж.

(м. п.)

Старший Комендант русских войск гор. Парижа Полковник
(подпись неразборчива)

Делопроизводитель, чиновник военного времени
(подпись неразборчива)

3.

Другой документ от того же числа содержит предписание Гумилеву отправиться в Англию:

СТАРШИЙ КОМЕНДАНТ

города Парижа

Прапорщику Гумилеву.

3/16 Января 1918 года

№ 2

Город Париж

59, rue Pierre-Chagron

Предписываю Вам сего числа отправиться в Англию в распоряжение Генерала Ермолова и об отбытии донести. — Основание: предписание Тылового Управления от 15 января н. с. № 5.

Подполковник (подпись неразборчива)

За Помощника Коменданта

Штабс-Капитан (подпись неразборчива)

4.

Следующий документ — приказ на французском языке о командировке Гумилева в Лондон, датированный 20 января (н. ст.) и подписанный помощником русского военного агента в Париже, подполковником Крупским:

ATTACHE MILITAIRE
DE RUSSIE

Paris le 20 Janvier 1918
14 Avenue Elisée-Reclus

ORDRE DE MISSION

—:—:—:—:—:—:—:—:—:—:

Le Sous-Lieutenant de l'Armée Russe
Nicolas GOUMILEFF

se rendra ce jour en mission officielle à LONDRES par Boulogne pour être envoyé ultérieurement en mission spéciale par les soins du Gouvernement Britannique.

(подп.) P. o. Lt-Colonel Kroupsky

Attaché militaire adjoint de Russie

На этом документе — печати русского и великобританского военных агентов в Париже, а также штампель специального комиссариата в Булони о посадке на пароход, датированный 21 января 1918 г. Таким образом устанавливается точная дата прибытия Гумилева в Англию.

5.

К документам, приведенным выше под № 2, приклеен еще лист, датированный двумя днями позднее дня прибытия Гумилева в Лондон и гласящий:

Выдано заимообразно Военным Агентом в Великобритании Прапорщику Гумилеву на возвращение в Россию ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТЫРЕ (54) фунта стерлингов по следующему расчету:

Суточные на один месяц вперед по 30 франков в	
сутки, итого	900 франков
На пароходный билет от Англии до Бергена .	6 ф. ст.
На железно-дорожный билет от Бергена до	
Петрограда	12 ф. ст.
А всего	54 ф. ст.

Помощник Военного Агента в Великобритании

Генерал-Майор: (подп.) Дьяконов

10/23 Января 1918 года.

г. Лондон.

(М. п.)

6.

Следующий документ представляет запоздало выданное из Парижа удостоверение об удовлетворении Гумилева добавочным жалованием на его Георгиевский крест:

А т т е с т а т № 2082

Дан сей от Тылового Управления русских войск во Франции Прапорщику 5 Гусарского Александрийского полка Гумилеву в том, что он при сем Управлении добавочным жалованием на имеющийся у него Георгиевский крест 3 степени из оклада шестьдесят руб. в год удовлетворен по первое число апреля тысяча девятьсот восемнадцатого года, что подписью и приложением казенной печати удостоверяется.

23 Января 1918 г., гор. Париж.

Начальник Управления

Полковник (подп.) Карханинов

Начальник хозяйствен. отделен.,

Подполковник (подп.) Лубенский

7.

Нижеследующее, датированное тем же числом уведомление от канцелярии военного агента в Лондоне относится, очевидно, к предыдущему документу, полученному в тот день из Парижа:

ВОЕННЫЙ АГЕНТ

в Великобритании

5 Февраля 1918 г.

23 Января

№ 89

г. Лондон

Прапорщику Г у м и л е в у

Канцелярия Военного Агента сим уведомляет Вас, что сего числа получена переписка от Военного Агента во Франции, адресованная на Ваше имя. А по сему Канцелярия Военного Агента просит Вас не отказать пожаловать за получением сей переписки в ближайшее время.

Подпоручик: (подп.) Балашев

8.

Последний по времени документ среди лондонских бумаг Гумилева показывает, что через месяц после своего прибытия в Лондон Гумилев предпринял шаги для того, чтобы найти себе работу в Англии, но из этого, очевидно, ничего не вышло:

ВОЕННЫЙ АГЕНТ

в Великобритании

21 Февраля 1918 г.

№

г. ЛОНДОН

Прапорщику Г у м и л е в у

По приказанию Военного Агента, прошу не отказать сообщить по возможности в самом непродолжительном времени

по прилагаемому образцу требуемые сведения в целях приискания работы.

Подпоручик: БАЛАШОВ ⁶

О Б Р А З Е Ц

— — — — —

Имя и фамилия. Чин, род оружия. Что делал в Англии. Какие знает языки. Лета. Что может делать в смысле работы.

⁶ Номер на этом документе не проставлен, и подписи на нем нет: фамилия подпоручика просто напечатана на машинке.

Путь конквистадоров

Я стал кочевником, чтобы сладострастно прикасаться ко всему, что кочует!

Андрэ Жид

1.

Я конквистадор в панцире железном,
Я весело преследую звезду,
Я прохожу по пропастям и безднам
И отдыхаю в радостном саду.

Как смутно в небе диком и беззвездном!
Растет туман . . . но я молчу и жду
И верю, я любовь свою найду . . .
Я конквистадор в панцире железном.

И если нет полдневных слов звездам,
Тогда я сам мечту свою создам
И песней битв любовно зачарую.

Я пропастям и бурям вечный брат,
Но я вплету в воинственный наряд
Звезду долин, лилею голубую.

МЕЧИ И ПОЦЕЛУИ

Я знаю, что ночи любви нам даны
И яркие, жаркие дни для войны.

Н. Гумилев.

2.

С тобой я буду до зари,
На утро я уйду
Искать, где спрятались цари,
Лобзавшие звезду.

У тех царей лазурный сон
Заткал лучистый взор;
Они — заснувший небосклон
Над мраморностью гор.

Сверкают в золоте лучей
Их мантий багрецы,
И на седилах их кудрей
Алмазные венцы.

И их мечи вокруг лежат
В камнях дорогих,
Их чутко гномы сторожат
И не уйдут от них.

Но я прийду с мечом своим;
Владеет им не гном!
Я буду вихрем грозовым,
И громом и огнем!

Я тайны выпытаю их,
Все тайны дивных снов,
И заключу в короткий стих,
В оправу звонких слов.

Промчится день, зажжет закат,
Природа будет храм,
И я прийду, прийду назад,
К отворенным дверям.

С тобою встретим мы зарю,
На утро я уйду,
И на прощанье подарю
Добытую звезду.

3. ПЕСНЬ ЗАРАТУСТРЫ

Юные, светлые братья
Силы, восторга, мечты,
Вам раскрываю объятья,
Сын голубой высоты.

Тени, кресты и могилы
Скрылись в загадочной мгле,
Свет воскресающей силы
Властно царит на земле.

Кольца роскошные мчатся,
Ярок восторг высоты;
Будем мы вечно встречаться
В вечном блаженстве мечты.

Жаркое сердце поэта
Блещет, как звонкая сталь.
Горе, не знающим света!
Горе, обнявшим печаль!

4. CREDO

Откуда я пришел, не знаю...
Не знаю я, куда уйду,
Когда победно отблισταю
В моем сверкающем саду.

Когда исполнюсь красотой,
Когда наскучу лаской роз,
Когда запросится к покою
Душа, усталая от грез.

Но я живу, как пляска теней
В предсмертный час больного дня,
Я полон тайною мгновений
И красной чарою огня.

Мне все открыто в этом мире —
И ночи тень, и солнца свет,
И в торжествующем эфире
Мерцанье ласковых планет.

Я не ищу больного знанья
Зачем, откуда я иду;
Я знаю, было там сверканье
Звезды, лобзающей звезду.

Я знаю, там звенело пенье
Перед престолом красоты,
Когда сплетались, как виденья,
Святые белые цветы.

И жарким сердцем веря чуду,
Поняв воздушный небосклон,
В каких пределах я ни буду,
На все наброшу я свой сон.

Всегда живой, всегда могучий,
Влюбленный в чары красоты.
И вспыхнет радуга созвучий
Над царством вечной пустоты.

5. ГРЕЗА НОЧНАЯ И ТЕМНАЯ

На небе сходились тяжелые, грозные тучи,
Меж них багровела луна, как смертельная рана,
Зеленого Эрина воин, Кухулин могучий
Упал под мечем короля океана, Сварана.

И волны шептали сибиллы седой заклинанья,
Шатались деревья от песен могучего вала,
И встретил Сваран иступленный в грозе ликованья,
Героя героев, владыку пустыни, Фингала.

Друг друга сжимая в объятьях, сверкая доспехом,
Они начинают безумную, дикую пляску,
И ветер приветствует битву рыдающим смехом,
И море грохочет свою вековую сказку.

Когда я устану от ласковых, нежных объятий,
Когда я устану от мыслей и слов повседневных —
Я слышу, как воздух трепещет от гнева проклятий,
Я вижу на холме героев, могучих и гневных.

6. ПЕСНЯ О ПЕВЦЕ И КОРОЛЕ

Мой замок стоит на утесе крутом
В далеких, туманных горах,
Его я воздвигнул во мраке ночном,
С проклятьем на бледных устах.

В том замке высоком никто не живет,
Лишь я его гордый король,
Да ночью спускается с диких высот
Жестокий, насмешливый тролль.

На дальнем утесе, труслив и смешон,
Он держит коварную речь,
Но чует, что меч для него припасен,
Не знающий жалости меч.

Однажды сидел я в порфире златой,
Горел мой алмазный венец —
И в дверь постучался певец молодой,
Бездомный, бродячий певец.

Для всех, кто отвагой и силой богат,
Отворены двери дворца;
В пурпуровой зале я слушать был рад
Безумные речи певца.

С красивою арфой он стал недвижим,
Он звякнул дрожащей струной,
И дико промчалась по залам моим
Гармония песни больной.

«Я шел один в ночи беззвездной
В горах с уступа на уступ
И увидал над мрачной бездной,
Как мрамор белый, женский труп.

«Влачили змеи по уступам,
Угрюмый рос чертополох,
И над красивым женским трупом
Бродил безумный скоморох.

«И смерти дивный сон тревожа,
Он бубен потрясал в руке,
Над миром девственного ложа
Плясал в дурацком колпаке.

«Едва звенели колокольца,
Не отдаваясь в горах,
Дешевые сверкали кольца
На узких, сморщенных руках.

«Он хохотал, смешной, беззубый,
Скача по сумрачным холмам,
И прижимал больные губы
К холодным, девичьим губам.

«И я ушел, унес вопросы,
Смущая ими божество,
Но выше этого утеса
Не видел в мире ничего».

Я долее слушать безумца не мог,
Я поднял сверкающий меч,
Певцу подарил я кровавый цветок
В награду за дерзкую речь.

Цветок зазял на высокой груди,
Красиво горящий багрец...
«Безумный певец, ты мне страшен, уйди».
Но мертвенно бледен певец.

Порвались струны, протяжно звеня,
Как арфу его я разбил
За то, что он плакать заставил меня,
Властителя гордых могилъ.

Как прежде в туманах не видно луча,
Как прежде скитается тролль,
Он бедный не знает, бояся меча,
Что властный рыдает король.

Попрежнему тих одинокий дворец,
В нем трое, в нем трое всего:
Печальный король и убитый певец
И дикая песня его.

7. РАССКАЗ ДЕВУШКИ

В вечерний час горят огни . . .
Мы этот час из всех приметим,
Господь, сойди к молящим детям
И злые чары отгони!

Я отдыхала у ворот
Под тенью милой, старой ели,
А надо мною пламенели
Снега неведомых высот.

И в этот миг с далеких гор
Ко мне спустился странник дивный,
В меня вперил он взор призывный,
Могучей негой полный взор.

И пел красивый чародей:
«Пойдем со мною на высоты,
Где кроют мраморные гроты
Огнем увенчанных людей.

«Их очи дивно глубоки,
Они прекрасны и воздушны,
И духи неба так послушны
Прикосновеньям их руки.

«Мы в их обители войдем
При звуках светлого напева
И там ты будешь королевой,
Как я могучим королем.

«О, пусть ужасен голос бурь,
И страшны лики темных впадин,
Но горный воздух так прохладен
И так пленительна лазурь».

И эта песня жгла мечты,
Дарила волею мгновенья
И наряжала сновиденья
В такие яркие цветы.

Но тих был взгляд моих очей,
И сердце, ждущее спокойно,
Могло-ль прельститься цепью стройной
Светло-чарующих речей.

И дивный странник отошел,
Померкнул в солнечном сиянии,
Но внятно — тяжкое рыданье
Мне повторял смущенный дол.

В вечерний час горят огни . . .
Мы этот час из всех приметим,
Господь, сойди к молящим детям
И злые чары отгони.

ПОЭМЫ

Правду мы возьмем у Бога
Силой огненных мечей.

Н. Гумилев

8. ДЕВА СОЛНЦА

Марианне Дмитриевне Поляковой

I.

Могучий царь суров и гневен,
Его лицо мрачно, как ночь,
Толпа испуганных царевен
Бежит в немом смятении прочь.

Вокруг него сверкает золото,
Алмазы, пурпур и багрец,
И краски алого заката
Румянят мраморный дворец.

Он держит речь в высокой зале
Толпе разряженных льстецов,
В его глазах сверканье стали,
А в речи гул морских валов.

Он говорит: «Еще ребенком
В глуши окрестных деревень
Я пением радостным и звонким
Встречал веселый, юный день.

Я пел и солнцу и лазури,
Я плакал в ужасе глухом,
Когда безрадостные бури
20 Царили в небе голубом.

Явилась юность — праздник мира,
В моей груди кипела кровь
И в блеске солнечного пира
Я увидал мою любовь.

Она во сне ко мне слетала,
И наклонялася ко мне,
И речи дивные шептала
О золотом, лазурном дне.

Она вперед меня манила,
Роняла белые цветы,
Она мне двери отворила
К восторгам сладостной мечты.

И чтобы стать ее достойным,
Вкусить божественной любви,
Я поднял меч к великим войнам,
Я плавал в злате и крови.

Я стал властителем вселенной,
Я Божий бич, я Божий глас,
Я царь жестокий и надменный,
40 Но лишь для вас, о лишь для вас.

А для нее я тот же страстный
Любовник вечно молодой,
Я тихий гимн луны, согласной
С бесстрастно блещущей звездой.

Рабы, найдите Деву Солнца
И приведите мне, царю,
И все дворцы, и все червонцы,
И земли все я вам дарю».

Он замолчал и все мятутся,
И отплывают корабли,
И слуги верные несутся,
Спешат во все концы земли.

II.

И солнц и лун прошло так много,
Печальный царь томяся ждетъ,
Он жадно смотрит на дорогу,
Склонясь у каменных ворот.

Однажды солнце догорало
И тихо теплились лучи,
Как песни вышнего хорала,
60 Как рати ангельской мечи.

Гонец примчался запыленный,
За ним сейчас еще другой,
И царь, горящий и влюбленный,
С надеждой смотрит пред собой.

Как звуки райского напева,
Он ловит быстрые слова,
«Она живет, святая дева . . .
О ней уже гремит молва . . .

Она пришла к твоим владеньям,
Она теперь у этих стен,
Ее народ встречает пеньем
И преклонением колен.

И царь навстречу деве мчится,
Охвачен страстно мечтой,
Но вьется траурная птица
Над венценой головой.

Он видит деву, блеск огнистый
В его очах пред ней потух,
Пред ней, такой невинной, чистой,
80 Стыдливо-трепетной, как дух.

Лазурных глаз не потупляя,
Она идет, сомкнув уста,
Как дева пламенного рая,
Как солнца юная мечта.

Одежды легкие, простые
Покрыли матовость плечей,
И нежит кудри золотые
Венок из солнечных лучей.

Она идет стопой воздушной,
Глаза безмерно глубоки,
Она вплетает простодушно
В венок степные васильки.

Она не внемлет гласу бури,
Она покинула дворцы,
Пред ней рассыпались в лазури
Степных закатов багрецы.

Ее душа мечтой согрета,
Лазурность манит впереди,
И волны ласкового света
100 В ее колышутся груди.

Она идет перед народом,
Она скрывается вдали,
Так солнце клонит лик свой к водам,
Забыв о горестях земли.

И гордый царь опять остался
Безмолвно-бледен и один,
И кто-то весело смеялся,
Бездонной радостью глубин.

Но глянул царь орлиным оком,
И издал он могучий глас,
И кровь пролилася потоком,
И смерть как буря пронеслась.

Он как гроза, он гордо губит
В палящем зареве мечты,
За то, что он безмерно любит
Безумно-белые цветы.

Но дремлет мир в молчаньи строгом,
Он знает правду, знает сны,
И Смерть, и Кровь даны нам Богом
120 Для оттененья Белизны.

9. ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Осенней неги поцелуй
Горел в лесах звездою алой
И песнь прозрачно-звонких струй
Казалась тихой и усталой.

С деревьев падал лист сухой,
То бледно-желтый, то багряный,
Печально плача над землей
Среди росистого тумана.

И солнце пышное вдали
Мечтало снами изобилья
И целовало лик земли
В истоме сладкого бессилья.

А вечерами в небесах
Горели алые одежды
И, обагранные, в слезах,
Рыдали Голуби Надежды.

Летя в безмирной красоте,
Сердца к далекому манили
И созидали в высоте
20 Венки воздушно-белых лилий.

И осень та была полна
Словами жгучего напева,
Как плодоносная жена,
Как прародительница Ева.

В лесу, где часто по кустам
Резвились юные дриады,
Стоял безмолвно-строгий храм,
Маня покоем колоннады.

И белый мрамор говорил
О царстве Вечного Молчанья
И о полете гордых крыл,
Неверно-тяжких, как рыданье.

А над высоким алтарем
В часы полуночных видений
Сходились, тихие, вдвоем
Две золотые девы-тени.

В объятьях ночи голубой,
Как розы радости мгновенны,
Они шептались меж собой
40 О тайнах Бога и вселенной.

Но миг, и шопот замолкал,
Как звуки тихого аккорда,
И белый мрамор вновь сверкал
Один, задумчиво и гордо.

И иногда, когда с небес
Слетит вечерняя прохлада,
Покинув луг, цветы и лес,
Шалила юная дриада.

Входила тихо, вся дрожа,
Залита сумраком багряным,
Свой белый пальчик приложив
К устам душистым и румяным.

На пол, горячий от луча,
Бросала пурпурную розу
И убегала, хохоча,
Любя свою земную грезу.

Ее влечет ее стезя
Лесного, радостного пенья,
А в этом храме быть нельзя
60 Детям греха и наслажденья.

И долго роза на полу
Горела пурпурным сияньем
И наполняла полумглу
Сребристо-горестным рыданьем.

Когда же мир, восстав от сна,
Сверкал улыбкою кристалла,
Она, печальна и одна,
В безмолвном храме умирала.

Когда-ж вечерняя заря
На темном небе угасает
И на ступени алтаря
Последний алый луч бросает,

Пред ним склоняется одна,
Одна, желавшая напева
Или печальная жена,
Или обманутая дева.

Кто знает мрак души людской,
Ее восторги и печали?
Они эмалью голубой
80 От нас закрытые сжимали.

Кто объяснит нам, почему
У той жены всегда печальной
Глаза являют полутьму,
Хотя и кроют отблеск дальний?

Зачем высокое чело
Дрожит морщинами сомненья,
И меж бровями залегло
Веков тяжелое томленье?

И улыбаются уста
Зачем загадочно и зыбко?
И страстно требует мечта,
Чтоб этой не было улыбки?

Зачем в ней столько тихих чар?
Зачем в очах огонь пожара?
Она для нас больной кошмар,
Иль правда, горестней кошмара.

Зачем, в отчаяньи мечты,
Она склонилась на ступени?
Что надо ей от высоты
100 И от воздушно-белой тени?

Не знаем! Мрак ночной глубок,
Мечта — пожар, мгновенья — стоны;
Когда-ж забрежжется восток
Лучами жизни обновленной?

* *

*

Едва трепещет тишина,
Смеясь эфирным синим волнам,
Глядит печальная жена
В молчаньи строгом и безмолвном.

Небес далеких синева
Твердит неясные упреки,
В ее душе зажглись слова
И манят огненные строки.

Они звенят, они поют
Так заклинательно и строго:
«Душе измученной приют
В чертогах Радостного Бога;

«Но Дня Великого покров
Не для твоих бессильных крылий,
Ты вся пока во власти снов,
120 Во власти тягостных усилий.

«Ночная, темная пора
Тебе дарит свою усладу
И в ней живет твоя сестра,
Беспечно-юная дриада.

« И ты еще так любишь смех
Земного, алого покров
И ты вплетаешь яркий грех
В гирлянды неба голубого.

«Но если ты желаешь Дня
И любишь лучшую отраду,

Отдай объятиям огня
Твою сестру, твою дриаду.

«И пусть она сгорит в тебе
Могучим, радостным гореньем,
Молясь всевидящей судьбе,
Ее покорствуя веленьям.

«И будет твой услышан зов,
Мольба не явится бесплодной,
Уйдя от радости лесов,
140 Ты будешь божески-свободной».

И душу те слова зажгли,
Горели огненные стрелы
И алый свет и свет земли
Предстал, как свет воздушно-белый

Песня Дриады

Я люблю тебя, принц огня,
Так восторженно, так маняще,
Ты зовешь, ты зовешь меня
Из лесной, полуночной чащи.

Хоть в ней сны золотых цветов
И рассказы подруг приветных,
Но ты знаешь так много слов,
Слов любовных и беззаветных.

Как горит твой алый камзол,
Как сверкают милые очи,
Я покину родимый дол,
Я уйду от лобзаний ночи.

Так давно я ищу тебя
И ко мне ты стремишься тоже,
Золотая звезда, любя,
160 Из лучей нам постелет ложе.

Ты возьмешь в объятия меня
И тебя, тебя обниму я,
Я люблю тебя, принц огня,
Я хочу и жду поцелуя.

Цветы поют свой гимн лесной,
Детям и ласточкам знакомый,
И под развесистой сосной
Танцуют маленькие гномы.

Горит янтарная смола,
Лесной дворец светло пылает
И голубая полумгла
Вокруг, как бабочка, порхает.

Жених, как радостный костер,
Горит могучий и прекрасный,
Его сверкает гордый взор,
Его камзол пылает красный.

Цветы пурпурные звенят:
«Давайте места, больше места,
Она идет, краса дриад,
180 Стыдливо-белая невеста.

Она, прекрасна и тиха,
Не внемля радостному пенью,
Идет в объятья жениха
В любовно-трепетном томленьи.

От взора ласковых цветов
Их скрыла алая завеса,
Довольно песен, грез и снов
Среди лазоревого леса.

Он совершен, великий брак,
Безумный крик всемирных оргий!
Пускай леса оденет мрак,
В них было счастье и восторги.

* *

,

Да, много, много было снов
И струн восторженно звенящих
Среди таинственных лесов,
В их голубых, веселых чащах.

Теперь открылись миры
Жене божественно-надменной,
Взамен угаснувшей сестры
200 Она узнала сон вселенной.

И в солнца ткань облечена,
Она великая святыня,
Она не бледная жена,
Но венценосная богиня.

В эфире радостном блестя,
Катятся волны мировые,
А в храме Белое Дитя
Творит святую литургию.

И Белый Всадник кинул клик,
Скача порывисто-безумно,
Что миг настал, великий миг,
Восторг предмирный и бездумный.

Уж звон копыт затих вдали,
Но вечно-радостно мгновенье!
... И нет дриады, сна земли,
Пред ярким часом пробужденья.

10. СКАЗКА О КОРОЛЯХ

«Мы прекрасны и могучи,
Молодые короли,
Мы парим, как в небе тучи,
Над миражами земли.

В вечных песнях, в вечном танце
Мы воздвигнем новый храм.
Пусть пьянящие багрянцы
Точно окна будут нам.

Окна в Вечность, в лучезарность,
К берегам Святой Реки,
А за нами пусть Кошмарность
Создает свои венки.

«Пусть терзают иглы терний
Лишь усталое чело,
Только солнце в час вечерний
Наши кудри греть могло.

«Ночью пасмурной и мгlistой
Сердца чуткого не мучь;
Грозовой, иль золотистой
20 Будь же тучей между туч.

Так сказал один влюбленный
В песни солнца, в счастье мира,
Лучезарный, как колонны
Просветленного эфира,

Словом вещим, многодумным
Пытку сердца успокоив,
Но смеялись над безумным
Стены старые покоев.

Сумрак комнат издевался,
Бледно-серый и угрюмый,
Но другой король поднялся
С новым словом, с новой думой.

Его голос был так страстен,
Столько снов жило во взоре,
Он был трепетен и властен,
Как стихающее море.

Он сказал: «Индийских тканей
Не постигнуты узоры,
В них несдержанность желаний,
40 Нам неведомые взоры.

«Бледный лотус под луною
На болоте, мглой одетом,
Дышет тайною одною
С нашим цветом, с белым цветом.

«И в безумствах теокалли
Что-то слышится иное.
Жизнь без счастья, без печали
И без бледного покоя.

«Кто узнает, что томится
За пределом наших знаний
И, как бледная царица,
Ждет мучений и лобзаний».

Мрачный всадник примчался на черном коне,
Он закутан был в бархатный плащ,
Его взор был ужасен, как город в огне,
И как молния ночью, блестящ.

Его кудри как змеи вились по плечам,
Его голос был песней огня и земли,
Он балладу пропел молодым королям,
60 И балладе внимали, смутясь, короли.

«Пять могучих коней мне дарил Люцифер
И одно золотое с рубином кольцо,
Я увидел бездонность подземных пещер
И роскошных долин молодое лицо.

«Принесли мне вина — струевого огня
Фея гор и властительно-пурпурный Гном,
Я увидел, что солнце зажглось для меня,
Просияв, как рубин на кольце золотом.

«И я понял восторг созидаемых дней,
Расцветающий гимн мирового жреца,
Я смеялся порывам могучих коней
И игре моего золотого кольца.

«Там, на высях сознания — безумье и снег . . .
Но восторг мой прожег голубой небосклон,
Я на выси сознания направил свой бег
И увидел там деву, больную, как сон.

«Ее голос был тихим дрожаньем струны,
В ее взорах сплетались ответ и вопрос,
И я отдал кольцо этой деве Луны
80 За неверный оттенок разбросанных кос.

«И смеясь надо мной, презирая меня,
Мои взоры одел Люцифер в полутьму,
Люцифер подарил мне шестого коня
И Отчаянье было название ему».

Голос тягостной печали,
Песней горя и земли,
Прозвучал в высоком зале,
Где стояли короли.

И холодные колонны
Неподвижностью своей
Оттеняли взор смущенный,
Вид угрюмых королей.

Но они вскричали вместе,
Облегчив больную грудь:
«Путь к Неведомой Невесте
Наш единый верный путь.

«Полны влагой наши чаши,
Так осушим их до дна,
Дева Мира будет нашей,
100 Нашей быть она должна!

«Сдернем с радостной скрижали
Серый, мертвенный покров,
И раскрывшиеся дали
Нам расскажут правду снов.

«Это верная дорога,
Мир иль наш, или ничей,
Правду мы возьмем у Бога
Силой огненных мечей».

По дороге их владений
Раздается звук трубы,
Голос царских наслаждений,
Голос славы и борьбы.

Их мечи из лучшей стали,
Их щиты, как серебро,
И у каждого в забрале
Лебединое перо.

Все, надеждою крылаты,
Покидают отчий дом,
Провожает их горбатый,
120 Старый, верный мажордом.

Верны сладостной приманке,
Они едут на закат,
И смущаясь поселянки
Долго им вослед глядят,

Видя только панцырь белый,
Звонкий, словно лепет струй,
И рукою загорелой
Посылают поцелуй.

По обрывам пройдет только смелый . . .
Они встретили Деву Земли,
Но она их любить не хотела,
Хоть и были они короли.

Хоть безумно они умоляли,
Но она их любить не могла,
Голубеющим счастьем печали
Молодых королей прокляла.

И больные, плакучие ивы
Их окутали тенью своей,
В той стране, безнадежно-счастливой,
140 Без восторгов и снов и лучей.

И венки им сплетали русалки
Из фиалок и лилий морских,
И, смеясь, надевали фиалки
На склоненные головы их.

Ни один не вернулся из битвы . . .
Развалился прадедовский дом,
Где так часто святые молитвы
Повторял их горбун мажордом.

* *
*

Краски алого заката
Гасли в сумрачном лесу,
Где измученный горбатый
За слезой ронял слезу.

Над покинутым колодцем
Он шептал свои слова,
И бесстыдно над уродцем
Насмехался сова:

«Горе! Умерли русалки,
Удалились короли,
Я, беспомощный и жалкий,
160 Стал властителем земли.

Прежде я беспечно прыгал,
Царский я любил чертог,
А теперь сосновых игол
На меня надет венок.

А теперь в моем чертоге
Так пустынно ввечеру;
Страшно в мире . . . страшно, боги . . .
Помогите . . . я умру . . .»

Над покинутым колодцем
Он шептал свои слова,
И бесстыдно над уродцем
Насмехалася сова.

ВЫСОТЫ И БЕЗДНЫ

Кто знает мрак души людской,
Ее восторги и печали?!
Они эмалью голубой
От нас сокрытые скрижали.

Н. Гумилев

11.

Когда из темной бездны жизни
Мой гордый дух летел, прозрев,
Звучал на похоронной тризне
Печально-сладостный напев.

И в звуках этого напева,
На мраморный склоняясь гроб,
Лобзали горестные девы
Мои уста и бледный лоб.

И я из светлого эфира,
Припомнив радости свои,
Опять вернулся в грани мира
На зов тоскующей любви.

И я раскинулся цветами,
Прозрачным блеском звонких струй,
Чтоб ароматными устами
Земным вернуть их поцелуй.

12. ЛЮДЯМ НАСТОЯЩЕГО

Для чего мы не означим
Наших дум горячей дрожью,
Наполняем воздух плачем,
Снами, смешанными с ложью.

Для того-ль, чтоб бесполезно,
Без блаженства, без печали
Между Временем и Бездной
Начертить свои спирали.

Для того-ли, чтоб во мраке,
Полном снов и изобилья,
Бросить тягостные знаки
Утомленья и бессилья.

И когда сойдутся в храме
Сонмы радостных видений,
Быть тяжелыми камнями
Для грядущих поколений.

13. ЛЮДЯМ БУДУЩЕГО

Издавна люди уважали
Одно старинное звено,
На их написано скрижали:
Любовь и Жизнь — одно.
Но вы не люди, вы живете,
Стрелой мечты вонзаясь в твердь,

Вы слейте в радостном полете
Любовь и Смерть.

Издавна люди говорили,
Что все они рабы земли
И что они, создання пыли,
Родились и умрут в пыли.
Но ваша светлая беспечность
Зажглась безумным пеньем лир,
Невестой вашей будет Вечность,
А храмом — мир.

Все люди верили глубоко,
Что надо жить, любить шутя,
И что жена — дитя порока,
Стократ нечистое дитя.
Но вам бегущие годы
Несли иной нездешний звук
И вы возьмете на Вершины
Своих подруг.

14. ПРОРОКИ

И ныне есть еще пророки,
Хотя упали алтари,
Их очи ясны и глубоки
Грядущим пламенем зари.

Но им так чужд призыв победный,
Их давит власть бездонных слов,
Они запуганы и бледны
В громадах каменных домов.

И иногда в печали бурной,
Пророк, не признанный у нас,
Подъемлет к небу взор лазурный
Своих лучистых, ясных глаз.

Он говорит, что он безумный,
Но что душа его свята,
Что он, в печали многодумной,
Увидел светлый лик Христа.

Мечты Господни многооки,
Рука Дающего щедра,
И есть еще, как он, пророки —
Святые рыцари добра.

Он говорит, что мир не страшен,
Что он Зари Грядущей князь . . .
Но только духи темных башен
Те речи слушают, смеясь.

15. РУСАЛКА

На русалке горит ожерелье
И рубины греховно-красны,
Это странно-печальные сны
Мирового, больного похмелья.
На русалке горит ожерелье
И рубины греховно-красны.

У русалки мерцающий взгляд,
Умирающий взгляд полуночи,
Он блесит, то длинней, то короче,
Когда ветры морские кричат.

У русалки чарующий взгляд,
У русалки печальные очи.

Я люблю ее, деву-ундину,
Озаренную тайной ночной,
Я люблю ее взгляд заревой
И горящие негой рубины . . .
Потому что я сам из пучины,
Из бездонной пучины морской.

16. НА МОТИВЫ ГРИГА

Кричит победно морская птица
Над вольной зыбью волны фиорда,
К каким пределам она стремится?
О чем ликует она так гордо?

Холодный ветер, седая сага
Так властно смотрят из звонкой песни,
И в лунной грезе морская влага
Еще прозрачней, еще чудесней.

Родятся замки из грезы лунной,
В высоких замках тоскуют девы,
Златые арфы так многострунны,
И так маняще звучат напевы.

Но дальше песня меня уносит,
Я всей вселенной увижу звенья,
Мое стремление иного просит,
Иных жемчужин, иных камней.

Я вижу праздник веселый, шумный,
В густых дубравах ликует эхо,
И ты проходишь мечтой бездумной,
Звenea восторгом, пылая смехом.

А на высотах, столь совершенных,
Где чистых лилий сверкают слезы,
Я вижу страстных среди блаженных,
На горном снеге алеют розы.

И где-то светит мне образ бледный,
Всегда печальный, всегда безмолвный . . .
. . . Но только чайка кричит победно
И гордо плещут седые волны.

17. ОСЕНЬ

По узкой тропинке
Я шел, упоенный мечтою своей,
И в каждой былинке
Горело сияние чьих-то очей.

Сплетались травы
И медленно пели и млели цветы,
Дыханьем отравы
Зеленой, осенней светло залиты.

И в счастье обмана
Последних холодных и властных лучей
Звенел хохот Пана
И слышался говор нездешних речей.

И девы-дриады,
С кристаллами слез о лазурной весне,
Вкусили отраду,
Забывшись в осеннем, божественном сне.

Я знаю измену,
Сегодня я Пана ликующий брат,
А завтра одену
Из снежных цветов прихотливый наряд.

И грусть ледяная
Расскажет утихшим волнением в крови
О счастье без рая,
Глазах без улыбки и снах без любви.

18.

Иногда я бываю печален,
Я забытый, покинутый бог,
Созидающий, в груди развалин
Старых храмов, грядущий чертог.

Трудно храмы воздвигнуть из пепла,
И бескровные шепчут уста,
Не навек-ли сгорела, ослепла
Вековая, Святая Мечта.

И тогда надо мною, неясно,
Где-то там в высоте голубой,
Чей-то голос порывисто-страстный
Говорит о борьбе мировой.

«Брат усталый и бледный, трудися!
Принеси себя в жертву земле,
Если хочешь, чтоб горные выси
Загорелись в полуночной мгле.

Если хочешь ты яркие дали
Развернуть пред больными людьми,
Дни безмолвной и жгучей печали
В свое мощное сердце возьми.

Жертвой будь голубой, предрассветной . .
В темных безднах беззвучно сгори . . .
. . . И ты будешь Звездой Обетной,
Возвещающей близость зари.

19.

По стенам опустевшего дома
Пробегают холодные тени,
И рыдают бессильные гномы
В тишине своих новых владений.

По стенам, по столам, по буфетам
Все могли-бы их видеть воочью,
Их, оставленных ласковым светом,
Окруженных безрадостной ночью.

Их больные и слабые тельца
Трепетали в тоске и истоме,
С той поры, как не стало владельца
В этом прежде-смеявшемся доме.

Сумрак комнат покинутых душ,
Тишина с каждым мигом печальней,
Их владелец был ими-ж задушен
В темноте готической спальни.

Унесли погребальные свечи,
Отшумели прощальные тризны,
И остались лишь смутные речи,
Да рыдания, полны укоризны.

По стенам опустевшего дома
Пробегают холодные тени,
И рыдают бессильные гномы
В тишине своих новых владений.

Романтические цветы

Стихи 1903—1907 гг.

20. СОНЕТ

Как конквистадор в панцире железном,
Я вышел в путь и весело иду,
То отдыхая в радостном саду,
То наклоняясь к пропастям и безднам.

Порою в небе смутном и беззвездном
Растет туман . . . но я смеюсь и жду,
И верю, как всегда, в мою звезду,
Я, конквистадор в панцире железном.

И если в этом мире не дано
Нам расковать последнее звено,
Пусть смерть приходит, я зову любую!

Я с нею буду биться до конца
И, может быть, рукою мертвеца
Я лилию добуду голубую.

21. БАЛЛАДА

Пять коней подарил мне мой друг Люцифер
И одно золотое с рубином кольцо,
Чтобы мог я спускаться в глубины пещер
И увидел небес молодое лицо.

Кони фыркали, били копытом, маня
Понестись на широком пространстве земном,
И я верил, что солнце зажглось для меня,
Просияв, как рубин на кольце золотом.

Много звездных ночей, много огненных дней
Я скитался, не зная скитанью конца,
Я смеялся порывам могучих коней
И игре моего золотого кольца.

Там, на высях сознания — безумье и снег,
Но коней я ударил свистящим бичем,
Я на выси сознания направил их бег
И увидел там деву с печальным лицом.

В тихом голосе слышались звоны струны,
В странном взоре сливался с ответом вопрос,
И я отдал кольцо этой деве луны
За неверный оттенок разбросанных кос.

И, смеясь надо мной, презирая меня,
Люцифер распахнул мне ворота во тьму,
Люцифер подарил мне шестого коня —
И Отчаянье было названье ему.

22. ОССИАН

По небу бродили свинцовые, тяжкие тучи,
Меж них багровела луна, как смертельная рана.
Зеленого Эрина воин, Кухулин могучий
Упал под мечем короля океана, Сварана.

Зловеще рыдали сивиллы седой заклинанья,
Вспененное море вставало и вновь опадало,
И встретил Сваран исступленный, в грозе ликованья,
Героя героев, владыку пустыни, Фингала.

Схватились и ходят, скользя на росистых утесах,
Друг другу ломая медвежки упругие спины,
И слушают вести от ветров протяжногoлoсых
О битве великой в великом испуге равнины.

Когда я устану от ласковых слов и объятий,
Когда я устану от мыслей и дел повседневных,
Я слышу, как воздух трепещет от грозных проклятий,
Я вижу на холме героев суровых и гневных.

23. КРЫСА

Вздрагивает огонек лампадки,
В полутемной детской тихо, жутко,
В кружевной и розовой кровати
Притаилась робкая малютка.

Что там? Будто кашель домового?
Там живет он, маленький и лысый . . .
Горе! Из-за шкафа платяного
Медленно выходит злая крыса.

В красноватом отблеске лампадки,
Поводя колючими усами,
Смотрит, есть ли девочка в кровати,
Девочка с огромными глазами.

— Мама, мама! — Но у мамы гости,
В кухне хохот няни Василисы,
И горят от радости и злости,
Словно уголечки, глазки крысы.

Страшно ждать, но встать еще страшнее.
Где он, где он, ангел светлокрылый?
— Милый ангел, приходи скорее,
Защити от крысы и помилуй!

24. РАССВЕТ

Змей взглянул, и огненные звенья
Потянулись, медленно бледнея,
Но горели яркие каменья
На груди властительного Змея.

Как он дивно светел, дивно страшен!
Но Павлин и строг и непонятен,
Золотистый хвост его украшен
Тысячею многоцветных пятен.

Молчаливо ждали у преддверья;
Только ангел шевельнул крылами,
И посыпались из рая перья
Легкими, сквозными облаками.

Сколько их насыпалось, белея,
Словно снег над неокрепшей нивой!
И погасли изумруды Змея
И Павлина веерное диво.

Что нам в бледном утреннем обмане?
И Павлин, и Змей — чужие людям.
Вот они растаяли в тумане,
И мы больше видеть их не будем.

Мы дрожим, как маленькие дети,
Нас пугают времени налеты,
Мы пойдем молиться на рассвете
В ласковые мраморные гроты.

25. СМЕРТЬ

Нежной, бледной, в пепельной одежде
Ты явилась с ласкою очей.
Не такой тебя встречал я прежде
В трубном вое, в лязганьи мечей.

Ты казалась золотисто-пьяной,
Обнажив сверкающую грудь.
Ты среди кровавого тумана
К небесам прорезывала путь.

Как у вечно-жаждущей Астреи,
Взоры были дивно глубоки,
И неслась по жилам кровь быстрее,
И крепчали мускулы руки.

Но тебя, хоть ты теперь иная,
Я мечтою прежней узнаю.
Ты меня манила песней рая,
И с тобой мы встретимся в раю.

26. В НЕБЕСАХ

Ярче золота вспыхнули дни,
И бежала Медведица-ночь.
Догони ее, князь, догони,
Зааркань и к седлу приторочь!

Зааркань и к седлу приторочь,
А потом в голубом терему
Укажи на Медведицу-ночь
Богатырскому Псу своему.

Мертвой хваткой вцепляется Пес,
Он отважен, силен и хитер,
Он звериную злобу донес
К медведям с незапамятных пор.

Никуда ей тогда не спастись,
И издохнет она наконец,
Чтобы в небе спокойно паслись
Козерог, и Овен, и Телец.

27. ДУМЫ

Зачем они ко мне собрались, думы,
Как воры ночью в тихий мрак предместий?
Как коршуны, зловещи и угрюмы,
Зачем жестокой требовали мести?

Ушла надежда, и мечты бежали,
Глаза мои открылись от волненья,
И я читал на призрачной скрижали
Свои слова, дела и помышленья.

За то, что я спокойными очами
Смотрел на уплывающих к победам,
За то, что я горячими губами
Касался губ, которым грех неведом,

За то, что эти руки, эти пальцы
Не знали плуга, были слишком тонки,
За то, что песни, вечные скитальцы,
Томили только, горестны и звонки,

За все теперь настало время мести.
Обманный, нежный храм слепцы разрушат,
И думы, воры в тишине предместий,
Как нищего во тьме, меня задушат.

28. КРЕСТ

Так долго лгала мне за картою карта,
Что я уж не мог опьяниться вином.
Холодные звезды тревожного марта
Бледнели одна за другой за окном.

В холодном безумьи, в тревожном азарте
Я чувствовал, будто игра эта — сон.
«Весь банк — закричал — покрываю я в карте!»
И карта убита, и я побежден.

Я вышел на воздух. Рассветные тени
Бродили так нежно по нежным снегам.
Не помню я сам, как я пал на колени,
Мой крест золотой прижимая к губам.

— Стать вольным и чистым, как звездное небо,
Твой посох принять, о, Сестра Нищета,
Бродить по дорогам, выпрашивать хлеба,
Людей заклиная святыней креста! —

Мгновенье . . . и в зале веселой и шумной
Все стихли и встали испуганно с мест,
Когда я вошел, воспаленный, безумный,
И молча на карту поставил мой крест.

29. МАСКАРАД

В глухих коридорах и в залах пустынных
Сегодня собрались веселые маски,
Сегодня в увитых цветами гостиных
Прошли ураганом безумные пляски.

Бродили с драконами под руку луны,
Китайские вазы метались меж ними,
Был факел горящий и лютя, где струны
Твердили одно непонятное имя.

Мазурки стремительный зов раздавался,
И я танцевал с куртизанкой Содома,
О чем-то грустил я, чему-то смеялся,
И что-то казалось мне странно-знакомо.

Молил я подругу: «Сними эту маску,
Ужели во мне не узнала ты брата?
Ты так мне напомнила древнюю сказку,
Которую раз я услышал когда-то.

Для всех ты останешься вечно-чужою
И лишь для меня бесконечно-знакома,
И верь, от людей и от масок я скрою,
Что знаю тебя я, царица Содома».

Под маской мне слышался смех ее юный,
Но взоры ее не встречались с моими,
Бродили с драконами под руку луны,
Китайские вазы метались меж ними.

Как вдруг под окном, где угрозой пустою
Темнело лицо проплывающей ночи,
Она от меня ускользнула змеею,
И сдернула маску, и глянула в очи.

Я вспомнил, я вспомнил — такие же песни,
Такую же дикую дрожь сладострастья
И ласковый, вкрадчивый шопот: «Воскресни,
Воскресни для жизни, для боли и счастья!»

Я многое понял в тот миг сокровенный,
Но страшную клятву мою не нарушу.
Царица, царица, ты видишь, я пленный,
Возьми мое тело, возьми мою душу!

30. ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Солнце катится, кудри мои золотя,
Я срываю цветы, с ветерком говорю.
Почему же не счастлив я, словно дитя,
Почему не спокоен, подобно царю?

На испытанном луке дрожит тетива,
И все шепчет, и шепчет сверкающий меч.
Он, безумный, еще не забыл острова,
Голубые моря нескончаемых сеч.

Для кого же теперь вы готовите смерть,
Сильный меч и далеко-стреляющий лук?
Иль не знаете вы: завоевана твердь,
К нам склонилась земля, как союзник и друг;

Все моря целовали мои корабли,
Мы почтили сраженьями все берега.
Неужели за гранью широкой земли
И за гранью небес вы узнали врага?

31. ВЫБОР

Созидающий башню сорвется,
Будет страшен стремительный лет,
И на дне мирового колодца
Он безумье свое проклянет.

Разрушающий будет раздавлен,
Опрокинут обломками плит,
И, Всевидящим Богом оставлен,
Он о муке своей возопит.

А ушедший в ночные пещеры
Или к заводям тихой реки
Повстречает свирепой пантеры
Наводящие ужас зрачки.

Не спасешься от доли кровавой,
Что земным предназначила твердь.
Но молчи: несравненное право —
Самому выбирать свою смерть.

32. УМНЫЙ ДЬЯВОЛ

Мой старый друг, мой верный Дьявол,
Пропел мне песенку одну:
— Всю ночь моряк в пучине плавал,
А на заре пошел ко дну.

Кругом вставали волны-стены,
Спадали, вспенивались вновь,
Пред ним неслась, белее пены,
Его великая любовь.

Он слышал зов, когда он плавал:
«О, верь мне, я не обману» . . .
Но помни, — молвил умный Дьявол, —
Он на заре пошел ко дну. —

33. ОТКАЗ

Царица — иль, может быть, только печальный
ребенок, —

Она наклонялась над сонно-вздыхающим морем,
И стан ее стройный и гибкий казался так тонок,
Он тайно стремился навстречу серебряным зорям.

Сбегающий сумрак. Какая-то крикнула птица,
И вот перед ней замелькали на влаге дельфины.

Чтоб плыть к бирюзовым владениям влюбленного
принца,
Они предлагали свои глянцевитые спины.

Но голос хрустальный казался особенно звонок,
Когда он упрямо сказал роковое «не надо» . . .
Царица — иль, может быть, только капризный
ребенок,
Усталый ребенок с бессильною мукою взгляда.

34. ВОСПОМИНАНИЕ

Над пучиной в полуденный час
Пляшут искры, и солнце лучится,
И рыдает молчанием глаз
Далеско залетевшая птица.

Заманила зеленая сеть
И окутала взоры туманом,
Ей осталось лететь и лететь
До конца над немым океаном.

Прихотливые вихри влекут,
Бесполезны мольбы и усилья,
И на землю ее не вернут
Утомленные белые крылья.

И когда я увидел твой взор,
Где печальные скрылись зарницы,
Я заметил в нем тот же укор,
Тот же ужас измученной птицы.

35. МЕЧТЫ

За покинутым, бедным жилищем,
Где чернеют остатки забора,
Старый ворон с оборванным нищим
О восторгах вели разговоры.

Старый ворон в тревоге всегдашней
Говорил, трепеща от волненья,
Что ему на развалинах башни
Небывалые снились виденья.

Что в полете воздушном и смелом
Он не помнил тоски их жилища
И был лебедем нежным и белым,
Принцем был отвратительный нищий.

Нищий плакал бессильно и глухо,
Ночь тяжелая с неба спустилась,
Проходившая мимо старуха
Учащенно и робко крестилась.

36. ПЕРЧАТКА

На руке моей перчатка,
И ее я не сниму,
Под перчаткою загадка,
О которой вспомнить сладко
И которая уводит мысль во тьму.

На руке прикосновенье
Тонких пальцев милых рук,
И как слух мой помнит пенье,
Так хранит их впечатленье
Эластичная перчатка, верный друг.

Есть у каждого загадка,
Уводящая во тьму,
У меня — моя перчатка,
И о ней мне вспомнить сладко,
И ее до новой встречи не сниму.

37. МНЕ СНИЛОСЬ

Мне снилось: мы умерли оба,
Лежим с успокоенным взглядом,
Два белые, белые гроба
Поставлены рядом.

Когда мы сказали — довольно?
Давно ли, и что это значит?
Но странно, что сердцу не больно,
Что сердце не плачет.

Бессильные чувства так странны,
Застывшие мысли так ясны,
И губы твои не желанны,
Хоть вечно прекрасны.

Свершилось: мы умерли оба,
Лежим с успокоенным взглядом,
Два белые, белые гроба
Поставлены рядом.

38. САДА-ЯККО

В полутемном строгом зале
Пели скрипки, вы плясали.
Группы бабочек и лилий
На шелку зеленоватом,
Как живые, говорили
С электрическим закатом,
И ложилась тень акаций
На полотна декораций.

Вы казались бонбоньеркой
Над изящной этажеркой,
И, как беленькие кошки,
Как играющие дети,
Ваши маленькие ножки
Трепетали на паркете,
И жуками золотыми
Нам сияло ваше имя.

И когда вы говорили,
Мы далекое любили,
Вы бросали в нас цветами
Незнакомое искусства,
Непонятными словами
Опьяняя наши чувства,
И мы верили, что солнце
Только вымысел японца.

39. САМОУБИЙСТВО

Улыбнулась и вздохнула,
Догадавшись о покое,
И последний раз взглянула
На ковры и на обои.

Красный шарик уронила
На вино в узорный кубок
И капризно помочила
В нем кораллы нежных губок

И живая тень румянца
Заменялась тенью белой,
И, как в странной позе танца,
Искривясь, поникло тело.

И чужие миру звуки
Издалика набегают,
И незримый бисер руки,
Задрожав, перебирают.

На ковре она трепещет,
Словно белая голубка,
А отравленная блещет
Золотая влага кубка.

40. ПРИНЦЕССА

В темных покрывалах летней ночи
Заблудилась юная принцесса.
Плачущей нашел ее рабочий,
Что работал в самой чаще леса.

Он отвел ее в свою избушку,
Угостил лепешкой с горьким салом,
Подложил под голову подушку
И закутал ноги одеялом.

Сам заснул в углу далеком сладко,
Стала тихо тишиной виденья,
Пламенем мелькающим лампадка
Освещала только часть строенья.

Неужели это только тряпки,
Жалкие, ненужные отбросы,
Кроличьи засушенные лапки,
Брошенные на пол папиросы?

Почему же ей ее томленье
Кажется мучительно знакомо,
И ей шепчут грязные поленья,
Что она теперь лишь вправду дома?

... Ранним утром заспанный рабочий
Проводил принцессу до опушки,

Но не раз потом в глухие ночи
Проливались слезы об избушке.

41. ПЕЩЕРА СНА

Там, где похоронен старый маг,
Где зияет в мраморе пещера,
Мы услышим робкий, тайный шаг,
Мы с тобой увидим Люцифера.

Подожди, погаснет скучный день,
В мире будет тихо, как во храме,
Люцифер прокрадется, как тень,
С тихими вечерними тенями.

Скрытые, незримые для всех,
Сохраним мы нежное молчанье,
Будем слушать серебристый смех
И бессильно-горькое рыданье.

Синий блеск нам взор заморозит,
Фея Маб свои расскажет сказки,
И спугнет, блуждая, Вечный Жид
Бабочек оранжевой окраски.

Но когда воздушный лунный знак
Побледнеет, шествуя к паденью,
Снова станет трупом старый маг,
Люцифер — блуждающею тенью.

Фея Маб на лунном лепестке
Улетит к далекому чертогу,
И, угрюмо посох сжав в руке
Вечный Жид отправится в дорогу.

И, взойдя на плиты алтаря,
Мы заглянем в узкое оконце,
Чтобы встретить песнею царя,
Золотисто-огненное солнце.

42. ВЛЮБЛЕННАЯ В ДЬЯВОЛА

Что за бледный и красивый рыцарь
Проскакал на вороном коне,
И какая сказочная птица
Кружилась над ним в вышине?

И какой печальный взгляд он бросил
На мое цветное окно,
И зачем мне сделался несносен
Мир родной и знакомый давно?

И зачем мой старший брат в испуге
При дрожащем мерцаньи свечи
Вынимал из погребов кольчуги
И натачивал копья и мечи?

И зачем сегодня в капелле
Все сходились, читали псалмы,
И монахи угрюмые пели
Заклинанья против мрака и тьмы?

И спускался сумрачный астролог
С заклинательной башни в дом,
И зачем был так странно долог
Его спор с моим старым отцом?

Я не знаю, ничего не знаю,
Я еще так молода,
Но я все же плачу, и рыдаю,
И мечтаю всегда.

43. ЛЮБОВНИКИ

Любовь их душ родилась возле моря,
В священных рощах девственных наяд,
Чьи песни вечно-радостно звучат,
С напевом струн, с игрою ветра споря.

Великий жрец . . . страннее и суровей
Едва ль была людская красота,
Спокойный взгляд, сомкнутые уста
И на кудрях повязка цвета крови.

Когда вставал туман над водной степью,
Великий жрец творил святой обряд,
И танцы гибких, трепетных наяд
По берегу вились жемчужной цепью.

Средь них одной, пленительней, чем сказка,
Великий жрец оказывал почет.
Он позабыл, что красота влечет,
Что опьяняет красная повязка.

И звезды предрассветные мерцали,
Когда забыл великий жрец обет,
Ее уста не говорили «нет»,
Ее глаза ему не отказали.

И, преданы клеймящему злословью,
Они ушли из тьмы священных роц
Туда, где их сердец исчезла мощь,
Где их сердца живут одной любовью.

44. ЗАКЛИНАНИЕ

Юный маг в пурпуровом хитоне
Говорил нездешние слова,
Перед ней, царицей беззаконий,
Расточал рубины волшебства.

Аромат сжигаемых растений
Открывал пространства без границ,
Где носились сумрачные тени,
То на рыб похожи, то на птиц.

Плакали невидимые струны,
Огненные плавали столбы,
Гордые военные трибуны
Опускали взоры, как рабы.

А царица, тайное тревожа,
Мировой играла крутизной,
И ее атласистая кожа
Опьяняла снежной белизной.

Отданный во власть ее причуде,
Юный маг забыл про все вокруг,
Он смотрел на маленькие груди,
На браслеты вытянутых рук.

Юный маг в пурпуровом хитоне
Говорил, как мертвый, не дыша,
Отдал все царице беззаконий,
Чем была жива его душа.

А когда на изумрудах Нила
Месяц закачался и поблек,
Бледная царица уронила
Для него алеющий цветок.

45. ГИЕНА

Над тростником медлительного Нила,
Где носятся лишь бабочки да птицы,
Скрывается забытая могила
Преступной, но пленительной царицы.

Ночная мгла несет свои обманы,
Встает луна, как грешная сирена,
Бегут белесоватые туманы,
И из пещеры крадется гиена.

Ее стенанья яростны и грубы,
Ее глаза зловеци и унылы,
И страшны угрожающие зубы
На розоватом мраморе могилы.

«Смотри, луна, влюбленная в безумных,
Смотрите, звезды, стройные виденья,
И темный Нил, владыка вод бесшумных,
И бабочки, и птицы, и растенья.

Смотрите все, как шерсть моя дыбится,
Как блещут взоры злыми огоньками.
Неправда ль, я такая же царица,
Как та, что спит под этими камнями?

В ней билось сердце, полное изменой,
Носили смерть изогнутые брови,
Она была такою же гиеной,
Она, как я, любила запах крови».

По деревьям собаки воют в страхе,
В домах рыдают маленькие дети,
И хмурые хватаются феллахи
За длинные, безжалостные плети.

46. КОРАБЛЬ

— Что ты видишь во взоре моем,
В этом бледно-мерцающем взоре? —
Я в нем вижу глубокое море
С потонувшим большим кораблем.

Тот корабль . . . величавей, смелее
Не видали над бездной морской.
Колыхались высокие реи,
Трепетала вода за кормой.

И летучие странные рыбы
Покидали подводный предел
И бросали на воздух изгибы
Изумрудно-блистающих тел.

Ты стояла на дальнем утесе,
Ты смотрела, звала и ждала,
Ты в последнем веселом матросе
Огневое стремленье зажгла.

И никто никогда не узнает
О безумной, предсмертной борьбе
И о том, где теперь отдыхает
Тот корабль, что стремился к тебе.

И зачем эти тонкие руки
Жемчугами прорезали тьму,
Точно ласточки с песней разлуки,
Точно сны, улетая к нему.

Только тот, кто с тобою, царица,
Только тот вспоминает о нем,
И его голубая гробница
В затуманенном взоре твоём.

47. ЯГУАР

Станный сон увидел я сегодня:
Снилось мне, что я сверкал на небе,
Но что жизнь, чудовищная сводня,
Выкинула мне недобрый жребий.

Превращен внезапно в ягуара,
Я сгорал от бешеных желаний,
В сердце — пламя грозного пожара,
В мускулах — безумье содроганий.

И к людскому крался я жилищу
По пустому сумрачному полю
Добывать полуночную пищу,
Богом мне назначенную долю.

Но неожиданно в темном перелеске
Я увидел нежный образ девы
И запомнил яркие подвески,
Поступь лани, взоры королевы.

«Призрак Счастья, Белая Невеста» ...
Думал я, дрожащий и смущенный,
А она промолвила: «Ни с места!»
И смотрела тихо и влюбленно.

Я молчал, ее покорный кличу,
Я лежал, ее окован знаком,
И достался, как шакал, в добычу
Набежавшим яростным собакам.

А она прошла за перелеском
Тихими и легкими шагами,
Лунный луч кружился по подвескам,
Звезды говорили с жемчугами.

48. УЖАС

Я долго шел по коридорам,
Кругом, как враг, таилась тишь.
На пришлеца враждебным взором
Смотрели статуи из ниш.

В угрюмом сне застыли вещи,
Был странен серый полумрак,
И точно маятник зловещий,
Звучал мой одинокий шаг.

И там, где глубже сумрак хмурый,
Мой взор горящий был смущен
Едва заметною фигурой
В тени столпившихся колонн.

Я подошел, и вот мгновенный,
Как зверь, в меня вцепился страх:
Я встретил голову гиены
На стройных девичьих плечах.

На острой морде кровь налипла,
Глаза зияли пустотой,
И мерзко крался шопот хриплый:
«Ты сам пришел сюда, ты мой!»

Мгновенья страшные бежали,
И наплывала полумгла,
И бледный ужас повторяли
Бесчисленные зеркала.

49. ЗА ГРОБОМ

Под землей есть тайная пещера,
Там стоят высокие гробницы,
Огненные грезы Люцифера, —
Там блуждают стройные блудницы.

Ты умрешь бесславно иль со славой,
Но придет и властно глянет в очи
Смерть, старик угрюмый и костлявый,
Нудный и медлительный рабочий.

Понесет тебя по коридорам,
Понесет от башни и до башни.
Со стеклянным, выпученным взором
Ты поймешь, что это сон всегдашний.

И когда, упав в твою гробницу,
Ты загрезишь о небесном храме,
Ты увидишь пред собой блудницу
С острыми жемчужными зубами.

Сладко будет ей к тебе приникнуть,
Целовать со злобой бесконечной.
Ты не сможешь двинуться и крикнуть . . .
Это все. И это будет вечно.

50. НЕВЕСТА ЛЬВА

Жрец решил. Народ, согласный
С ним, зарезал мать мою:
Лев пустынный, бог прекрасный,
Ждет меня в степном раю.

Мне не страшно, я ли скроюсь
От грозящего врага?
Я надела алый пояс,
Янтари и жемчуга.

Вот в пустыне я и кличу:
«Солнце-зверь, я заждалась,
Приходи терзать добычу
Человеческую, князь!

Дай мне вздрогнуть в тяжких лапах,
Пасть и не подняться вновь,
Дай слышать страшный запах,
Темный, пьяный, как любовь».

Как куренья, пахнут травы,
Как невеста, я тиха,
Надо мною взор кровавый
Золотого жениха.

51. САДЫ ДУШИ

Сады моей души всегда узорны,
В них ветры так свежи и тиховейны,
В них золотой песок и мрамор черный,
Глубокие, прозрачные бассейны.

Растенья в них, как сны, необычайны,
Как воды утром, розовеют птицы,
И — кто поймет намек старинной тайны? —
В них девушка в венке великой жрицы.

Глаза, как отблеск чистой серой стали,
Изящный лоб, белей восточных лилий,
Уста, что никого не целовали
И никогда ни с кем не говорили.

И щеки — розоватый жемчуг юга,
Сокровище немыслимых фантазий,
И руки, что ласкали лишь друг друга,
Переплетясь в молитвенном экстазе.

У ног ее — две черные пантеры
С отливом металлическим на шкуре.
Взлетев от роз таинственной пещеры,
Ее фламинго плавает в лазури.

Я не смотрю на мир бегущих линий,
Мои мечты лишь вечному покорны.
Пускай сирокко бесится в пустыне,
Сады моей души всегда узорны.

52. ЗАРАЗА

Приближается к Каиру судно
С длинными знаменами Пророка.
По матросам угадать нетрудно,
Что они с востока.

Капитан кричит и суетится,
Слышен голос гортанный и резкий,
Меж снастей видны смуглые лица,
И мелькают красные фески.

На пристани толпятся дети,
Забавны их тонкие тельца,
Они сошлись еще на рассвете
Посмотреть, где станут пришельцы.

Аисты сидят на крыше
И вытягивают шеи.
Они всех выше,
И им виднее.

Аисты — воздушные маги,
Им многое тайное понятно:
Почему у одного бродяги
На щеках багровые пятна.

Аисты кричат над домами,
Но никто не слышит их рассказа,
Что вместе с духами и шелками
Пробирается в город зараза.

53. ОРЕЛ СИНДБАДА

Следом за Синдбадом-Мореходом
В чуждых странах я собирал червонцы
И блуждал по незнакомым водам,
Где, дробясь, пылали блики солнца.

Сколько раз я думал о Синдбаде
И в душе лелеял мысли те же...
Было сладко грезить о Багдаде,
Проходя у чуждых побережий.

Но орел, чьи перья — красный пламень,
Что носил богатого Синдбада,
Поднял и швырнул меня на камень,
Где морская веяла прохлада.

Пусть халат мой залит свежей кровью, —
В сердце гибель загорелась снами.
Я — как мальчик, схваченный любовью
К девушке, окутанной шелками.

Тишина над дальним кругозором,
В мыслях праздник светлого бессилья,
И орел, моим смущенным взором,
Отлетая, распускает крылья.

54. ЖИРАФ

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер.

Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полет.
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.

Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про черную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во чтонибудь, кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад,
 Про стройные пальмы, про запах немыслимых
 трав...
 Ты плачешь? Послушай... далеко, на озере Чад
 Изысканный бродит жираф.

55. НОСОРОГ

Видишь, мчатся обезьяны
С диким криком на лианы,
Что свисают низко, низко,
Слышишь шорох многих ног?
Это значит — близко, близко
От твоей лесной поляны
Разъяренный носорог.

Видишь общее смятенье,
Слышишь топот? Нет сомненья,
Если даже буйвол сонный
Отступает глубже в грязь.
Но, в нездешнее влюбленный,
Не ищи себе спасенья,
Убегая и таясь.

Подними высоко руки
С песней счастья и разлуки,
Взоры в розовых туманах
Мысль далеко уведут,
И из стран обетованных
Нам незримые фелуки
За тобою приплывут.

56. ОЗЕРО ЧАД

На таинственном озере Чад
Посреди вековых баобабов
Вырезные фелуки стремят
На заре величавых арабов.
По лесистым его берегам
И в горах, у зеленых подножий,
Поклоняются страшным богам
Девы-жрицы с эбеновой кожей.

Я была женой могучего вождя,
10 Дочерью властительного Чада,
Я одна во время зимнего дождя
Совершала таинство обряда.
Говорили — на сто миль вокруг
Женщин не было меня светлее,
Я браслетов не снимала с рук.
И янтарь всегда висел на шее.

Белый воин был так строен,
Губы красны, взор спокоен,
20 Он был истинным вождем;
И открылась в сердце дверца,
А когда нам шепчет сердце,
Мы не боремся, не ждем.
Он сказал мне, что едва ли
И во Франции видали

Обольстительней меня,
И как только день растает,
Для двоих он оседлает
Берберийского коня.

- 30 Муж мой гнался с верным луком,
Пробегал лесные чащи,
Перепрыгивал овраги,
Плыл по сумрачным озерам
И достался смертным мукам;
Видел только день палящий
Труп свирепого бродяги,
Труп покрытого позором.

- А на быстром и сильном верблюде,
Утопая в ласкающей груди
- 40 Шкур звериных и шелковых тканей,
Уносила я птицей на север,
Я ломала мой редкостный веер,
Упиваясь восторгом заране.
Раздвигала я гибкие складки
У моей разноцветной палатки
И, смеясь, наклонялась в оконце,
Я смотрела, как прыгает солнце
В голубых глазах европейца.

- А теперь, как мертвая смоковница,
- 50 У которой листья облетели,
Я ненужно-скучная любовница,
Словно вещь, я брошена в Марселе.
Чтоб питаться жалкими отбросами,
Чтобы жить, вечернею порою
Я пляшу пред пьяными матросами,
И они, смеясь, владеют мною.

Робкий ум мой обессилен бедами,
Взор мой с каждым часом угасает . . .
Умереть? Но там, в полях неведомых,
60 Там мой муж, он ждет и не прощает.

57. ПОМПЕЙ У ПИРАТОВ

От кормы, изукрашенной красным,
Дорогие плывут ароматы
В трюм, где скрылись в волнении опасном
С угрожающим видом пираты.

С затаенной злобой боязни
Говорят, то храбрысь, то бледнея,
И вполголоса требуют казни,
Головы молодого Помпея.

Сколько дней они служат рабами,
То покорно, то с гневом напрасным,
И не смеют бродить под шатрами,
На корме, изукрашенной красным.

Слышен зов. Это голос Помпея,
Окруженного стаей голубок.
Он кричит: «Эй, собаки, живет!
Где вино? Высыхает мой кубок».

И над морем седым и пустынным,
Приподнявшись лениво на локте,
Посыпает толченым рубином
Розоватые, длинные ногти.

И оставив мечтанья о мести,
Умолкают смущенно пираты
И несут, раболепные, вместе
И вино, и цветы, и гранаты.

58. ОСНОВАТЕЛИ

Ромул и Рем взошли на гору,
Холм перед ними был дик и нем.
Ромул сказал: «Здесь будет город».
«Город, как солнце» — ответил Рем.

Ромул сказал: «Волей созвездий
Мы обрели наш древний почет».
Рем отвечал: «Что было прежде,
Надо забыть, глянem вперед».

«Здесь будет цирк, — промолвил Ромул, —
Здесь будет дом наш, открытый всем».
«Но надо поставить ближе к дому
Могильные склепы» — ответил Рем.

59. МАНЛИЙ

Манлий сброшен. Слава Рима,
Власть все та же, что была,
И навеки нерушима,
Как Тарпейская скала.

Рим, как море, волновался,
Разрезали вопли тьму,
Но спокойно улыбался
Низвергаемый к нему.

Для чего ж в полдневной хмаре,
Озаряемый лучом,
Возникает хмурый Марий
С окровавленным мечом ?

60. ИГРЫ

Консул добр: на арене кровавой
Третий день не кончаются игры,
И совсем обезумели тигры,
Дышут древнею злобой удавы.

А слоны, а медведи! Такими
Опьянелыми кровью бойцами,
Туром, бьющим повсюду рогами,
Любовались едва ли и в Риме.

И тогда лишь был отдан им пленный,
Весь израненный, вождь аламанов,
Заклинатель ветров и туманов
И убийца с глазами гиены.

Как хотели мы этого часа!
Ждали битвы, мы знали — он смелый.
Бейте, звери, горячее тело,
Рвите, звери, кровавое мясо!

Но, прижавшись к перилам дубовым,
Вдруг завыл он, спокойный и хмурый,
И согласным ответили ревом
И медведи, и волки, и туры.

Распластались покорно удавы,
И упали слоны на колени,
Ожидая его повелений,
Поднимали свой хобот кровавый.

Консул, консул и вечные боги,
Мы такого еще не видали!
Ведь голодные тигры лизали
Колдуну запыленные ноги.

61. ИМПЕРАТОРУ

Призрак какой-то неведомой силы,
Ты ль, указавший законы судьбе,
Ты ль, император, во мраке могилы
Хочешь, чтоб я говорил о тебе?

Горе мне! Я не трибун, не сенатор,
Я только бедный бродячий певец,
И для чего, для чего, император,
Ты на меня возлагаешь венец?

Заперты мне все богатые двери,
И мои бедные сказки-стихи
Слушают только бездомные звери
Да на высоких горах пастухи.

Старый хитон мой изодран и черен,
Очи не зорки, и голос мой слаб,
Но ты сказал, и я буду покорен,
О император, я верный твой раб.

62. КАРАКАЛЛА

Император с профилем орлиным,
С черною, курчавой бородой,
О, каким бы стал ты властелином,
Если б не был ты самим собой!

Любопытно-вдумчивая нежность,
Словно тень, на царственных устах,
Но какая дикая мятежность
Затаилась в сдвинутых бровях!

Образы властительные Рима,
Юлий Цезарь, Август и Помпей, —
Это тень, бледна и еле зрима,
Перед тихой тайною твоей.

Кончен ряд железных сновидений,
Тихи гробы сумрачных отцов,
И ласкает быстрый Тибр ступени
Гордо розовеющих дворцов.

Жадность снов в тебе неуголима:
Ты бы мог раскинуть ратный стан,
Бросить пламя в храм Иерусалима,
Укротить бунтующих парфян.

Но к чему победы в час вечерний,
Если тени упадают ниц,
Если, словно золото на черни,
Видны ноги стройных танцовщиц?

Страстная, как юная тигрица,
Нежная, как лебедь сонных вод,
В темной спальне ждет императрица,
Ждет, дрожа, того, кто не придет.

Там, в твоих садах, ночное небо,
Звезды разбросались, как в бреду,
Там, быть может, ты увидел Феба,
Трепетно бродящего в саду.

Как и ты стрелою снов пронзенный,
С любопытным взором он застыл
Там, где дремлет, с Нила привезенный,
Темно-изумрудный крокодил.

Словно прихотливые камеи —
Тихие, пустынные сады,
С темных палм в траву свисают змеи,
Зреют небывалые плоды.

Беспокоен смутный сон растений,
Плавают туманы, точно сны,
В них ночные бабочки, как тени,
С крыльями жемчужной белизны.

Тайное свершается в природе:
Молода, светла и влюблена,
Легкой поступью к тебе нисходит,
В облако закутавшись, луна.

Да, от лунных песен ночью летней
Неземная в этом мире тишь,
Но еще страшнее и запретней
Ты в ответ слова ей говоришь.

А потом в твоём зеленом храме
Медленно, как следует царю,
Ты, неверный, пышными стихами
Юную приветствуешь зарю.

63.

Мореплаватель Павзаний
С берегов далеких Нила
В Рим привез и шкуры ланей,
И египетские ткани,
И большого крокодила.

Это было в дни безумных
Извращений Каракаллы.
Бог веселых и бездумных
Изукрасил цепью шумных
Толп причудливые скалы.

В золотом, невинном горе
Солнце в море уходило,
И в пурпуровом уборе
Император вышел в море,
Чтобы встретить крокодила.

Суетились у галеры
Бородатые скитальцы.
И изящные гетеры
Поднимали в честь Венеры
Точно мраморные пальцы.

И какой-то сказкой чудной,
Нарушителем гармоний,
Крокодил сверкал у судна
Чешуею изумрудной
На серебряном понтоне.

64. НЕОРОМАНТИЧЕСКАЯ СКАЗКА

Над высокою горою
Поднимались башни замка,
Окруженного рекою,
Как причудливою рамкой.

Жили в нем согласной парой
Принц, на днях еще из детской,
С ним всезнающий, и старый,
И напыщенный дворецкий.

В зале Гордых Восклицаний
Много копий и арканов,
Чтоб охотиться на ланей
И рыкающих кабанов.

Вид принявши молодецкий,
Принц несется на охоту,
Но за ним бежит дворецкий
И кричит, прогнав дремоту:

«За пределами Веледа
Есть заклятые дороги,
Там я видел людоеда
На огромном носороге.

Кровожадный, ликом темный,
Он бросает злые взоры,
Носорог его огромный
Потрясает ревом горы».

Принц не слушает и мчится,
Белый панцырь так и блещет,
Сокол, царственная птица,
На руке его трепещет.

Вдруг . . . жилище людоеда —
Скал угрюмые уступы,
И, трофей его победы,
Полусъеденные трупы.

И, как сны необычайны,
Пестрокожие удавы . . .
Но дворецкий знает тайны,
Жжет магические травы.

Не успел алтарь остынуть,
Людоед уже встревожен,
Не пытается он вынуть
Меч испытанный из ножен.

На душе тяжелый ужас,
Непонятная тревога,
И трубит он в рог, натужась,
Вызывает носорога.

Но он скоро рог оставит:
Друг его в лесистом мраке,
Где его упорно травят
Быстроногие собаки.

Юный принц вошел нечаян
В этот дом глухих рыданий,
И испуганный хозяин
Очутился на аркане.

Людоеда посадили
Одного с его тоскою
В башню мрака, башню пыли,
За высокою стеною.

Говорят, он стал добрее,
Проходящим строит глазки
И о том, как пляшут феи,
Сочиняет детям сказки.

Жемчуга

Стихи 1907—1910 гг.

65. ВОЛШЕБНАЯ СКРИПКА

Валерию Брюсову

Милый мальчик, ты так весел , так светла твоя
улыбка,
Не проси об этом счастье, отравляющем миры,
Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта скрипка,
Что такое темный ужас начинателя игры!

Тот, кто взял ее однажды в повелительные руки,
У того исчез навеки безмятежный свет очей,
Духи ада любят слушать эти царственные звуки,
Бродят бешеные волки по дороге скригачей.

Надо вечно петь и плакать этим струнам, звонким
струнам,
Вечно должен биться, виться обезумевший смычок,
И под солнцем, и под вьюгой, под белеющим
буруном,
И когда пылает запад, и когда горит восток.

Ты устанешь и замедлишь, и на миг прервется
пенье,
И уж ты не сможешь крикнуть, шевельнуться и
вздохнуть, —
Тотчас бешеные волки в кровожадном иступлении
В горло вцепятся зубами, встанут лапами на грудь.

Когда случайно чья-нибудь рука
Две жердочки, две травки, два древка
Соединит на миг крестообразно?

67. КАМЕНЬ

А. И. Гумилевой

Взгляни, как злобно смотрит камень,
В нем щели странно глубоки,
Под мхом мерцает скрытый пламень;
Не думай, то не светляки!

Давно угрюмые друиды,
Сибиллы хмурых королей,
Отмстить какие-то обиды
Его призывали из морей.

Он вышел черный, вышел страшный,
И вот лежит на берегу,
А по ночам ломает башни
И мстит случайному врагу.

Летит пустынными полями,
За куст приляжет, подождет,
Сверкнет огнистыми щелями
И снова бросится вперед.

И редко кто бы мог увидеть
Его ночной и тайный путь,
Но берегись его обидеть,
Случайно как-нибудь толкнуть.

Он скроет жгучую обиду,
Глухое бешенство угроз,
Он промолчит и будет с виду
Недвижен, как простой утес.

Но где бы ты ни скрылся, спящий,
Тебе его не обмануть,
Тебя отыщет он, летящий,
И дико ринется на грудь.

И ты застонешь в изумлении,
Завидя блеск его огней,
Заслыша шум его паденья
И жалкий треск твоих костей.

Горячей кровью пьяный, сытый,
Лишь утром он оставит дом,
И будет страшен труп забытый,
Как пес, раздавленный быком.

И, миновав поля и нивы,
Вернется к берегу он вновь,
Чтоб смыли верные приливы
С него запекшуюся кровь.

68. ОДЕРЖИМЫЙ

Луна плывет, как круглый щит
Давно убитого героя,
А сердце ноет и стучит,
Уныло чуя роковое.

Чрез дымный луг и хмурый лес,
И угрожающее море
Бредет с копьем наперевес
Мое чудовищное горе.

Напрасно я спешу к коню,
Хватаю с трепетом поводья
И, обезумевший, гоню
Его в ночные половодья.

В болоте темном дикий бой
Для всех останется неведом,
И верх одержит надо мной
Привыкший к сумрачным победам:

Мне сразу в очи хлынет мгла . . .
На полном, бешеном галопе
Я буду выбит из седла
И покачусь в ночные топи.

Как будет страшен этот час!
Я буду сжат доспехом тесным,
И, как всегда, о *coup de grâse*
Я возоплю пред неизвестным.

Я угадаю шаг глухой
В неверной мгле ночного дыма,
Но, как всегда, передо мной
Пройдет неведомое мимо . . .

И утром встану я один,
А девы, рады играм вешним,
Шепнут: «Вот странный паладин
С душой, измученной нездешним».

69. ПОЕДИНОК

В твоём гербе — невинность лилий,
В моём — багряные цветы.
И близок бой, рога завывли,
Сверкнули золотом щиты.

Я вызван был на поединок
Под звуки бубнов и литавр,
Среди смеющихся тропинок,
Как тигр в саду, — угрюмый мавр.

Ты — дева-воин песен давних,
Тобой гордятся короли,
Твое копье не знает равных
В пределах моря и земли.

Вот мы схватились и застыли
И войско с трепетом глядит,
Кто побеждает: я ли, ты ли,
Иль гибкость стали, иль гранит.

Я пал, и молнии победней
Сверкнул и в тело впился нож.
Тебе восторг — мой стон последний,
Моя прерывистая дрожь.

И ты уходишь в славе ратной,
Толпа поет тебе хвалы,
Но ты воротишься обратно,
Одна, в плаще весенней мглы.

И над равниной дымно-белой
Мерцая шлемом золотым,
Найдешь мой труп окоченелый
И снова склонишься над ним:

«Люблю! Ты слышишь, милый, милый?
Открой глаза, ответь мне — да.
За то, что я тебя убила,
Твоей я стану навсегда».

Еще не умер звук рыданий,
Еще шуршит твой белый шелк,
А уж ко мне ползет в тумане
Нетерпеливо-жадный волк.

70. ПОРТРЕТ МУЖЧИНЫ

Картина в Лувре работы неизвестного

Его глаза — подземные озера,
Покинутые царские чертоги.
Отмечен знаком выюшего позора,
Он никогда не говорит о Боге.

Его уста — пурпуровая рана
От лезвия, пропитанного ядом;
Печальные, сомкнувшиеся рано,
Они зовут к непознанным уладам.

И руки — бледный мрамор полнолуний,
В них ужасы неснятого проклятья,
Они ласкали девушек-колдуний
И ведали кровавые распятья.

Ему в веках достался странный жребий —
Служить мечтой убийцы и поэта,
Быть может, как родился он — на небе
Кровавая растаяла комета.

В его душе столетние обиды,
В его душе печали без названья.
На все сады Мадонны и Киприды
Не променяет он воспоминанья.

Он злобен, но не злобой святотатца,
И нежен цвет его атласной кожи.
Он может улыбаться и смеяться,
Но плакать . . . плакать больше он не может.

71. ЛЕСНОЙ ПОЖАР

Ветер гонит тучу дыма,
Словно грузного коня.
Вслед за ним неумолимо
Встало зарево огня.

Только в редкие просветы
Темно-бурых тополей
Видно розовые светы
Обезумевших полей.

Ярко вспыхивает маис,
С острым запахом смолы,
И, шипя и разгораясь,
Е пламя падают стволы.

Резкий грохот, тяжкий топот,
Вой, мычанье, визг и рев,
И зловеще-тихий ропот
Закипающих ручьев.

Вон несется слон-пустынник,
Лев стремительно бежит,
Обезьяна держит финик
И пронзительно визжит.

С вепрем стиснутый бок-о-бок,
Легкий волк, душа ловитв,
Зубы белы, взор не робок —
Только время не для битв.

А за ними в дымных пущах
Льется новая волна
Опаленных и ревущих...
Как назвать их имена?

Словно там, под сводом ада,
Дьявол щелкает бичом,
Чтобы грешников громада
Вышла бешеным смерчом.

Всё страшней в ночи бессонной,
Всё быстрее дикий бег,
И, огнями ослепленный,
Черной кровью обогранный,
Первым гибнет человек.

72. ЦАРИЦА

Твой лоб в кудрях отлива бронзы,
Как сталь, глаза твои остры,
Тебе задумчивые бонзы
В Тибете ставили костры.

Когда Тимур в унылой злобе
Народы бросил к их мете,
Тебя несли в пустынях Гоби
На боевом его щите.

И ты вступила в крепость Агры,
Светла, как древняя Лилит,
Твои веселые онагры
Звенели золотом копыт.

Был вечер тих. Земля молчала,
Едва вздыхали цветники,
Да от зеленого канала,
Взлетая, реяли жуки.

И я следил в тени колонны
Черты алмазного лица
И ждал, коленопреклоненный,
В одежде розовой жреца.

Узорный лук в дугу был согнут,
И, вольность древнюю любя,
Я знал, что мускулы не дрогнут
И острие найдет тебя.

Тогда бы вспыхнуло былое:
Князей торжественный приход,
И пляски в зарослях алоэ,
И дни веселые охот.

Но рот твой, вырезанный строго,
Таил такую смену мук,
Что я в тебе увидел бога
И робко выронил свой лук.

Толпа рабов ко мне метнулась,
Теснясь, волнуясь и крича,
И ты лениво улыбнулась
Стальной секире палача.

73. ТОВАРИЩ

Что-то подходит близко, верно,
Холод томящий в грудь проник.
Каждою ночью в тьме безмерной
Я вижу милый, странный лик.

Старый товарищ, древний ловчий,
Снова встаешь ты с ночного дна,
Тигра смелее, барса ловчее,
Сильнее грузного слона.

Помню, все помню; как забуду
Рыжие кудри, крепость рук,
Меч твой, вносявший гибель всюду,
Из рога турьего твой лук?

Помню и волка; с нами в мире
Вместе бродил он, вместе спал,
Вечером я играл на лире,
А он тихонько подвывал.

Что же случилось? Чьею властью
Вытоптан был наш дикий сад?
Раненый коршун, темной страстью
Товарищ дивный был объят.

Спутанно помню — кровь повсюду,
Душу гнетущий мертвый страх,
Ночь, и героев павших груды,
И труп товарища в волнах.

Что же теперь, сквозь ряд столетий,
Выступил ты из смертных чаш, —
В смуглых ладонях лук и сети,
И на плечах багряный плащ?

Сладостной верю я надежде,
Лгать не умеют сердцу сны,
Скоро пройду с тобой, как прежде,
В полях неведомой страны.

74. В БИБЛИОТЕКЕ

М. Кузмину

О, пожелтевшие листы
В стенах вечерних библиотек,
Когда раздумья так чисты,
А пыль пьянее, чем наркотик!

Мне нынче труден мой урок.
Куда от странной грезы деться?
Я отыскал сейчас цветок
В процессе древнем Жиль де Реца.

Изрезан сетью бледных жил,
Сухой, но тайно благовонный...
Его, наверно, положил
Сюда какой-нибудь влюбленный.

Еще от алых женских губ
Его пылали жарко щеки,
Но взор очей уже был туп,
И мысли холодно-жестоки.

И, верно, дьявольская страсть
В душе вставала, словно пенье,
Что дар любви, цветок, увясть
Был брошен в книге преступленья.

И после, там, в тени аркад,
В великолепии ночи дивной
Кого заметил тусклый взгляд,
Чей крик послышался призывный?

Так много тайн хранит любовь,
Так мучат старые гробницы!
Мне ясно кажется, что кровь
Пятнает многие страницы.

И терн сопутствует венцу,
И бремя жизни — злое бремя . . .
Но что до этого чтецу,
Неутомимому, как время!

Мои мечты . . . они чисты,
А ты, убийца дальний, кто ты?!
О, пожелтевшие листы,
Шагреневые переплеты!

75. В ПУТИ

Кончено время игры,
Дважды цветам не цвести.
Тень от гигантской горы
Пала на нашем пути.

Область унынья и слез —
Скалы с обеих сторон
И оголенный утес,
Где распростерся дракон.

Острый хребет его крут,
Вздох его — огненный смерч.
Люди его назовут
Сумрачным именем: Смерть.

Что ж, обратиться нам вспять,
Вспять повернуть корабли,
Чтобы опять испытать
Древнюю скудость земли?

Нет, ни за что, ни за что!
Значит, настала пора.
Лучше слепое Ничто,
Чем золотое Вчера!

Вынем же меч-кладенец,
Дар благосклонных наяд,
Чтоб обрести, наконец,
Неотцветающий сад.

76. СЕМИРАМИДА

Светлой памяти И. Ф. Анненского

Для первых властителей завиден мой жребий,
И боги не так горды.
Столпами из мрамора в пылающем небе
Укрепились мои сады.

Там рощи с цистернами для розовой влаги,
Голубые, нежные мхи,
Рабы и танцовщицы, и мудрые маги,
Короли четырех стихий.

Всё манит и радует, всё ясно и близко,
Всё таит восторг тишины,
Но каждую полночью так страшно и низко
Наклоняется лик луны.

И в сумрачном ужасе от лунного взгляда,
От цепких лунных сетей,
Мне хочется броситься из этого сада
С высоты семисот локтей.

77. СТАРЫЙ КОНКВИСТАДОР

Углубясь в неведомые горы,
Заблудился старый конквистадор,
В дымном небе плавали кондоры,
Нависали снежные громады.

Восемь дней скитался он без пищи,
Конь издох, но под большим уступом
Он нашел уютное жилище,
Чтоб не разлучаться с милым трупом.

Там он жил в тени сухих смоковниц,
Песни пел о солнечной Кастилье,
Вспоминал сраженья и любовниц,
Видел то пищажи, то мантильи.

Как всегда, был дерзок и спокоен
И не знал ни ужаса, ни злости,
Смерть пришла, и предложил ей воин
Поиграть в изломанные кости.

78. ВАРВАРЫ

Когда зарыдала страна под немилостью Божьей
И варвары в город вошли молчаливой толпою,
На площади людной царица поставила ложе,
Суровых врагов ожидала царица, нагою.

Трубили герольды. По ветру стремились знамена,
Как листья осенние, прелые, бурые листья.
Роскошные груди восточных шелков и виссона
С краев украшали литые из золота кисти.

Царица была — как пантера суровых безлюдий,
С глазами — провалами темного, дикого счастья.
Под сеткой жемчужной вздымались дрожащие
грудь,
На смуглых руках и ногах трепетали запястья.

И зов ее мчался, как звоны серебряной лютни:
«Спешите, герои, несущие луки и пращи!
Нигде, никогда не найти вам жены бесприютней,
Чьи жалкие стоны вам будут желанней и слаще!

Спешите, герои, окованы медью и сталью,
Пусть в бедное тело вопьются свирепые гвозди,
И бешенством ваши нальются сердца и печалью
И будут красней виноградных пурпуровых гроз-
дий.

Давно я ждала вас, могучие, грубые люди,
Мечтала, любясь на зарево ваших становищ.
Идите ж, терзайте для муки расцветшие груди,
Герольд протрубит — не щадите заветных со-
кровищ».

Серебряный рог, изукрашенный кистью слоновьей,
На бронзовом блюде рабы протянули герольду,
Но варвары севера хмурили гордые брови,
Они вспоминали скитанья по снегу и по льду.

Они вспоминали холодное небо и дюны,
В зеленых трущобах веселые щебеты птичьи,
И царственно-синие женские взоры . . . и струны,
Которыми скальды гремели о женском величьи.

Кипела, сверкала народом широкая площадь,
И южное небо раскрыло свой огненный веер,
Но хмурый начальник сдержал опененную лошадь,
С надменной усмешкой войска повернул он на север.

79. ВОИН АГАМЕМНОНА

Смутную душу мою тяготит
Странный и страшный вопрос:
Можно ли жить, если умер Атрид,
Умер на ложе из роз?

Всё, что нам снилось всегда и везде,
Наше желанье и страх,
Всё отражалось, как в чистой воде,
В этих спокойных очах.

В мышцах жила несказанная мощь,
Нега — в изгибе колен,
Был он прекрасен, как облако, — вождь
Золотоносных Микен.

Что я? Обломок старинных обид,
Дротик, упавший в траву.
Умер водитель народов, Атрид, —
Я же, ничтожный, живу.

Манит прозрачность глубоких озер,
Смотрит с укором заря.
Тягостен, тягостен этот позор —
Жить, потерявши царя!

80. АНДРОГИН

Тебе никогда не устанем молиться,
Немыслимо-дивное Бог-Существо.
Мы знаем, Ты здесь, Ты готов проявиться,
Мы верим, мы верим в Твое торжество.

Подруга, я вижу, ты жертвуешь много,
Ты в жертву приносишь себя самое,
Ты тело даешь для Великого Бога,
Изысканно-нежное тело свое.

Спеши же, подруга! Как духи, нагими,
Должны мы исполнить старинный обет,
Шепнуть, задыхаясь, забытое Имя
И, вздрогнув, услышать желанный ответ.

Я вижу, ты медлишь, смущаешься...

Пусть двое погибнут, чтоб ожил один,
Чтоб странный и светлый с безумного ложа,
Как феникс из пламени, встал Андрогин.

81. ОРЕЛ

Где жил он прежде? Может быть в плену,
В оковах королевского зверинца,
Кричал, встречая девушку-весну,
Влюбленную в задумчивого принца.

Иль, может быть, в берлоге колдуна,
Когда глядел он в узкое оконце,
Его зачаровала выпшина
И властно превратила сердце в солнце.

Не все ль равно?! Играя и маня,
Лазурное вскрывалось совершенство,
И он летел три ночи и три дня
И умер, задохнувшись от блаженства.

Он умер, да! Но он не мог упасть,
Войдя в круги планетного движенья.
Бездонная внизу зияла пасть,
Но были слабы силы притяженья.

Лучами был пронизан небосвод,
Божественно-холодными лучами,
Не зная тленья, он летел вперед,
Смотрел на звезды мертвыми очами.

Не раз в бездонность рушились миры,
Не раз труба архангела трубила,
Но не была добычей для игры
Его великолепная могила.

82. ПОКОРНОСТЬ

Только усталый достоин молиться богам,
Только влюбленный — ступать по весенним лугам!

На небе звезды, и тихая грусть на земле,
Тихое «пусть» прозвучало и тает во мгле.

Это — покорность! Приди и склонись надо мной,
Бледная дева под траурно-черной фатой!

Край мой печален, затерян в болотной глуши,
Нету прекраснее края для скорбной души.

Вон порыжевшие кочки и мокрый овраг,
Я для него отрекаюсь от призрачных благ.

Что я: влюблен или просто смертельно устал?
Так хорошо, что мой взор, наконец, отблестал!

Тихо смотрю, как степная колышется зыбь,
Тихо внимаю, как плачет болотная выпь.

83. РЫЦАРЬ С ЦЕПЬЮ

Слышу гул и завыванье призывающих рогов,
И я снова конквистадор, покоритель городов.

Словно раб, я был закован, жил, униженный, в
плёну,
И забыл, неблагодарный, про могучую весну.

А она пришла, ступая над рубинами цветов,
И, ревнивая, разбила сталь мучительных оков.

Я опять иду по скалам, пью студеные струи;
Под дыханьем океана раны зажили мои.

Но, вступая, обновленный, в неизвестную страну,
Ничего я не забуду, ничего не прокляну.

И, чтоб помнить каждый подвиг, — и возвышен-
ность, и степь, —
Я к серебряному шлему прикую стальную цепь.

84. ХРИСТОС

Он идет путем жемчужным
По садам береговым,
Люди заняты ненужным,
Люди заняты земным.

«Здравствуй, пастырь! Рыбарь,
здравствуй!
Вас зову я навсегда,
Чтоб блюсти иную паству
И иные невода.

«Лучше ль рыбы или овцы
Человеческой души?
Вы, небесные торговцы,
Не считайте барыши!

Ведь не домик в Галилее
Вам награда за труды, —
Светлый рай, что розовее
Самой розовой звезды.

Солнце близится к притину,
Слышно веянье конца,
Но отрадно будет Сыну
В Доме Нежного Отца».

Не томит, не мучит выбор,
Что пленительней чудес?!
И идут пастух и рыбарь
За искателем небес.

85. МАРКИЗ де КАРАБАС

С. Ауслендеру

Весенний лес певуч и светел,
Черны и радостны поля.
Сегодня я впервые встретил
За старой ригой журавля.

Смотрю на тающую глыбу,
На отблеск розовых зарниц,
А умный кот мой ловит рыбу
И в сеть заманивает птиц.

Он знает след хорька и зайца,
Лазейки сквозь камыш к реке,
И так вкусны сорочьи яйца,
Им испеченные в песке.

Когда же роща тьму призовет,
Туман уронит капли рос
И задремлю я, он мурлычет,
Уткнув мне в руку влажный нос:

«Мне сладко вам служить. За вас
Я смело миру брошу вызов.
Ведь вы маркиз де Карабас,
Потомок самых древних рас,
Средь всех отличный маркизов.

И дичь в лесу, и сосны гор,
Богатых золотом и медью,
И нив желтеющих простор,
И рыба в глубине озер
Принадлежат вам по наследью.

Зачем же спите вы в норе,
Всегда причудливый ребенок,
Зачем не жить вам при дворе,
Не есть и пить на серебре
Средь попугаев и болонок?!»

Мой добрый кот, мой кот ученый
Печальный подавляет вздох
И лапкой белой и точеной,
Сердясь, вычесывает блох.

На утро снова я под ивой
(В ее корнях такой уют)
Рукой рассеянно-ленивой
Бросаю камни в дымный пруд.

Как тяжелы они, как метки,
Как по воде они скользят!
... И в каждой травке, в каждой ветке
Я мой встречаю маркизат.

86. ПУТЕШЕСТВИЕ В КИТАЙ

С. Судейкину

Воздух над нами чист и звонок,
В житницу вол отвез зерно,
Отданный повару пал ягненок,
В медных ковшах играет вино.

Что же тоска нам сердце гложет,
Что мы пытаем бытие?
Лучшая девушка дать не может
Больше того, что есть у нее.

Все мы знавали злое горе,
Бросили все заветный рай,
Все мы, товарищи, верим в море,
Можем отплыть в далекий Китай.

Только не думать! Будет счастье
В самом крикливом кабаду,
Душу исполнит нам жгучей страстью
Смуглый ребенок в чайном саду.

В розовой пене встретим даль мы,
Нас испугает медный лев.
Что нам пригрезится в ночь у пальмы,
Как опьянят нас соки деревьев?

Праздником будут те недели,
Что проведем на корабле . . .
Ты ли не опытен в пьяном деле,
Вечно румяный, мэтр Раблэ?

Грузный, как бочки вин токайских,
Мудрость свою прикрой плащом,
Ты будешь пугалом дев китайских,
Бедра обвив зеленым плющом.

Будь капитаном. Просим! Просим!
Вместо весла вручаем жердь . . .
Только в Китае мы якорь бросим,
Хоть на пути и встретим смерть!

87. ЗАВЕЩАНИЕ

Очарован соблазнами жизни,
Не хочу я растаять во мгле,
Не хочу я вернуться к отчизне,
К усыпляющей, мертвой земле.

Пусть высоко на розовой влаге
Вечереющих горных озер
Молодые и строгие маги
Кипарисовый сложат костер

И покорно, склоняясь, положат
На него мой закутанный труп,
Чтоб смотрел я с последнего ложа
С затаенной усмешкою губ.

И когда заревое чуть тронет
Темным золотом мраморный мол,
Пусть задумчивый факел уронит
Благовонье пылающих смол.

И свирель тишину опечалит,
И серебряный гонг заревет,
В час, когда задрожит и отчалит
Огневеющий траурный плот.

Словно демон в лесу волхвований,
Снова вспыхнет мое бытие,
От мучительных красных лобзаний
Зашевелится тело мое.

И пока к пустоте или раю
Необорный не бросит меня,
Я еще один раз отпылаю
Упоительной жизнью огня.

88. ОЗЕРА

Я счастье разбил с торжеством святотатца,
И нет ни тоски, ни укора,
Но каждую ночью так ясно мне снятся
Большие, ночные озера.

На траурно-черных волнах ненюфары,
Как думы мои, молчаливы,
И будят забытые, грустные чары
Серебряно-белые ивы.

Луна освещает изгибы дороги,
И видит пустынное поле,
Как я задыхаюсь в тяжелой тревоге
И пальцы ломаю до боли.

Я вспомню, и что-то должно появиться,
Как в сумрачной драме развязка:
Печальная девушка, белая птица
Иль странная, нежная сказка.

И новое солнце заблещет в тумане,
И будут стрекозами тени,
И гордые лебеди древних сказаний
На белые выйдут ступени.

Но мне не припомнить. Я, слабый, бескрылый,
Смотрю на ночные озера
И слышу, как волны лепечут без силы
Слова рокового укора.

Проснусь, и как прежде уверены губы,
Далеко и чуждо ночное,
И так по-земному прекрасны и грубы
Минуты труда и покоя.

89. СВИДАНИЕ

Сегодня ты придешь ко мне,
Сегодня я пойму,
Зачем так странно при луне
Остаться одному.

Ты остановишься, бледна,
И тихо сбросишь плащ.
Не так ли полная луна
Встает из темных чащ?

И, околдованный луной,
Окованный тобой,
Я буду счастлив тишиной
И мраком, и судьбой.

Так зверь безрадостных лесов,
Почуявший весну,
Внимает шороху часов
И смотрит на луну,

И тихо крадется в овраг
Будить ночные сны,
И согласует легкий шаг
С движением луны.

Как он, и я хочу молчать,
Тоскуя и любя,
С тревогой древнею встречать
Мою луну, тебя.

Проходит миг, ты не со мной,
И снова день и мрак,
Но, обожженная луной,
Душа хранит твой знак.

Соединяющий тела
Их разлучает вновь,
Но, как луна, всегда светла
Полночная любовь.

90.

Ты помнишь дворец великанов,
В бассейне серебряных рыб,
Аллеи высоких платанов
И башни из каменных глыб?

Как конь золотистый у башен,
Играя, вставал на дыбы,
И белый чепрак был украшен
Узорами тонкой резьбы?

Ты помнишь, у облачных впадин
С тобою нашли мы карниз,
Где звезды, как горсть виноградин,
Стремительно падали вниз?

Теперь, о скажи, не бледнея,
Теперь мы с тобою не те,
Быть может, сильнее и смелее,
Но только чужие мечте.

У нас, как точеные, руки,
Красивы у нас имена,
Но мертвой, томительной скуке
Душа навсегда отдана.

И мы до сих пор не забыли,
Хоть нам и дано забывать,
То время, когда мы любили,
Когда мы умели летать.

91. СТАРИНА

Вот парк с пустынными опушками
Где сонных трав печальна зыбь,
Где поздно вечером с лягушками
Перекликаться любит выпь.

Вот дом, старинный и некрашенный,
В нем словно плавает туман,
В нем залы гулкие украшены
Изображением пейзажа.

Мне суждено одну тоску нести,
Где дед раскладывал пасьянс
И где влюблялись тетки в юности
И танцевали контреданс.

И сердце мучится бездомное,
Что им владеет лишь одна
Такая скучная и темная,
Незолотая старина.

... Теперь бы кручи необорные,
Снега серебряных вершин,
Да тучи сизые и черные
Над гулким грохотом лавин!

Он поклялся в строгом храме
Перед статуей Мадонны,
Что он будет верен даме,
Той, чьи взоры непреклонны.

И забыл о тайном браке,
Всюду ласки расточая,
Ночью был зарезан в драке
И пришел к преддверьям рая.

«Ты ль в Моем не клялся храме, —
Прозвучала речь Мадонны, —
Что ты будешь верен даме,
Той, чьи взоры непреклонны?»

Отойди, не эти жатвы
Собирает Царь Небесный.
Кто нарушил слово клятвы,
Гибнет, Богу неизвестный».

Но, печальный и упрямый,
Он припал к ногам Мадонны:
«Я нигде не встретил дамы,
Той, чьи взоры непреклонны».

93. ВОРОТА РАЯ

Не семью печатями алмазными
В Божий рай замкнулся вечный вход,
Он не манит блеском и соблазнами,
И его не ведает народ.

Это дверь в стене, давно заброшенной,
Камни, мох, и больше ничего,
Возле — нищий, словно гость непрощен-
ный,
И ключи у пояса его.

Мимо едут рыцари и латники,
Трубный вой, бряцанье серебра,
И никто не взглянет на привратника,
Светлого апостола Петра.

Все мечтают: «Там, у Гроба Божия,
Двери рая вскроются для нас,
На горе Фаворе, у подножия,
Прозвенит обетованный час».

Так проходит медленное чудище,
Завывая, трубит звонкий рог,
И апостол Петр в дырявом рубище,
Словно нищий, бледен и убог.

94. ЗАВОДИ

Н. В. Анненской

Солнце скрылось на западе
За полями обетованными,
И стали тихие заводы
Синими и благоуханными.

Сонно дрогнул камыш,
Пролетела летучая мышь,
Рыба плеснулась в омуте . . .
. . . И направились к дому те,
У кого есть дом
С голубыми ставнями,
С креслами давними
И круглым чайным столом.

Я один остался на воздухе
Смотреть на сонную заводь,
Где днем так отрадно плавать,
А вечером плакать,
Потому что я люблю Тебя, Господи.

95. КЕНГУРУ

Утро девушки

Сон меня сегодня не разнежил,
Я проснулась рано поутру
И пошла, вдыхая воздух свежий,
Посмотреть ручного кенгуру.

Он срывал пучки смолистых игол,
Глупый, для чего-то их жевал,
И смешно, смешно ко мне запрыгал,
И еще смешнее закричал.

У него так неуклюжи ласки,
Но и я люблю ласкать его,
Чтоб его коричневые глазки
Мигом осветило торжество.

А потом, охвачена истомой,
Я мечтать уселась на скамью;
Что ж нейдет он, дальний, незнакомый,
Тот один, которого люблю!

Мысли так отчетливо ложатся,
Словно тени листьев поутру.
Я хочу к кому-нибудь ласкаться,
Как ко мне ласкался кенгуру.

96. МАЭСТРО

Н. Л. Сверчкову

В красном фраке с галунами,
Надушенный, встал маэстро,
Он рассыпал перед нами
Звуки легкие оркестра.

Звуки мчались и кричали,
Как виденья, как гиганты,
И метались в гулкой зале,
И роняли бриллианты.

К золотым сбегали рыбкам,
Что плескались там, в бассейне,
И по девичьим улыбкам
Плыли тише и лилейней.

Созидали башни храмам
Голубеющего рая
И ласкали плечи дамам,
Улыбаясь и играя.

А потом с веселой дрожью,
Закружившись вокруг оркестра,
Тихо падали к подножью
Надушенного маэстро.

97. ДОН-ЖУАН

Моя мечта надменна и проста:
Схватить весло, поставить ногу в стремя
И обмануть медлительное время,
Всегда лобзая новые уста;

А в старости принять завет Христа,
Потупить взор, посыпать пеплом темя
И взять на грудь спасающее бремя
Тяжелого железного креста!

И лишь когда средь оргии победной
Я вдруг опомнюсь, как лунатик бледный,
Испуганный в тиши своих путей,

Я вспоминаю, что, ненужный атом,
Я не имел от женщины детей
И никогда не звал мужчину братом.

98. ПОПУГАЙ

Я — попугай с Антильских островов,
Но я живу в квадратной келье мага.
Вокруг — реторты, глобусы, бумага,
И кашель старика, и бой часов.

Пусть в час заклятий, в вихре голосов
И в блеске глаз, мерцающих как шпага,
Ерошат крылья ужас и отвага
И я сражаюсь с призраками сов . . .

Пусть! Но едва под этот свод унылый
Войдет гадать о картах иль о милой
Распутник в раззолоченном плаще, —

Мне грезится корабль в тиши залива,
Я вспоминаю солнце . . . и вотще
Стремлюсь забыть, что тайна некрасива.

99. ЧИТАТЕЛЬ КНИГ

Читатель книг, и я хотел найти
Мой тихий рай в покорности сознания,
Я их любил, те странные пути,
Где нет надежд и нет воспоминанья.

Неутомимо плыть ручьями строк,
В проливы глав вступать нетерпеливо
И наблюдать, как пенится поток,
И слушать гул идущего прилива!

Но вечером . . . О, как она страшна,
Ночная тень за шкафом, за киотом,
И маятник, недвижимый как луна,
Что светит над мерцающим болотом!

100.

У меня не живут цветы,
Красотой их на миг я обманут,
Постоят день, другой, и завянут,
У меня не живут цветы.

Да и птицы здесь не живут,
Только хохлятся скорбно и глухо,
А на утро — комочек из пуха . . .
Даже птицы здесь не живут.

Только книги в восемь рядов,
Молчаливые, грузные томы,
Сторожат вековые истомы,
Словно зубы в восемь рядов.

Мне продавший их букинист,
Помню, был и горбатым, и нищим . . .
. . . Торговал за проклятым кладбищем
Мне продавший их букинист.

101. ЭТО БЫЛО НЕ РАЗ

Это было не раз, это будет не раз
В нашей битве глухой и упорной:
Как всегда, от меня ты теперь отреклась,
Завтра, знаю, вернешься покорной.

Но зато не дивись, мой враждующий друг,
Враг мой, схваченный темной любовью,
Если стоны любви будут стонами мук,
Поцелуи — окрашены кровью.

102. МОЛИТВА

Солнце свирепое, солнце грозящее,
Бога, в пространствах идущего,
Лицо сумасшедшее,

Солнце, сожги настоящее
Во имя грядущего,
Но помилуй прошедшее!

103.

Рощи пальм и заросли алоэ,
Серебристо-матовый ручей,
Небо, бесконечно-голубое,
Небо, золотое от лучей.

И чего еще ты хочешь, сердце?
Разве счастье — сказка или ложь?
Для чего ж соблазнам иноверца
Ты себя покорно отдаешь?

Разве снова хочешь ты отравы,
Хочешь биться в огненном бреду,
Разве ты не властно жить, как травы
В этом упоительном саду?

104. ВЕЧЕР

Еще один ненужный день,
Великолепный и ненужный!
Приди, ласкающая тень,
И душу смутную одень
Своею ризою жемчужной.

И ты пришла . . . ты гонишь прочь
Зловещих птиц — мои печали.
О, повелительница ночь,
Никто не в силах превозмочь
Победный шаг твоих сандалий!

От звезд слетает тишина,
Блестит луна — твое запястье,
И мне во сне опять дана
Обетованная страна —
Давно оплаканное счастье.

105—108. БЕАТРИЧЕ

I

Музы, рыдать перестаньте,
Грусть вашу в песнях излейте,
Спойте мне песню о Данте
Или сыграйте на флейте.

Дальше, докучные фавны,
Музыки нет в вашем кличе!
Знаете ль вы, что недавно
Бросила рай Беатриче,

Странная белая роза
В тихой вечерней прохладе . . .
Что это? Снова угроза
Или мольба о пощаде?

Жил беспокойный художник.
В мире лукавых обличий —
Грешник, развратник, безбожник,
Но он любил Беатриче.

Тайные думы поэта
В сердце его прихотливом
Стали потоками света,
Стали шумящим приливом.

Музы, в сонете-брильянте
Странную тайну отметьте,
Спойте мне песню о Данте
И Габриеле Россетти.

II

В моих садах — цветы, в твоих — печаль.
Приди ко мне, прекрасною печалью
Заворожи, как дымчатой вуалью,
Моих садов мучительную даль.

Ты — лепесток иранских белых роз.
Войди сюда, в сады моих томлений,
Чтоб не было порывистых движений,
Чтоб музыка была пластичных поз,

Чтоб пронеслось с уступа на уступ
Задумчивое имя Беатриче
И чтоб не хор мэнад, а хор девичий
Пел красоту твоих печальных губ.

III

Пощади, не довольно ли жалеющей боли,
Темной пытки отчаянья, пытки стыда!
Я оставил соблазн роковых своеволий,
Усмиренный, покорный, я твой навсегда.

Слишком долго мы были затеряны в безднах,
Волны-звери, подняв свой мерцающий горб,
Нас крутили и били в объятьяхъ железных
И бросали на скалы, где пряталась скорбь.

Но теперь, словно белые кони от битвы,
Улетают клочки грозowych облаков.
Если хочешь, мы выйдем для общей молитвы
На хрустящий песок золотых островов.

IV

Я не буду тебя проклинять,
Я печален печалью разлуки,
Но хочу и теперь целовать
Я твои уводящие руки.

Всё свершилось, о чем я мечтал
Еще мальчиком странно-влюбленным,
Я увидел блестящий кинжал
В этих милых руках обнаженным.

Ты подаришь мне смертную дрожь,
А не бледную дрожь сладострастья,
И меня навсегда уведешь
К островам совершенного счастья.

109—111. ВОЗВРАЩЕНИЕ ОДИССЕЯ

I. У берега

Сердце — улей, полный сотами,
Золотыми, несравненными!
Я борюсь с водоворотами
И клокочущими пенами.

Я трирему с грудью острою
В буре бешеной измучаю,
Но домчусь к родному острову
С грозовою сизой тучею.

Я войду в дома просторные,
10 Сердце встречами обрадую
И забуду годы черные,
Проведенные с Палладаю.

Так! Но кто, подобный коршуну,
Над моей душою носится,
Словно манит к року горшему,
С новой кручи в бездну броситься?

В корабле раскрылись трещины,
Море взрыто ураганами,
Берега, что мне обещаны,
20 Исчезают за туманами.

И шепчу я, робко слушая
Вой над водною пустынею:
«Нет, союза не нарушу я
С необорною богинею».

II. Избиение женихов

Только над городом месяц двурогий
Остро прорезал вечернюю мглу,
Встал Одиссей на высоком пороге,
В грудь Антиноя он бросил стрелу.

Чаша упала из рук Антиноя,
30 Очи окутал кровавый туман,
Легкая дрожь . . . и не стало героя,
Лучшего юноши греческих стран.

Схвачены ужасом, встали другие,
Робко хватаясь за щит и за меч.
Тщетно! Уверены стрелы стальные,
Злобно-насмешлива царская речь:

«Что же, князя знаменитой Итаки,
Что не спешите вы встретить царя,
Жертвенной кровью священные знаки
40 Запечатлеть у его алтаря?

Вы истребляли под грохот тимпанов
Все, что мне было богами дано,
Тучных быков, круторогих баранов,
С кипрских холмов золотое вино.

Льстивые речи шептать Пенелопе,
Ночью ласкать похотливых рабынь —
Слаще, чем биться под музыку копий,
Плавать над ужасом водных пустынь!

Что обо мне говорить вы могли бы?
50 — Он никогда не вернется домой,
Труп его съели безглазые рыбы
В самой бездонной пучине морской. —

Как? Вы хотите платить за обиды?
Ваши дворцы предлагаете мне?
Я бы не принял и всей Атлантиды,
Всех городов, погребенных на дне!

Звонко поют окрыленные стрелы,
Мерно блестит угрожающий меч,
Все вы, князья, и трусливый и смелый,
60 Белою грудой готовитесь лечь.

Вот Евримах, низкорослый и тучный,
Бледен . . . бледнее он мраморных стен,
В ужасе бьется, как овод докучный,
Юною девой захваченный в плен.

Вот Антином . . . разъяренные взгляды . . .
Сам он громаден и грузен, как слон,
Был бы он первым героем Эллады,
Если бы с нами отплыл в Илион.

Падают, падают тигры и лани
70 И никогда не поднимутся вновь.
Что это? Брошены красные ткани,
Или, дымясь, растекается кровь?

Ну, собирайся со мною в дорогу,
Юноша светлый, мой сын Телемах!
Надо служить беспощадному богу,
Богу Тревоги на черных путях.

Снова полюбим влекущую даль мы
И золотой от луны горизонт,
Снова увидим священные пальмы
80 И опененный, клокочущий Понт.

Пусть незапятнано ложе царицы, —
Грешные к ней прикасались мечты.
Чайки белей и невинней зарницы
Темной и страшной ее красоты».

III. Одиссей у Лаэрта

Еще один старинный долг,
Мой рок, еще один священный!
Я не убийца, я не волк,
Я чести сторож неизменный.

Лица морщинистого черт
90 В уме не стерли вихри жизни.
Тебя приветствую, Лаэрт,
В твоей задумчивой отчизне.

Смотрю: украсили сады
Холмов утесистые скаты.
Какие спелые плоды,
Как сладок запах свежей мяты!

Я слезы кротости пролью,
Я сердце к счастью приневолю,
Я земно кланяюсь ручью,
100 И бедной хижине, и полю.

И сладко мне, и больно мне
Сидеть с тобой на козьей шкуре,
Я верю — боги в тишине,
А не в смятении и не в буре.

Но что мне розовых харит
Неисчислимыя улады?!
Над морем встал алмазный щит
Богини воинов, Паллады.

Старик, спеша отсюда прочь,
110 Последний раз тебя целую
И снова ринусь грудью в ночь
Увидеть бездну грозовую.

Но в час, как Зевсовой рукой
Мой черный жребий будет вынут,
Когда предсмертною тоской
Я буду навзничь опрокинут,

Припомню я не день войны,
Не праздник в пламени и дыме,
Не ласки знойные жены,
120 Увы, делимые с другими, —

Тебя, твой миртовый венец,
Глаза, безоблачное неба,
И с нежным именем «отец»
Сойду в обители Эреба.

112—115. КАПИТАНЫ

I

На полярных морях и на южных,
По изгибам зеленых зыбей,
Меж базальтовых скал и жемчужных
Шелестят паруса кораблей.

Быстрокрылых ведут капитаны,
Открыватели новых земель,
Для кого не страшны ураганы,
Кто изведal мальстремы и мель,

Чья не пылью затерянных хартий, —
10 Солью моря пропитана грудь,
Кто иглой на разорванной карте
Отмечает свой дерзостный путь

И, взойдя на трепещущий мостик,
Вспоминает покинутый порт,
Отряхая ударами трости
Клочья пены с высоких ботфорт,

Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так что сыпется золото с кружев,
20 С розоватых брабантских манжет.

Пусть безумствует море и хлещет,
Гребни волн поднялись в небеса, —
Ни один пред грозой не трепещет,
Ни один не свернет паруса.

Разве трусам даны эти руки,
Этот острый, уверенный взгляд,
Что умеет на вражьи фелуки
Неожиданно бросить фрегат,

Меткой пулей, острой железной
30 Настигать исполинских китов
И приметить в ночи многозвездной
Охранительный свет маяков?

II

Вы все, паладины Зеленого Храма,
Над пасмурным морем следившие румб,
Гонзальво и Кук, Лаперуз и де-Гама,
Мечтатель и царь, генуэзец Колумб!

Ганнон Карфагенянин, князь Сенегамбий,
Синдбад-Мореход и могучий Улисс,
О ваших победах гремят в дифирамбе
40 Седые валы, набегая на мыс!

А вы, королевские псы, флибустьеры,
Хранившие золото в темном порту,
Скитальцы арабы, искатели веры
И первые люди на первом плоту!

И все, кто дерзает, кто хочет, кто ищет,
Кому опостытели страны отцов,
Кто дерзко хохочет, насмешливо свищет,
Внимая заветам седых мудрецов!

Как странно, как сладко входить в ваши
грезы,

50 Заветные ваши шептать имена,
И вдруг догадаться, какие наркозы
Когда-то рождала для вас глубина!

И кажется — в мире, как прежде, есть
страны,

Куда не ступала людская нога,
Где в солнечных рощах живут великаны
И светят в прозрачной воде жемчуга.

С деревьев стекают душистые смолы,
Узорные листья лепечут; «Скорей,
Здесь реют червонного золота пчелы,
60 Здесь розы краснее, чем пурпур царей!»

И карлики с птицами спорят за гнезда,
И нежен у девушек профиль лица . . .
Как будто не все пересчитаны звезды,
Как будто наш мир не открыт до конца!

III

Только глянет сквозь утесы
Королевский старый форт,
Как веселые матросы
Поспешат в знакомый порт.

Там, хватив в таверне сидру,
70 Речь ведет болтливый дед,
Что сразить морскую гидру
Может черный арбалет.

Темнокожие мулатки
И гадают, и поют,
И несетя запах сладкий
От готовящихся блюд.

А в заплеванных тавернах
От заката до утра
Мечут ряд колод неверных
80 Завитые шулера.

Хорошо по докам порта
И слоняться, и лежать,
И с солдатами из форта
Ночью драки затевать.

Иль у знатных иностранок
Дерзко выклянчить два су,
Продавать им обезьянок
С медным обручем в носу.

А потом бледнеть от злости,
90 Амулет зажать в полу,
Всё проигрывая в кости
На затоптанном полу.

Но смолкает зов дурмана,
Пьяных слов бессвязный лет,
Только рупор капитана
Их к отплытью призовет.

IV

Но в мире есть иные области,
Луной мучительной томимы.
Для высшей силы, высшей доблести
100 Они навек недостижимы.

Там волны с блесками и всплесками
Непрекращаемого танца,
И там летит скачками резкими
Корабль Летучего Голландца.

Ни риф, ни мель ему не встретятся,
Но, знак печали и несчастий,
Огни святого Эльма светятся,
Усеяв борт его и снасти.

Сам капитан, скользя над бездною,
110 За шляпу держится рукою,
Окровавленной, но железною,
В штурвал вцепляется — другою.

Как смерть, бледны его товарищи,
У всех одна и та же дума.
Так смотрят трупы на пожарище,
Невыразимо и угрюмо.

И если в час прозрачный, утренний
Пловцы в морях его встречали,
Их вечно мучил голос внутренний
120 Слепым предвестием печали.

Ватаге буйной и воинственной
Так много сложено историй,
Но всех страшней и всех таинственной
Для смелых пенителей моря —

О том, что где-то есть окраина —
Туда, за тропик Козерога! —
Где капитана с ликом Каина
Легла ужасная дорога.

116. СОН АДАМА

От плясок и песен усталый Адам
Заснул, неразумный, у Древа Познания.
Над ним ослепительных звезд трепетанья,
Лиловые тени скользят по лугам,

И дух его сонный летит над лугами,
Внезапно настигнут зловещими снами.

Он видит пылающий ангельский меч,
Что жалит нещадно его и подругу
И гонит из рая в суровую вьюгу,
10 Где нечем прикрыть им ни бедер, ни плеч . . .
Как звери, должны они строить жилище,
Пращой и дубиной искать себе пищи.

Обитель труда и болезней . . . Но здесь
Впервые постиг он с подругой единство.
Подруге — блаженство и боль материнства,
И заступ — ему, чтобы вскапывать весь.
Служеньем Иному прекрасны и грубы,
Нахмурены брови и стиснуты губы.

Вот новые люди . . . Очерчен их рот,
20 Их взоры не блещут, и смех их случаен.
За вепрями сильный охотится Каин,
И Авель собирает маслины и мед,
Но воле не служат они патриаршей:
Пал младший, и в ужасе кроется старший.

И многое видит смущенный Адам:
Он тонет душою в распутстве и неге,
Он ищет спасенья в надежном ковчеге
И строится снова, суров и упрям,
Медлительный пахарь, и воин, и всадник . . .
30 Но Бог охраняет его виноградник.

На бурный поток наложил он узду,
Бессонною мыслью постиг равновесье,
Как ястреб врзается он в поднебесье,
У косной земли отнимает руду.

Покорны и тихи, хранят ему книги
Напевы поэтов и тайны религий.

И в ночь волхвований на пышные мхи
К нему для объятий нисходят сильфиды,
К услугам его, отомщать за обиды —
40 И звездные духи, и духи стихий,
И к солнечным скалам из грозной пучины
Влекут его челн голубые дельфины.

Он любит забавы опасной игры —
Искать в океанах безвестные страны,
Ступать безрассудно на волчьи поляны
И видеть равнину с высокой горы,
Где с узких тропинок срываются козы
И душные, красные клонятся розы.

Он любит и скрежет стального резца,
50 Дробящего глыбистый мрамор для статуй,
И девственный холод зари розоватой,
И нежный овал молодого лица, —
Когда на холсте под ударами кисти
Ложатся они и светлей, и лучистей.

Устанет и к небу возводит свой взор,
Слепой и кощунственный взор человека:
Там, Богом раскинут от века до века,
Мерцает над ним многозвездный шатер.
Святыми ночами, спокойный и строгий,
60 Он клонит колена и грезит о Боге.

Он новые мысли, как светлых гостей,
Всегда ожидает из розовой дали,
А с ними, как новые звезды, печали
Еще неизведанных дум и страстей,

Провалы в мечтаньях и ужас в искусстве,
Чтоб сердце болело от тяжких предчувствий.

И кроткая Ева, игрушка богов,
Когда-то ребенок, когда-то зарница,
Теперь для него молодая тигрица,
70 В зловещем мерцании ее жемчугов,
Предвестница бури, и крови, и страсти,
И радостей злобных, и хмурых несчастий.

Так золото манит и радует взгляд,
Но в золоте темные силы таятся,
Они управляют рукой святотатца
И в братские кубки вливают свой яд,
Не в силах насытить, смеются и мучат,
И стонам и крикам неистовым учат.

Он борется с нею. Коварный, как змей,
80 Ее он опутал сетями соблазна.
Вот Ева — блудница, лепечет бессвязно,
Вот Ева — святая, с печалью очей,
То лунная дева, то дева земная,
Но вечно и всюду чужая, чужая.

И он, наконец, беспредельно устал,
Устал и смеяться и плакать без цели;
Как лебеди, стаи веков пролетели,
Играли и пели, он их не слышал;
Спокойный и строгий, на мраморных скалах,
90 Он молится Смерти, богине усталых:

«Узнай, Благодатная, волю мою:
На степи земные, на море земное,
На скорбное сердце мое заревое
Пролей смертоносную влагу свою.

Довольно бороться с безумьем и страхом.
Рожденный из праха, да буду я прахом!»

И, медленно рея багровым хвостом,
Помчалась к земле голубая комета.
И страшно Адаму, и больно от света,
100 И рвет ему мозг нескончаемый гром.
Вот огненный смерч перед ним закрутился,
Он дрогнул и крикнул . . . и вдруг пробудился.

Направо — сверкает и пенится Тигр,
Налево — зеленые воды Евфрата,
Долина серебряным блеском объята,
Тенистые отмели манят для игр,
И Ева кричит из весеннего сада:
«Ты спал и проснулся . . . Я рада, я рада!»

Чужое небо

117. АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Он мне шепчет: «Своевольный,
Что ты так уныл?
Иль о жизни прежней, вольной,
Тайно загрустил?

«Полно! Разве всплески, речи
Сумрачных морей
Стоят самой краткой встречи
С госпожей твоей?

«Так ли с сердца бремя снимет
Голубой простор,
Как она, когда поднимет
На тебя свой взор?

«Ты волен предаться гневу,
Коль она молчит,
Но покинуть королеву
Для вассала — стыд».

Так и ночью молчаливой,
Днем и поутру
Он стоит, красноречивый,
За свою сестру.

118. ДВЕ РОЗЫ

Перед воротами Эдема
Две розы пышно расцвели,
Но роза — страстности эмблема,
А страстность — детище земли.

Одна так нежно розовеет,
Как дева, милым смущена,
Другая, пурпурная, рдеет,
Огнем любви обожжена.

А обе на Пороге Знания . . .
Ужель Всевышний так судил
И тайну страстного сгоранья
К небесным тайнам приобщил?!

119. ДЕВУШКЕ

Мне не нравится томность
Ваших скрещенных рук,
И спокойная скромность,
И стыдливый испуг.

Героиня романов Тургенева,
Вы надменны, нежны и чисты,
В вас так много безбурно-осеннего
От аллеи, где кружат листья.

Никогда ничему не поверите,
Прежде чем не сочтете, не смерите,
Никогда никуда не пойдете,
Коль на карте путей не найдете.

И вам чужд тот безумный охотник,
Что, взойдя на крутую скалу,
В пьяном счастье, в тоске безотчетной
Прямо в солнце пускает стрелу.

120. НА МОРЕ

Закат. Как змеи, волны гнутся,
Уже без гневных гребешков,
Но не бегут они коснуться
Непобедимых берегов.

И только издали добредший
Бурун, поверивший во мглу,
Внесется, буйный сумасшедший,
На глянцевитую скалу

И лопнет с гиканьем и ревом,
Подбросив к небу пенный клочок . . .
Но весел в море бирюзовом
С латинским парусом челнок;

И загорелый кормчий ловок,
Дыша волной растущей мглы
И, от натянутых веревок,
Бодрящим запахом смолы.

121. СОМНЕНИЕ

Вот я один в вечерний тихий час,
Я буду думать лишь о вас, о вас.

Возьмусь за книгу, но прочту: «она»,
И вновь душа пьяна и смятена.

Я брошусь на скрипучую кровать,
Подушка жжет . . . нет, мне не спать,
а ждать.

И крадучись я подойду к окну,
На дымный луг взгляну и на луну,

Вон там, у клумб, вы мне сказали «да»,
О это «да» со мною навсегда.

И вдруг сознание бросит мне в ответ,
Что вас, покорной, не было и нет,

Что ваше «да», ваш трепет, у сосны
Ваш поцелуй — лишь бред весны и сны.

122. СОН

Утренняя болтовня

Вы сегодня так красивы,
Что вы видели во сне?

—Берег, ивы
При луне. —

А еще? К ночному склону
Не приходят, не любя.

— Дездемону
И себя. —

Вы глядите так несмело:
Кто там был за купой ив?

— Был Отелло,
Он красив. —

Был ли он вас двух достоин?
Был ли он как лунный свет?

— Да, он воин
И поэт.

О какой же пел он ныне
Неоткрытой красоте?

— О пустыне
И мечте.

И вы слушали влюбленно,
Нежной грусти не тая?
— Дездемона,
Но не я. —

123. ОТРЫВОК

Христос сказал: убогие блаженны,
Завиден рок слепцов, калек и нищих,
Я их возьму в надзвездные селенья,
Я сделаю их рыцарями неба
И назову славнейшими из славных . . .
Пусть! Я приму! Но как же те, другие,
Чьей мыслью мы теперь живем и дышим,
Чьи имена звучат нам, как призывы?
Искупят чем они свое величье,
Как им заплатит воля равновесья?
Иль Беатриче стала проституткой,
Глухонемым — великий Вольфганг Гете
И Байрон — площадным шутом . . . о ужас!

124. ТОТ ДРУГОЙ

Я жду, исполненный укоров:
Но не веселую жену
Для задушевных разговоров
О том, что было в старину.

И не любовницу: мне скучен
Прерывный шопот, томный взгляд, —
И к упоеньям я приучен,
И к мукам горше во стократ.

Я жду товарища, от Бога
В веках дарованного мне
За то, что я томился много
По вышине и тишине.

И как преступен он, суровый,
Коль вечность променял на час,
Принявши дерзко за оковы
Мечты, связующие нас.

125. ВЕЧНОЕ

Я в коридоре дней сомкнутых,
Где даже небо тяжкий гнет,
Смотрю в века, живу в минутах,
Но жду Субботы из Суббот;

Конца тревогам и удачам,
Слепым блужданиям души . . .
О день, когда я буду зрячим
И странно знающим, спеши!

Я душу обрету иную,
Все, что дразнило, уловя.
Благословлю я золотую
Дорогу к солнцу от червя.

И тот, кто шел со мною рядом
В громах и кроткой тишине,
Кто был жесток к моим усладам
И ясно милостив к вине;

Учил молчать, учил бороться,
Всей древней мудрости земли, —
Положит посох, обернется
И скажет просто: «мы пришли».

126. КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Еще близ порта орали хором
Матросы, требуя вина,
А над Стамбулом и над Босфором
Сверкнула полная луна.

Сегодня ночью на дно залива
Швырнут неверную жену,
Жену, что слишком была красива
И походила на луну.

Она любила свои мечтанья,
Беседку в чаще камьша,
Старух гадалщиц, и их гаданья,
И все, что не любил паша.

Отец печален, но понимает
И шепчет мужу: «что ж, пора?»
Но глаз упрямых не поднимает,
Мечтает младшая сестра:

— Так много, много в глухих заливах
Лежит любовников других,
Сплетенных, томных и молчаливых . . .
Какое счастье быть среди них!

127. СОВРЕМЕННОСТЬ

Я закрыл Илиаду и сел у окна,
На губах трепетало последнее слово,
Что-то ярко светило — фонарь иль луна,
И медленно двигалась тень часового.

Я так часто бросал испытующий взор
И так много встречал отвечающих взоров,
Одиссеев во мгле паровозных контор,
Агамемнонов между трактирных маркеров.

Так, в далекой Сибири, где плачет пурга,
Застывают в серебряных льдах мастодонты,
Их глухая тоска там кольшет снега,
Красной кровью — ведь их — зажжены
горизонты.

Я печален от книги, томлюсь от луны,
Может быть, мне совсем и не надо героя,
Вот идут по аллее, так странно нежны,
Гимназист с гимназисткой, как Дафнис и
Хлоя.

128. СОНЕТ

Я верно болен: на сердце туман,
Мне скучно все, и люди, и рассказы,
Мне снятся королевские алмазы
И весь в крови широкий ятаган.

Мне чудится (и это не обман),
Мой предок был татарин косоглазый,
Свирепый гунн . . . я веяньем заразы,
Через века дошедшей, обуян.

Молчу, томлюсь, и отступают стены —
Вот океан весь в клочьях белой пены,
Закатным солнцем залитый гранит,

И город с голубыми куполами,
С цветущими жасминными садами,
Мы дрались там . . . Ах, да! я был убит.

129. ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ

В узких вазах томленье умирающих лилий.
Запад был меднокрасный. Вечер был голубой.
О Леконте де Лиле мы с тобой говорили,
О холодном поэте мы грустили с тобой.

Мы не раз открывали шелковистые томы
И читали спокойно и шептали: не тот!
Но тогда нам сверкнули все слова, все истомы,
Как кочевницы звезды, что восходят раз в год.

Так певучи и странны, в наших душах воскресли
Рифмы древнего солнца, мир нежданно-большой,
И сквозь сумрак вечерний запрокинутый в кресле
Резкий профиль креола с лебединой душой.

130. ОНА

Я знаю женщину: молчанье,
Усталость горькая от слов,
Живет в таинственном мерцании
Ее расширенных зрачков.

Ее душа открыта жадно
Лишь медной музыке стиха,
Пред жизнью дольней и отрадной
Высокомерна и глуха.

Неслышный и неторопливый,
Так странно плавлен шаг ее,
Назвать нельзя ее красивой,
Но в ней все счастье мое.

Когда я жажду своеволий
И смел и горд — я к ней иду
Учиться мудрой сладкой боли
В ее истоме и бреду.

Она светла в часы томлений
И держит молнии в руке,
И четки сны ее, как тени
На райском огненном песке.

131. ЖИЗНЬ

С тусклым взором, с мертвым сердцем в море
броситься со скалы,
В час, когда, как знамя, в небе дымно-розовая заря,
Иль в темнице стать свободным, как свободны
одни орлы,
Иль найти покой неожиданный в дымной хижине
дикаря!

Да, я понял. Символ жизни — не поэт, что творит
слова,
И не воин с твердым сердцем, не работник,
ведущий плуг,
— С иронической усмешкой царь-ребенок на
шкуре льва,
Забывающий игрушки между белых усталых рук.

132. ИЗ ЛОГОВА ЗМИЕВА

Из логова змиева,
Из города Киева,
Я взял не жену, а колдунью.
А думал забавницу,
Гадал — своенравницу,
Веселую птицу-певунью.

Покликаешь — морщится,
Обнимешь — топорщится,
А выйдет луна — затамится,
И смотрит, и стонет,
Как будто хоронит
Кого-то, — и хочет топиться.

Твержу ей: крещеному,
С тобой по-мудреному
Возиться теперь мне не в пору;
Снеси-ка истому ты
В Днепровские омуты,
На грешную Лысую гору.

Молчит — только ежится,
И все ей неможется,
Мне жалко ее, виноватую,
Как птицу подбитую,
Березу подрытую
Над очастью, Богом залятою.

II

Посвящается Анне Ахматовой

133. Я ВЕРИЛ, Я ДУМАЛ...

Сергею Маковскому

Я верил, я думал, и свет мне блеснул наконец;
Создав, навсегда уступил меня року Создатель;
Я продан! Я больше не Божий! Ушел продавец,
И с явной насмешкой глядит на меня покупатель.

Летящей горою за мною несется Вчера,
А Завтра меня впереди ожидает, как бездна,
Иду... но когда-нибудь в Бездну сорвется Гора.
Я знаю, я знаю, дорога моя бесполезна.

И если я волей себе покоряю людей,
И если слетает ко мне по ночам вдохновенье,
И если я ведаю тайны — поэт, чародей,
Властитель вселенной — тем будет страшнее паденье.

И вот мне приснилось, что сердце мое не болит,
Оно — колокольчик фарфоровый в желтом Китае
На пагоде пестрой... висит и приветно звенит,
В эмалевом небе дразня журавлиные стаи.

А тихая девушка в платье из красных шелков,
Где золотом вышиты осы, цветы и драконы,
С поджатыми ножками смотрит без мыслей и снов,
Внимательно слушая легкие, легкие звоны.

134. ОСЛЕПИТЕЛЬНОЕ

Я тело в кресло уроню,
Я свет руками заслоню
И буду плакать долго, долго,
Припоминая вечера,
Когда не мучило «вчера»
И не томили цепи долга;

И в море врезавшийся мыс,
И одинокий кипарис,
И благосклонного Гуссейна,
И медленный его рассказ,
В часы, когда не видит глаз
Ни кипариса, ни бассейна.

И снова властвует Багдад,
И снова странствует Синдбад,
Вступает с демонами в ссору,
И от египетской земли
Опять уходят корабли
В великолепную Бассору.

Купцам и прибыль и почет.
Но нет; не прибыль их влечет
В нагих степях, над бездной водной;
О тайна тайн, о птица Рок,
Не твой ли дальний островок
Им был звездою путеводной?

Ты уводила моряков
В пещеры джинов и волков,
Хранящих древнюю обиду,
И на висячие мосты
Сквозь темно-красные кусты
На пир к Гаруну-аль-Рашиду.

И я когда-то был твоим,
Я плыл, покорный пилигрим,
За жизнью благостной и мирной,
Чтоб повстречал меня Гуссейн
В садах, где розы и бассейн,
На берегу за старой Смирной.

Когда-же . . . Боже, как чисты
И как мучительны мечты!
Ну что же, раньте сердце, раньте, —
Я тело в кресло уроню,
Я свет руками заслоню
И буду плакать о Леванте.

135. РОДОС

Памяти М. А. Кузьминой-Караваевой

На полях опаленных Родоса
Камни стен и в цвету тополя
Видит зоркое сердце матроса
В тихий вечер с кормы корабля.

Там был рыцарский орден: соборы,
Цитадель, бастионы, мосты,
И на людях простые уборы,
Но на них золотые кресты.

Не стремиться ни к славе, ни к счастью,
Все равны перед взором Отца,
И не дать покорить самовластью
Посвященные небу сердца!

Но в долинах старинных поместий,
Посреди кипарисов и роз,
Говорить о Небесной Невесте,
Охраняющей нежный Родос!

Наше бремя — тяжелое бремя:
Труд зловещий дала нам судьба,
Чтоб прославить на краткое время,
Нет, не нас, только наши гроба.

Нам брести в смертоносных равнинах,
Чтоб узнать, где родилась река,
На тяжелых и гулких машинах
Грозовые пронзать облака;

В каждом взгляде тоска без просвета,
В каждом вздохе томительный крик, —
Высыхать в глубине кабинета
Перед пыльными грудями книг.

Мы идем сквозь туманные годы,
Смутно чувствуя вянье роз,
У веков, у пространств, у природы,
Отвоевывать древний Родос.

Но, быть может, подумают внуки,
Как орлята тоскуя в гнезде:
«Где теперь эти крепкие руки,
Эти души горящие — где?»

136. ПАЛОМНИК

Ахмет-Оглы берет свою клюку
И покидает город многолюдный.
Вот он идет по рыхлому песку,
Его движенья медленны и трудны.
— Ахмет, Ахмет, тебе-ли, старику,
Пускаться в путь неведомый и чудный?
Твое добро враги возьмут сполна,
Тебе изменит глупая жена. —

«Я этой ночью слышал зов Аллаха,
Аллах сказал мне: — Встань, Ахмет-Оглы,
Забудь про все, иди, не зная страха,
Иди, провозглашая мне хвалы;
Где рыжий вихрь вздымает горы праха,
Где носятся хохлатые орлы,
Где лошадь ржет над трупом бедуина,
Туда иди: там Мекка, там Медина» —

— Ахмет-Оглы, ты лжешь! Один пророк
Внимал Аллаху, бледный, вдохновенный,
Послом от мира горя и тревог
Он улета к обители нетленной,
Но он был юн, прекрасен и высок,
И конь его был конь благословенный,

А ты . . . мы не слыхали о после
Плешивом, на задержанном осле. —

Не слушает, упрям старик суровый,
Идет, крихтит, и злость в его смешке,
На нем халат изодранный, а новый,
Лиловый, шитый золотом, в мешке;
Под мышкой посох кованый, дубовый,
Удобный даже старческой руке,
Чалма лежит как требуют шииты,
И десять лир в сандалиии зашиты.

Вчера шакалы выли под горой,
И чья-то тень текла неуловимо,
Сегодня усмехались меж собой
Три оборванца, проходивших мимо.
Но ни шайтан, ни вор, ни зверь лесной
Смиренного не тронут пилигрима,
И в ночь его, должно быть от луны,
Слетают удивительные сны.

И каждый вечер кажется, что вскоре
Окончится терновник и волчцы,
Как в золотом Багдаде, как в Бассоре
Поднимутся узорные дворцы,
И Красное пылающее Море
Пред ним свои расстелет багрецы,
Волшебство синих и зеленых мелей . . .
И так идет неделя за неделей.

Он очень стар, Ахмет, а путь суров,
Пронзительны полночные туманы,
Он скоро упадет без сил и слов,
Закутавшись, дрожа, в халат свой рваный,

В одном из тех восточных городов,
Где вечерами шепчутся платаны,
Пока чернобородый муэдзин
Поет стихи про гурию долин.

Он упадет, но дух его бессонный
Аллах не даром дивно окрылил,
Его, как мальчик страстный и влюбленный,
В свои объятия примет Азраил
И поведет тропою, разрешенной
Для демонов, пророков и светил.
Все, что свершить возможно человеку,
Он совершил — и он увидит Мекку.

137. ЖЕСТОКОЙ

«Пленительная, злая, неужели
Для вас смешно святое слово: друг?
Вам хочется на вашем лунном теле
Следить касанье только женских рук,

«Прикосновенья губ стыдливо-страстных
И взгляды глаз нетребующих, да?
Ужели до сих пор в мечтах неясных
Вас детский смех не мучил никогда?

«Любовь мужчины — пламень Прометея
И требует и, требуя, дарит,
Пред ней душа, волнуясь и слабя,
Как красный куст горит и говорит.

«Я вас люблю, забудьте сны!» —

В молчаньи

Она, чуть дрогнув, веки подняла,
И я услышал звонких лир бряцанье
И громовые клекоты орла.

Орел Сафо у белого утеса
Торжественно парил, и красота
Бестенных виноградников Лесбоса
Замкнула богохульные уста.

138. ЛЮБОВЬ

Надменный, как юноша, лирик
Вошел, не стучася, в мой дом
И просто заметил, что в мире
Я должен грустить лишь о нем.

С капризной ужимкой захлопнул
Открытую книгу мою,
Туфлей лакированной топнул,
Едва проронив: не люблю.

Как смел он так пахнуть духами!
Так дерзко перстнями играть!
Как смел он засыпать цветами
Мой письменный стол и кровать!

Я из дому вышел со злостью,
Но он увязался за мной,
Стучит изумительной тростью
По звонким камням мостовой.

И стал я с тех пор сумасшедшим.
Не смею вернуться в свой дом
И все говорю о пришедшем
Бесстыдным его языком.

139. БАЛЛАДА

Влюбленные, чья грусть, как облака,
И нежные задумчивые лэди,
Какой дорогой вас ведет тоска,
К какой еще неслыханной победе
Над чарой вам назначенных наследий?
Где вашей вечной грусти и слезам
Целительный предложится бальзам?
Где сердце запылает, не сгорая?
В какой пустыне явится глазам,
Блеснет сиянье розового рая?

Вот я нашел, и песнь моя легка,
Как память о давно прошедшем бреде,
Могучая взяла меня рука,
Уже слетел к дрожащей Андромеде
Персей в кольчуге из горячей меди.
Пускай вдали пылает лживый храм,
Где я теням молился и словам,
Привет тебе, о родина святая!
Влюбленные, пытайте рок, и вам
Блеснет сиянье розового рая.

В моей стране спокойная река,
В полях и рощах много сладкой снеди,

Там аист ловит змей у тростника,
И в полдень, пьяны запахом камеди,
Барахтаются рыжие медведи.
И в юном мире юноша Адам,
Я улыбаюсь птицам и плодам,
И знаю я, что вечером, играя,
Пройдет Христос-младенец по водам,
Блеснет сиянье розового рая.

П о с ы л к а

Тебе, подруга, эту песнь отдам,
Я веровал всегда твоим стопам,
Когда вела ты, нежа и карая,
Ты знала все, ты знала, что и нам
Блеснет сиянье розового рая.

140. УКРОТИТЕЛЬ ЗВЕРЕЙ

...Как мой китайский зонтик красен,
Натерты мелом башмачки.

Анна Ахматова.

Снова заученно-смелой походкой
Я приближаюсь к заветным дверям,
Звери меня дожидаются там,
Пестрые звери за крепкой решеткой.

Будут рычать и пугаться бича,
Будут сегодня еще вероломней
Или покорней . . . не все ли равно мне,
Если я молод и кровь горяча?

Только . . . я вижу все чаще и чаще
(Вижу и знаю, что это лишь бред)
Странного зверя, которого нет,
Он — золотой, шестикрылый, молчащий.

Долго и зорко следит он за мной
И за движеньями всеми моими,
Он никогда не играет с другими
И никогда не придет за едой.

Если мне смерть суждена на арене,
Смерть укротителя, знаю теперь,
Этот, незримый для публики, зверь
Первым мои перекусит колени.

Фанни, завял вами данный цветок,
Вы ж, как всегда, веселы на канате,
Зверь мой, он дремлет у вашей кровати,
Смотрит в глаза вам, как преданный дог.

141. ОТРАВЛЕННЫЙ

«Ты совсем, ты совсем снеговая,
Как ты странно и страшно бледна!
Почему ты дрожишь, подавая
Мне стакан золотого вина?»

Отвернулась печальной и гибкой . . .
Что я знаю, то знаю давно,
Но я выпью и выпью с улыбкой
Все налитое ею вино.

А потом, когда свечи потушат,
И кошмары придут на постель,
Те кошмары, что медленно душат,
Я смертельный почувствую хмель . . .

И приду к ней, скажу: «дорогая,
Видел я удивительный сон,
Ах, мне снилась равнина без края
И совсем золотой небосклон.

«Знай, я больше не буду жестоким,
Будь счастливой, с кем хочешь, хоть с ним,
Я уеду, далеким, далеким,
Я не буду печальным и злым.

«Мне из рая, прохладного рая,
Видны белые отсветы дня . . .
И мне сладко — не плачь, дорогая, —
Знать, что ты отравила меня».

142. У КАМИНА

Наплывала тень . . . Догорал камин,
Руки на груди, он стоял один,

Неподвижный взор устремляя вдаль,
Горько говоря про свою печаль:

«Я пробрался вглубь неизвестных стран,
Восемьдесят дней шел мой караван;

«Цепи грозных гор, лес, а иногда
Странные вдали чьи-то города,

«И не раз из них в тишине ночной
В лагерь долетал непонятный вой.

«Мы рубили лес, мы копали рвы,
Вечерами к нам подходили львы.

«Но трусливых душ не было меж нас,
Мы стреляли в них, целясь между глаз.

«Древний я отрыл храм из под песка,
Именем моим названа река,

«И в стране озер пять больших племен
Слушались меня, чтили мой закон.

«Но теперь я слаб, как во власти сна,
И больна душа, тягостно больна;

«Я узнал, узнал, что такое страх,
Погребенный здесь в четырех стенах;

«Даже блеск ружья, даже плеск волны
Эту цепь порвать ныне не вольны...»

И, тая в глазах злое торжество,
Женщина в углу слушала его.

143. МАРГАРИТА

Валентин говорит о сестре в кабаке,
Выхваляет ее ум и лицо,
А у Маргариты на левой руке
Появилось дорогое кольцо.

А у Маргариты спрятан ларец
Под окном в зеленом плюще,
Ей приносит так много серег и колец
Злой насмешник в красном плаще.

Хоть высоко окно в Маргаритин приют,
У насмешника лестница есть;
Пусть звонко на улицах студенты поют,
Прославляя Маргаритину честь,

Слишком ярки рубины и томен апрель,
Чтоб забыть обо всем, не зная ничего . . .
Марта гладит любовно полный кошель,
Только . . . серой несет от него.

Валентин, Валентин, позабуди свой позор,
Ах, чего не бывает в летнюю ночь!
Уж на что Риголетто был горбат и хитер,
И над тем насмеялась родная дочь.

Грозно Фауста в бой ты зовешь, но вотще!
Его нет . . . Его выдумал девичий стыд;
Лишь насмешника в красном и дырявом
плаще
Ты найдешь . . . и ты будешь убит.

144. ОБОРВАНЕЦ

Я пойду по гулким шпалам,
Думать и следить
В небе желтом, в небе алом
Рельс бегущих нить.

В залы пасмурные станций
Забреду, дрожа,
Коль не сгонят оборванца
С криком сторожа.

А потом мечтой упрямой
Вспомню в сотый раз
Быстрый взгляд красивой дамы,
Севшей в первый класс.

Что ей, гордой и далекой,
Вся моя любовь?
Но такой голубоокой
Мне не видеть вновь!

Расскажу я тайну другу,
Подтруню над ним,
В теплый час, когда по лугу
Вечер стелет дым.

И с улыбкой безобразной
Он ответит: «Ишь!
Начитался дряни разной,
Вот и говоришь».

145. ТУРКЕСТАНСКИЕ ГЕНЕРАЛЫ

Под смутный говор, стройный гам,
Сквозь мерное сверканье балов,
Так странно видеть по стенам
Высоких старых генералов.

Приветный голос, ясный взгляд,
Бровей седеющих изгибы
Нам ничего не говорят
О том, о чем сказать могли бы.

И кажется, что в вихре дней,
Среди сановников и денди,
Они забыли о своей
Благоухающей легенде.

Они забыли дни тоски,
Ночные возгласы: «к оружию»,
Унылые солончаки
И поступь мерную верблюжью;

Поля неведомой земли,
И гибель роты несчастливой,
И Уч-Кудук, и Киндерли,
И русский флаг над белой Хивой.

Забыли? — Нет! Ведь каждый час
Каким-то случаем прилежным
Туманит блеск спокойных глаз,
Напоминает им о прежнем.

— «Что с вами?» — «Так, нога болит».
— «Подагра?» — «Нет, сквозная рана». —
И сразу сердце защежит
Тоска по солнцу Туркестана.

И мне сказали, что никто
Из этих старых ветеранов,
Средь копий Греза и Ватто,
Средь мягких кресел и диванов,

Не скроет ветхую кровать,
Ему служившую в походах,
Чтоб вечно сердце волновать
Воспоминаньем о невзгодах.

146—149. АБИССИНСКИЕ ПЕСНИ

I. ВОЕННАЯ

Носороги топчут наше дурро,
Обезьяны обрывают смоквы,
Хуже обезьян и носорогов
Белые бродяги итальянцы.

Первый флаг забился над Харраром,
Это город раса Маконена,

Вслед за ним проснулся древний Аксум
И в Тигрэ заушали гиены.

По лесам, горам и плоскогорьям
Бегают свирепые убийцы,
Вы, перерывающие горло,
Свежей крови вы напьетесь нынче.

От куста к кусту переползайте,
Как ползут к своей добыче змеи,
Прыгайте стремительно с утесов —
Вас прыжкам учили леопарды.

Кто добудет в битве больше ружей,
Кто зарежет больше итальянцев,
Люди назовут того ашкером
Самой белой лошади негуса.

II. ПЯТЬ БЫКОВ

Я служил пять лет у богача,
Я стерег в полях его коней,
И за то мне подарил богач
Пять быков, приученных к ярму.

Одного из них зарезал лев,
Я нашел в траве его следы,
Надо лучше охранять крааль,
Надо на ночь зажигать костер.

А второй взбесился и бежал,
Звонкою ужаленный осой,
Я блуждал по зарослям пять дней,
Но нигде не мог его найти.

Двум другим подсыпал мой сосед
В пойло ядовитой белены,
И они валялись на земле
С высунутым синим языком.

Заколол последнего я сам,
Чтобы было, чем попить
В час, когда пылал соседский дом
И вопил в нем связанный сосед.

III. НЕВОЛЬНИЧЬЯ

По утрам просыпаются птицы,
Выбегают в поле газели,
И выходит из шатра европеец,
Размахивая длинным бичом.

Он садится под тенью пальмы,
Обвернув лицо зеленой вуалью,
Ставит рядом с собой бутылку виски
И хлещет ленищихся рабов.

Мы должны чистить его вещи,
Мы должны стеречь его мулов,
А вечером есть солонину,
Которая испортилась днем.

Слава нашему хозяину европейцу,
У него такие дальнобойные ружья,
У него такая острая сабля
И так больно хлещущий бич!

Слава нашему хозяину европейцу,
Он храбр, но он не догадлив,
У него такое нежное тело,
Его сладко будет пронзить ножом!

IV. ЗАНЗИБАРСКИЕ ДЕВУШКИ

Раз услышал бедный абиссинец,
Что далеко, на севере, в Каире
Занзибарские девушки пляшут
И любовь продают за деньги.

А ему давно надоели
Жирные женщины Габеша,
Хитрые и злые сомалийки
И грязные поденщицы Каффы.

И отправился бедный абиссинец
На своем единственном муле
Через горы, леса и степи
Далеко, далеко на север.

На него нападали воры,
Он убил четверых и скрылся,
А в густых лесах Сенаара
Слон-отшельник растоптал его мула.

Двадцать раз обновлялся месяц,
Пока он дошел до Каира
И вспомнил, что у него нет денег,
И пошел назад той же дорогой.

III. ИЗ ТЕОФИЛЯ ГОТЬЕ

150. НА БЕРЕГУ МОРЯ

Уронила луна из ручек
— Так рассеянна до сих пор —
Веер самых розовых тучек
На морской голубой ковер.

Наклонилась . . . достать мечтает
Серебристой тонкой рукой,
Но напрасно! Он уплывает,
Уносимый быстрой волной.

Я б достать его взялся . . . смело,
Луна, я б прыгнул в поток,
Если б ты спуститься хотела
Иль подняться к тебе я мог.

151. ИСКУССТВО

Создание тем прекрасней,
Чем взятый материал
Бесстрастней —
Стих, мрамор иль металл.

О светлая подруга,
Стеснения гони,
Но туго
Котурны затяни.

Прочь легкие приемы,
Башмак по всем ногам,
Знакомый
И нищим, и богам.

Скульптор, не мни покорной
И вялой глины ком,
Упорно
Мечтая о другом.

С паросским иль каррарским
Борись обломком ты,
Как с царским
Жилищем красоты.

Прекрасная темница!
Сквозь бронзу Сиракуз
Глядится
Надменный облик муз.

Рукою нежной брата
Очерчивай уклон
Агата —
И выйдет Аполлон.

Художник! Акварели
Тебе не будет жаль!
В купели
Расплавь свою эмаль.

Твори сирен зеленых
С усмешкой на губах,
Склоненных
Чудовищ на гербах.

В трехъярусном сияньи
Мадонну и Христа,
Пыланье
Латинского креста.

Все прах. — Одно, ликуя,
Искусство не умрет.
Статуя
Переживет народ.

И на простой медали,
Открытой средь камней,
Видали
Неведомых царей.

И сами боги тленны,
Но стих не кончит петь,
Надменный,
Властительней, чем медь.

Чеканить, гнуть, бороться, —
И зыбкий сон мечты
Вольется
В бессмертные черты.

152. АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ ПЕСЕНКА

Ты хочешь, чтоб была я смелой?
Так не пугай, поэт, тогда
Моей любви, голубки белой
На небе розовом стыда.

Идет голубка по аллее
И в каждом чудится ей враг,
Моя любовь еще нежнее,
Бежит, коль к ней направить шаг.

Немой, как статуя Гермеса,
Остановись, и вздрогнет бук, —
Смотри, к тебе из чащи леса
Уже летит крылатый друг.

И ты почувствуешь дыханье
Какой-то ласковой волны
И легких, легких крыл дрожанье
В сверканьи сладком белизны.

И на плечо твое голубка
Слетит, уже приручена,
Чтобы из розового кубка
Вкусил ты сладкого вина.

153. РОНДОЛЛА

Ребенок с видом герцогини,
Голубка сокола страшней, —
Меня не любишь ты, но ныне
Я буду у твоих дверей.

И там стоять я буду, струны
Щипля и в дерево стуча,
Пока внезапно лоб твой юный
Не озарит в окне свеча.

Я запрещу другим гитарам
Поблизости меня звенеть.
Твой переулок — мне: недаром
Я говорю другим: «не смей».

И я отрежу оба уха
Нахалу, если только он
Куплет свой звонко или глухо
Придет запеть под твой балкон.

Мой нож шевелится как пьяный.
Ну что ж? Кто любит красный цвет?
Кто хочет краски на кафтаны,
Гранатов алых для манжет?

Ах, крови в жилах слишком скучно,
Не вечно ж ей томиться там,
А ночь темна, а ночь беззвучна:
Спешите, трусы, по домам.

Вперед, задиры! Вы без страха,
И нет для вас запретных мест,
На ваших лбах моя наваха
Запечатлеет рванный крест.

Пускай идут, один иль десять,
Рыча, как бешеные псы, —
Я в честь твою хочу повесить
Себе на пояс их носы.

И чрез канаву, что обычно
Марают шелк чулок твоих,
Я мост устрою — и отличный
Из тел красавцев молодых.

Ах, если саван мне обещан
Из двух простынь твоих, — войну
Я подниму средь адских трещин,
Я нападу на Сатану.

Глухая дверь, окно слепое,
Ты можешь слышать голос мой:
Так бык пронзенный, землю роя,
Ревет, а вокруг собачий вой.

О, хоть бы гвоздь был в этой дверце,
Чтоб муки прекратить мои . . .
К чему мне жить, скрывая в сердце
Томление злобы и любви?

154. ГИППОПОТАМ

Гиппопотам с огромным брюхом
Живет в Яванских тростниках,
Где в каждой яме стонут глухо
Чудовища, как в страшных снах.

Свистит боа, скользя над кручей,
Тигр угрожающе рычит,
И буйвол фыркает могучий,
А он пасется или спит.

Ни стрел, ни острых ассагаев, —
Он не боится ничего,
И пули меткие сипаев
Скользят по панцирю его.

И я в родне гиппопотама:
Одет в броню моих святынь,
Иду торжественно и прямо
Без страха посреди пустынь.

155. БЛУДНЫЙ СЫН

1.

Нет дома подобного этому дому!
В нем книги и ладан, цветы и молитвы!
Но, видишь, отец, я томлюсь по иному,
Пусть в мире есть слезы, но в мире есть битвы.

На то ли, отец, я родился и вырос,
Красивый, могучий и полный здоровья,
Чтоб счастье побед заменил мне твой клирос
8 И гул изумленной толпы — славословья.

Я больше не мальчик, не верю обманам,
Надменность и кротость — два взмаха кадила,
И Петр не унижится пред Иоанном,
И лев перед агнцем, как в сне Даниила.

Позволь, да твое приумножу богатство,
Ты плачешь над грешным, а я негодую,
Мечом укреплю я свободу и братство,
16 Свирепых огнем научу поцелую.

Весь мир для меня открывается вновь,
И я буду князем во имя Господне...
О счастье! О пенье бунтующей крови!
Отец, отпусти меня... завтра... сегодня!..

2.

Как розов за портиком край небосклона!
Как веселы в пламенном Тибре галеры!
Пушай приведут мне танцовщиц Сидона
24 И Тира, и Смирны . . . во имя Венеры

Цветов и вина, дорогих благовоний . . .
Я праздную день мой в веселой столице!
Но где же друзья мои, Цинна, Петроний? . .
А вот они, вот они, *salve amice*.

Идите скорей, ваше ложе готово,
И розы прекрасны, как женские щеки;
Вы помните верно отцовское слово,
32 Я послан сюда был исправить пороки . . .

Но в мире, которым владеет превратность,
Постигнув философов римских науку,
Я вижу один лишь порок — неопрятность,
Одну добродетель — изящную скуку.

Петроний, ты морщишься? Будь я повешен,
Коль ты недоволен моим сиракузским!
Ты, Цинна, смеешься? Не правда ль, потешен
40 Тот раб косоглазый и с черепом узким?

3.

Я падаль сволок к тростникам отдаленным
И пойло для мулов поставил в их стойла;
Хозяин, я голоден, будь благосклонным,
Позволь, мне так хочется этого пойла.

За ригой есть куча лежалого сена,
Быки не едят его, лошади тоже:
Хозяин, твои я целую колена,
48 Позволь из него приготовить мне ложе.

Усталость — работнику помощь плохая,
И слепнут глаза от соленого пота,
О, день, только день провести, отдыхая . . .
Хозяин, не бей! Укажи, где работа.

Ах, в рощах отца моего апельсины,
Как красное золото, полднем бездонным,
Их рвут, их бросают в большие корзины
56 Красивые девушки с пеньем влюбленным.

И с думой о сыне там бодрствует ночи
Старик величавый с седой бородой,
Он грустен . . . пойду и скажу ему: «Отче,
Я грешен пред Господом и пред тобою».

4.

И в горечи сердце находит уладу:
Вот сад, но к нему подойти я не смею,
Я помню . . . мне было три года . . . по саду
64 Я взапуски бегал с лисицей моею.

Я вырос! Мой опыт мне дорого стоит,
Томили предчувствия, грызла потеря . . .
Но целое море печали не смоем
Из памяти этого первого зверя.

За садом возносятся гордые своды,
Вот дом — это дедов моих пепелище,
Он, кажется, вырос за долгие годы,
72 Пока я блуждал, то распутник, то нищий.

Там празднество: звонко грохочет посуда,
Дымятся тельцы и румянится тесто,
Сестра моя вышла, с ней девушка-чудо,
Вся в белом и с розами, словно невеста.

За ними отец... Что скажу, что отвечу,
Иль снова блуждать мне без мысли и цели?
Узнал... догадался... идет мне навстречу...
80 И праздник, и эта невеста... не мне ли?!

156. ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Свежим ветром снова сердце пьяно,
Тайный голос шепчет: «все покинь!» —
Перед дверью над кустом бурьяна
Небосклон безоблачен и синь,
В каждой луже запах океана,
В каждом камне веянье пустынь.

Мы с тобою, Муза, быстроноги,
Любим ивы вдоль степной дороги,
Мерный скрип колес и вдалеке
Белый парус на большой реке.
Этот мир, такой святой и строгий,
12 Что нет места в нем пустой тоске.

Ах, в одном божественном движеньи,
Косным, нам дано преображенье,
В нем и мы — не только отраженье,
В нем живым становится, кто жил . . .
О пути земные, сетью жил,
Розой вен вас Бог расположил!

И струится, и поет по венам
Радостно бушующая кровь;
Нет конца обетам и изменам,
Нет конца веселым переменам,
И отсталых подгоняют вновь
24 Плетью боли Голод и Любовь.

Дикий зверь бежит из пущей в пущи,
Краб ползет на берег при луне,
И блуждает ястреб в вышине, —
Голодом и Страстью всемогущей
Все больны, — летящий и бегущий,
Плавающий в черной глубине.

Веселы, нежданны и кровавы
Радости, печали и забавы
Дикой и пленительной земли;
Но всего прекрасней жажда славы,
Для нее родятся короли,
36 В океанах ходят корабли.

Что же, Муза, нам с тобою мало,
Хоть нежны мы, быть всегда вдвоем!
Скорбь о высшем в голосе твоём:
Хочешь, мы с тобою уплывем
В страны нарда, золота, коралла
В первой каравелле Адмирала?

Видишь? город . . . веянье знамен . . .
Светит солнце, яркое, как в детстве,
С колоколен раздается звон,
Провозвестник радости, не бедствий,
И над портом, словно тяжкий стон,
48 Слышен гул восторга и приветствий.

Где ж Колумб? Прохожий, укажи!
— «В келье разбирает чертежи
С нашим старым приором Хуаном;
В этих прежних картах столько лжи,
А шутить не должно с океаном
Даже самым смелым капитанам».

Сыплется в узорное окно
Золото и пурпур повечерий,
Словно в зачарованной пещере,
Сон и явь сливаются в одно,
Время тихо, как веретено
60 Феи-сказки дедовских поверий.

В дорогой кольчуге Христофор,
Старый приор в праздничном убранстве,
А за ними поднимает взор
Та, чей дух — крылатый метеор,
Та, чей мир в святом непостоянстве,
Чье названье Муза Дальних Странствий.

Странны и горды обрывки фраз:
«Путь на юг? Там был уже Диас!» ...
— Да, но кто слышал его рассказ? .. —
«... У страны Великого Могола
Острова» ... — Но где же? Море голо.
72 Путь на юг ... — «Сеньор! А Марко Поло?»

Вот взвился над старой башней флаг,
Постучали в дверь — условный знак, —
Но друзья не слышат. В жарком споре —
Что для них отлив, растущий в море! ..
Столько не разобрано бумаг,
Столько не досказано историй!

Лишь когда в сады спустилась мгла,
Стало тихо и прохладно стало,
Муза тайный долг свой угадала,
Подошла и властно адмирала,
Как ребенка, к славе увела
84 От его рабочего стола.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Двадцать дней как плыли каравеллы,
Встречных волн проламывая грудь;
Двадцать дней как компасные стрелы
Вместо карт указывали путь,
И как самый бодрый, самый смелый
Без тревожных снов не мог заснуть.

И никто на корабле, бегущем
К дивным странам, заповедным кущам,
Не дерзал подумать о грядущем;
В мыслях было пусто и темно;
Хмуρο измеряли лотом дно,
96 Парусов чинили полотно.

Астрологи в вечер их отплытья
Высчитали звездные события,
Их слова гласили: «все обман».
Ветер слева вспенил океан,
И пугали ужасом наитья
Темные пророчества гитан.

И напрасно с кафедры прелаты
Столько обещали им наград,
Обещали рыцарские латы,
Царства обещали вместо платы,
И про золотой индийский сад
108 Столько станц гремело и баллад . . .

Все прошло как сон! А в настоящем —
Смутное предчувствие беды,
Вместо славы — тяжкие труды
И под вечер — призраком горящим,
Злобно ждущим и жестоко мстящим —
Солнце в бездне огненной воды.

Хозе помешался и сначала
С топором пошел на адмирала,
А потом забился в дальний трюм
И рыдал . . . Команда не внимала,
И несчастный помутневший ум
120 Был один во власти страшных дум.

По ночам садились на канаты
И шептались — а хотелось выть:
«Если долго вслед за солнцем плыть,
То беды кровавой не избить:
Солнце в бездне моется проклятой,
Солнцу ненавистен соглядатай!»

Но Колумб забыл бунтовщиков,
Он молчит о лени их и пьянстве;
Целый день на мостике готов,
Как влюбленный, грезить о пространстве;
В шуме волн он слышит сладкий зов,
132 Уверенья Музы Дальних Странствий.

И пред ним смирялись моряки:
Так над кручей злобные быки
Топчутся, их гонит пастырь горный,
В их сердцах отчаянье тоски,
В их мозгу гнездится ужас черный,
Взор свиреп . . . и все ж они покорны!

Но не в город, и не под копые
Смуглым и жестоким пикадорам,
Адмирал холодным гонит взором
Стадо оробелое свое,
А туда, в иное бытие,
144 К новым, лучшим травам и озерам.

Если светел мудрый астролог,
Увидав безвестную комету;
Если, новый отыскав цветок,
Мальчик под собой не чувствует ног;
Если выше счастья нет поэту,
Чем придать нежданный блеск сонету;

Если как подарок нам дана
Мыслей неоткрытых глубина,
Своего не знающая дна,
Старше солнц и вечно молодая . . .
Если смертный видит отсвет рая,
156 Только неустанно открывая:

— То Колумб светлее, чем жених
На пороге радостей ночных,
Чудо он духовным видит оком,
Целый мир, неведомый пророкам,
Что залег в пучинах голубых,
Там, где запад сходится с востоком.

Эти воды Богом прокляты!
Этим страшным рифам нет названья!
Но навстречу жадного мечтанья
Уж плывут, плывут, как обещанья,
В море ветви, травы и цветы,
168 В небе птицы странной красоты.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

— «Берег, берег! . . .» И чинивший знамя
Замер, прикусив зубами нить,
А державший голову руками
Сразу не посмел их опустить.
Вольный ветер веял парусами,
Каравеллы продолжали плыть.

Кто он был, тот первый, светлоокий,
Что, завидев с палубы высокой
В диком море остров одинокий,
Закричал, как коршуны кричат?
Старый кормщик, рыцарь иль пират,
180 Ныне он Колумбу — младший брат!

Что один исчислил по таблицам,
Чертежам и выцветшим страницам,
Ночью угадал по вещим снам, —
То увидел в яркий полдень сам
Тот, другой, подобный зорким птицам,
Только птицам, Муза, им и нам.

Словно дети прыгают матросы,
Я так счастлив . . . нет, я не могу . . .
Вон журавль смешной и длинноносый
Полетел на белые утесы,
В синем небе описав дугу.
192 Вот и берег . . . мы на берегу.

Престарелый, в полном облачении,
Патер совершил богослуженье,
Он молил: — «О Боже, не покинь
Грешных нас» . . . — кругом звучало пенье,
Медленная, медная латынь
Породнилась с шумами пустынь.

И казалось, эти же поляны
Нам не раз мерещились в бреду . . .
Так же на змеистые лианы
С криками взбегали обезьяны;
Цвел волчец; как грешники в аду,
204 Звонко верещали какаду . . .

Так же сладко лился в наши груди
Аромат невиданных цветов,
Каждый шаг был так же странно нов,
Те же выходили из кустов,
Улыбаясь и крича о чуде,
Красные, как медь, нагие люди.

Ах! не грезил с ними лишь один,
Лишь один хранил в душе тревогу,
Хоть сперва, склоняясь, как паладин
Набожный, и он молился Богу,
Хоть теперь целует прах долин,
216 Стебли трав и пыльную дорогу.

Как у всех матросов, грудь нага,
В левом ухе медная серьга
И на смуглой шее нить коралла,
Но уста (их тайна так строга),
Взор, где мысль гореть не перестала,
Выдали нам, Муза, адмирала.

Он печален, этот человек,
По морю прошедший, как по суше,
Словно шашки,двигающий души
От родных селений, мирных нег
К диким устьям безымянных рек . . .
228 Что он шепчет! . . Муза, слушай, слушай!

— «Мой высокий подвиг я свершил,
Но томится дух, как в темном склепе.
О Великий Боже, Боже Сил,
Если я награду заслужил,
Вместо славы и великолепий,
Дай позор мне, Вышний, дай мне цепи!

— «Крепкий мех так горд своим вином,
Но когда вина не стало в нем,
Пусть хозяин бросит жалкий ком!
Раковина я, но без жемчужин,
Я поток, который был запружен, —
240 Спущенный, теперь уже не нужен». —

Да! пробудит в черни площадной
Только смех бессмысленно-тупой,
Злость в монахах, ненависть в дворянстве
Гений, обвиненный в шарлатанстве!
Как любовник, для игры иной
Он покинут Музой Дальних Странствий...

Я молчал, закрыв глаза плащом.
Как струна, натянутая туго,
Сердце билось быстро и упруго,
Как сквозь сон я слышал, что подруга
Мне шепнула: «Не скорби о том,
252 Кто Колумбом назван... Отойдем!»

Колчан

Татиане Викторовне Адамович

157. ПАМЯТИ АННЕНСКОГО

К таким нежданным и певучим бредням
Зовя с собой умы людей,
Был Иннокентий Анненский последним
Из царскосельских лебедей.

Я помню дни: я, робкий, торопливый,
Входил в высокий кабинет,
Где ждал меня спокойный и учтивый,
Слегка седеющий поэт.

Десяток фраз, пленительных и странных,
Как бы случайно уроня,
Он вбрасывал в пространство безымянных
Мечтаний — слабого меня.

О, в сумрак отступающие вещи
И еле слышные духи,
И этот голос, нежный и зловещий,
Уже читающий стихи!

В них плакала какая-то обида,
Звенела медь и шла гроза,
А там, над шкафом, профиль Эврипида
Слепил горящие глаза.

... Скамью я знаю в парке; мне сказали,
Что он любил сидеть на ней,
Задумчиво смотря, как сини дали
В червонном золоте аллеи.

Там вечером и страшно и красиво,
В тумане светит мрамор плит,
И женщина, как серна боязлива,
Во тьме к прохожему спешит.

Она глядит, она поет и плачет,
И снова плачет и поет,
Не понимая, что все это значит,
Но только чувствуя — не тот.

Журчит вода, протачивая шлюзы,
Сырой травой пахнет мгла,
И жалок голос одинокой музыки,
Последней — Царского Села.

158. ВОЙНА

М. М. Чичагову.

Как собака на цепи тяжелой,
Тявкает за лесом пулемет,
И жужжат шрапнели, словно пчелы,
Собирая ярко-красный мед.

А «ура» вдали, как будто пенье
Трудный день окончивших жнецов.
Скажешь: это — мирное селенье
В самый благодный из вечеров.

И воистину светло и свято
Дело величавое войны,
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.

Тружеников, медленно идущих
На полях, омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих,
Ныне, Господи, благослови.

Как у тех, что гнутся над сохою,
Как у тех, что молят и скорбят,
Их сердца горят перед Тобою,
Восковыми свечками горят.

Но тому, о Господи, и силы
И победы царский час даруй,
Кто поверженному скажет: — Милый,
Вот, прими мой братский поцелуй!

159. ВЕНЕЦИЯ

Поздно. Гиганты на башне
Гулко ударили три.
Сердце ночами бесстрашной,
Путник, молчи и смотри.

Город, как голос наяды,
В призрачно-светлом былом,
Кружев узорней аркады,
Воды застыли стеклом.

Верно, скрывают колдуний
Завесы черных гондол
Там, где огни на лагуне
— Тысячи огненных пчел.

Лев на колонне, и ярко
Львиные очи горят,
Держит Евангелье Марка,
Как серафимы крылат.

А на высотах собора,
Где от мозаики блеск,
Чу, голубинога хора
Вздок, воркованье и плеск.

Может быть, это лишь шутка,
Скал и воды колдовство,
Марево? Путнику жутко,
Вдруг . . . никого, ничего?

Крикнул. Его не слышали,
Он, оборвавшись, упал
В зыбкие, бледные дали
Венецианских зеркал.

160. СТАРЫЕ УСАДЬБЫ

Дома косые, двухэтажные,
И тут же рига, скотный двор,
Где у корыта гуси важные
Ведут немолчный разговор.

В садах настурции и розаны,
В прудах зацветших караси,
— Усадьбы старые разбросаны
По всей таинственной Руси.

Порою в полдень льется по лесу
Неясный гул, невнятный крик,
И угадать нельзя по голосу,
То человек иль лесовик.

Порою крестный ход и пение,
Звонят во все колокола,
Бегут, — то значит, по течению
В село икона приплыла.

Русь бредит Богом, красным пламенем,
Где видно ангелов сквозь дым...
Они ж покорно верят знаменьям,
Любя свое, живя своим.

Вот, гордый новою поддевкою,
Идет в гостиную сосед.
Поникнув русою головкою,
С ним дочка — восемнадцать лет.

— «Моя Наташа бесприданница,
Но не отдам за бедняка». —
И ясный взор ее туманится,
Дрожа, сжимается рука.

— «Отец не хочет . . . нам со свадьбою
Опять придется погодить». —
Да что! В пруду перед усадьбою
Русалкам бледным плохо ль жить?

В часы весеннего томления
И пляски белых облаков
Бывают головокружения
У девушек и стариков.

Но старикам — золотоголовые,
Святые, белые скиты,
А девушкам — одни лукавые
Увещеванья пустоты.

О, Русь, волшебница суровая,
Повсюду ты свое возьмешь.
Бежать? Но разве любишь новое
Иль без тебя да проживешь?

И не расстаться с амулетами,
Фортуна катит колесо,
На полке, рядом с пистолетами,
Барон Брамбеус и Руссо.

161. ФРА БЕАТО АНЖЕЛИКО

В стране, где гиппогриф веселый льва
Крылатого зовет играть в лазури,
Где выпускает ночь из рукава
Хрустальных нимф и венценосных фурий;

В стране, где тихи гробы мертвецов,
Но где жива их воля, власть и сила,
Средь многих знаменитых мастеров,
Ах, одного лишь сердце полюбило.

Пускай велик небесный Рафаэль,
Любимец бога скал, Буонаротти,
Да Винчи, колдовской вкусивший хмель,
Челлини, давший бронзе тайну плоти.

Но Рафаэль не греет, а слепит,
В Буонаротти страшно совершенство,
И хмель да Винчи душу замутит,
Ту душу, что поверила в блаженство

На Фьезоле, средь тонких тополей,
Когда горят в траве зеленой маки,
И в глубине готических церквей,
Где мученики спят в прохладной раке.

На всем, что сделал мастер мой, печать
Любви земной и простоты смиренной.
О да, не все умел он рисовать,
Но то, что рисовал он, — совершенно.

Вот скалы, горы, рыцарь на коне, —
Куда он едет, в церковь иль к невесте?
Горит заря на городской стене,
Идут стада по улицам предместий;

Мария держит Сына Своего,
Кудрявого, с румянцем благородным,
Такие дети в ночь под Рождество
Наверно снятся женщинам бесплодным;

И так нестрашен связанным святым
Палач, в рубашку синюю одетый,
Им хорошо под нимбом золотым:
И здесь есть свет, и там — иные светлы.

А краски, краски — яркие и чисты,
Они родились с ним и с ним погасли.
Преданье есть: он растворял цветы
В епископами освященном масле.

И есть еще преданье: серафим
Слетал к нему, смеющийся и ясный,
И кисти брал и состязался с ним
В его искусстве дивном . . . но напрасно.

Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
А жизнь людей мгновенна и убога,
Но все в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.

162. РАЗГОВОР

Георгию Иванову

Когда зеленый луч, последний на закате,
Блеснет и скроется, мы не узнаем где,
Тогда встает душа и бродит, как лунатик,
В садах заброшенных, в безлюдьи площадей.

Весь мир теперь ее, ни ангелам ни птицам
Не позавидует она в тиши аллей.
А тело тащится вослед и тайно злится,
Угрюмо жалуясь на боль свою земле.

— «Как хорошо теперь сидеть в кафе счастливом,
Где над людской толпой потрескивает газ,
И слушать, светлое потягивая пиво,
Как женщина поет «La p'tite Tonkinoise».

— «Уж карты весело порхают над столами,
Целят скучающих, мирят их с бытием.
Ты знаешь, я люблю горячими руками
Касаться золота, когда оно мое».

— «Подумай, каково мне с этой бесноватой,
Воображаемым внимая голосам,
Смотреть на мелочь звезд; ведь очень небогато
И просто разубрал Всевышний небеса». —

Не правда ль, ты их любила,
Как маленьких, встарь, когда,
Рыча от бранного пыла,
Сжигали они города?

Когда же в царство покоя
Они умчались, как вздох,
Ты, долго и страшно воя,
Могилу рыла для трех.

Волчица, твой город тот же
У той же быстрой реки.
Что мрамор высоких лоджий,
Колонн его завитки,

И лик Мадонн вдохновенный,
И храм святого Петра,
Покуда здесь неизменно
Зияет твоя нора,

Покуда жесткие травы
Растут из дряхлых камней
И смотрит месяц кровавый
Железных римских ночей?!

И город цезарей дивных,
Святых и великих пап,
Он крепок следом призывных,
Косматых звериных лап.

164. ПЯТИСТОПНЫЕ ЯМБЫ

М. Л. Лозинскому

Я помню ночь, как черную наяду,
В морях под знаком Южного Креста.
Я плыл на юг; могучих волн громаду
Взрывали мощно лопасти винта,
И встречные суда, очей отраду,
Брала почти мгновенно темнота.

О, как я их жалел, как было странно
Мне думать, что они идут назад
И не остались в бухте необманной,
Что дон Жуан не встретил донны Анны,
Что гор алмазных не нашел Синдбад
12 И Вечный Жид несчастней во сто крат.

Но проходили месяцы, обратно
Я плыл и увозил клыки слонов,
Картины абиссинских мастеров,
Меха пантер — мне нравились их пятна —
И то, что прежде было непонятно,
Презрение к миру и усталость снов.

Я молод был, был жаден и уверен,
Но дух земли молчал, высокомерен,

И умерли слепящие мечты,
Как умирают птицы и цветы.
Теперь мой голос медлен и размерен,
24 Я знаю, жизнь не удалась . . . и ты,

Ты, для кого искал я на Леванте
Нетленный пурпур королевских мантий,
Я проиграл тебя, как Дамаянти
Когда-то проиграл безумный Наль.
Взлетели кости, звонкие, как сталь,
Упали кости — и была печаль.

Сказала ты, задумчивая, строго:
— «Я верила, любила слишком много,
А уйду, не веря, не любя,
И пред лицом Всевидящего Бога,
Быть может, самое себя губя,
36 Навек я отрекаюсь от тебя». —

Твоих волос не смел поцеловать я,
Ни даже сжать холодных, тонких рук,
Я сам себе был гадок, как паук,
Меня пугал и мучил каждый звук,
И ты ушла, в простом и темном платье,
Похожая на древнее Распятые.

То лето было грозами полно,
Жарой и духотою небывалой,
Такой, что сразу делалось темно
И сердце биться вдруг переставало,
В полях колосья сыпали зерно,
48 И солнце даже в полдень было ало.

И в реве человеческой толпы,
В гуденьи проезжающих орудий,
В немолчном зове боевой трубы
Я вдруг услышал песнь моей судьбы
И побежал, куда бежали люди,
Покорно повторяя: буди, буди.

Солдаты громко пели, и слова
Невнятны были, сердце их ловило:
— «Скорей вперед! Могила, так могила!
Нам ложем будет свежая трава,
А пологом — зеленая листва,
60 Союзником — архангельская сила». —

Так сладко эта песнь лилась, маня,
Что я пошел, и приняли меня,
И дали мне винтовку и коня,
И поле, полное врагов могучих,
Гудящих грозно бомб и пуль певучих,
И небо в молниинных и рдяных тучах.

И счастьем душа обожжена
С тех самых пор; веселием полна
И ясностью, и мудростью, о Боге
Со звездами беседует она,
Глас Бога слышит в воинской тревоге
72 И Божьими зовет свои дороги.

Честнейшую честнейших херувим,
Славнейшую славнейших серафим,
Земных надежд небесное Свершенье
Она величит каждое мгновенье
И чувствует к простым словам своим
Вниманье, милость и благоволенье.

Есть на море пустынном монастырь
Из камня белого, золотоглавый,
Он озарен немеркнувшею славой.
Туда б уйти, покинув мир лукавый,
Смотреть на ширь воды и неба ширь . . .
84 В тот золотой и белый монастырь!

1912—1915.

165. ПИЗА

Солнце жжет высокие стены,
Крыши, площади и базары.
О, янтарный мрамор Сиены
И молочно-белый Каррары!

Все спокойно под небом ясным;
Вот, окончив псалом последний,
Возвращаются дети в красном
По домам от поздней обедни.

Где ж они, суровые громы
Золотой тосканской равнины,
Ненасытная страсть Содомы
И голодный вопль Уголино?

Ах, и мукам счет и усладам
Не веками ведут — годами!
Гибеллины и гвельфы рядом
Задремали в гробах с гербами.

Все проходит, как тень, но время
Остается, как прежде, мстящим,
И былое, темное бремя
Продолжает жить в настоящем.

Сатана в нестерпимом блеске,
Оторвавшись от старой фрески,
Наклонился с тоской всегдашней
Над кривою пизанской башней.

166. ЮДИФЬ

Какой мудрейшею из мудрых пифий
Поведан будет нам нелицемерный
Рассказ об иудеянке Юдифи,
О вавилонянине Олоферне?

Ведь много дней томилась Иудея,
Опалена горячими ветрами,
Ни спорить, ни покорствовать не смея,
Пред красными, как зарево, шатрами.

Сатрап был мощен и прекрасен телом,
Был голос у него, как гул сраженья,
И все же девушкой не овладело
Томительное головокруженье.

Но, верно, в час блаженный и проклятый,
Когда, как омут, приняло их ложе,
Поднялся ассирийский бык крылатый,
Так странно с ангелом любви несхожий.

Иль может быть, в дыму кадилъниц рея
И вскрикивая в грохоте тимпана,
Из мрака будущего Саломея
Кичилась головой Иоканаана.

167. НА ОСТРОВЕ

Над этим островом какие выси,
Какой туман!
И Апокалипсис был здесь написан,
И умер Пан!
А есть другие: с пальмами, с лугами,
Где весел жнец,
И где позванивают бубенцами
Стада овец.
И скрипку, дивно выгнутую, в руки,
Едва дыша,
Я взял и слушал, как бежала в звуки
Ее душа.
Ах, это только чары, что судьбою
Я побежден,
Что ночью звездный дождь над головою,
И стон, и звон.
Я вольный, снова верящий удачам,
Я — тот, я в том.
Целую девушку с лицом горячим
И с жадным ртом.
Прерывных слов, объятий перемены
Томят и жгут,
А милые нас обступили стены
И стерегут.

Как содрогается она — в улыбке
Какой вопрос!
Увы, иль это только стоны скрипки
Под взором звезд.

168. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Анне Ахматовой.

Я из дому вышел, когда все спали,
Мой спутник скрывался у рва в кустах,
Наверно на утро меня искали,
Но было поздно, мы шли в полях.

Мой спутник был желтый, худой, раскосый.
О, как я безумно его любил!
Под пестрой хламидой он прятал косу,
Глазами гадюки смотрел и ныл.

О старом, о странном, о безбольном,
О вечном слагалось его нытье,
Звучало мне звоном колокольным,
Ввергало в истому, в забытье.

Мы видели горы, лес и воды,
Мы спали в кибитках чужих равнин,
Порою казалось — идем мы годы,
Казалось порою — лишь день один.

Когда ж мы достигли стены Китая,
Мой спутник сказал мне: «Теперь прощай,
Нам разны дороги: твоя — святая,
А мне, мне сеять мой рис и чай». —

На белом пригорке, над полем чайным,
У пагоды ветхой сидел Будда.
Пред ним я склонился в восторге тайном,
И было сладко, как никогда.

Так тихо, так тихо над миром дольным,
С глазами гадюки, он пел и пел
О старом, о странном, о безбольном,
О вечном, и воздух вокруг светлел.

169. ЛЕОНАРД

Три года чума и голод
Разоряли большую страну,
И народ сказал Леонарду:
— Спаси нас, ты добр и мудр. —

Старинных, заветных свитков
Все тайны знал Леонард.
В одно короткое лето
Страна была спасена.

Случились распри и войны,
Когда скончался король,
Народ сказал Леонарду:
— Отныне король наш ты. —

Была Леонарду знакома
Война, искусство царей,
Поэты победные оды
Не успевали писать.

Когда же страна умирилась
И пахарь взялся за плуг,
Народ сказал Леонарду:
— Ты молод, возьми жену. —

Спокойный, ясный и грустный,
В ответ молчал Леонард,
А ночью скрылся из замка,
Куда — не узнал никто.

Лишь мальчик пастух, дремавший
В ту ночь на угрюмых горах,
Говорил, что явственно слышал
Согласный гул голосов.

Как будто орел парящий,
Овен, человек и лев
Вопияли, пели, зывали,
Говорили зараз во тьме.

170. ПТИЦА

Я не смею больше молиться,
Я забыл слова литаний,
Надо мной грозящая птица,
И глаза у нее — огни.

Вот я слышу сдержанный клетот,
Словно звон истлевших цимбал,
Словно моря дальнего рокот,
Моря, бьющего в груди скал.

Вот я вижу — когти стальные
Наклоняются надо мной,
Словно струи дрожат речные,
Озаряемые луной.

Я пугаюсь, чего ей надо,
Я не юноша Ганимед,
Надо мною небо Эллады
Не струило свой нежный свет.

Если ж это голубь Господень
Прилетел сказать: Ты готов! —
То зачем же он так несходен
С голубями наших садов?

171—172. КАНЦОНЫ

1.

Словно ветер страны счастливой,
Носятся жалобы влюбленных.
Как колосья созревшей нивы,
Клонятся головы непреклонных.

Запевает араб в пустыне —
«Душу мне вырвали из тела».
Стонет грек над пучиной синей —
«Чайкою в сердце ты мне влетела».

Красота ли им не покорна!
Теплит гречанка в ночь лампадки,
А подруга араба зерна
Благовонные жжет в палатке.

Зов один от края до края,
Шире, все шире и чудесней,
Угадали ли вы, дорогая,
В этой бессвязной и бедной песне?

Дорогая с улыбкой летней,
С узкими, слабыми руками
И, как мед двухтысячелетний,
Душными, черными волосами.

2.

Об Адонисе с лунной красотой,
О Гиацинте тонком, о Нарциссе,
И о Данае, туче золотой,
Еще грустят Аттические выси.

Грустят валы ямбических морей,
И журавлей кочующие стаи,
И пальма, о которой Одиссей
Рассказывал смущенной Навзикае.

Печальный мир не очаруют вновь
Ни кудри душевные, ни взор призывный,
Ни лепестки горячих губ, ни кровь,
Стучавшая торжественно и дивно.

Правдива смерть, а жизнь бормочет ложь . . .
И ты, о нежная, чье имя — пенье,
Чье тело — музыка, и ты идешь
На беспощадное исчезновенье.

Но, мне, увы, неведомы слова —
Землетрясения, громы, водопады,
Чтоб и по смерти ты была жива,
Как юноши и девушки Эллады.

173. ПЕРСЕЙ

Скульптура Кановы

Его издавна любят музы,
Он юный, светлый, он герой,
Он поднял голову Медузы
Стальной, стремительной рукой.

И не увидит он, конечно,
Он, в чьей душе всегда гроза,
Как хороши, как человечны
Когда-то страшные глаза,

Черты измученного болью,
Теперь прекрасного лица . . .
— Мальчишескому своеволью
Нет ни преграды, ни конца.

Вон ждет нагая Андромеда,
Пред ней свивается дракон,
Туда, туда, за ним победа
Летит, крылатая, как он.

174. СОЛНЦЕ ДУХА

Как могли мы прежде жить в покое
И не ждать ни радостей, ни бед,
Не мечтать об огнезарном бое,
О рокочущей трубе побед.

Как могли мы . . . но еще не поздно,
Солнце духа наклонилось к нам,
Солнце духа благостно и грозно
Разлилось по нашим небесам.

Расцветает дух, как роза мая,
Как огонь, он разрывает тьму,
Тело, ничего не понимая,
Слепо повинуется ему.

В дикой прелести степных раздолий,
В тихом таинстве лесной глуши
Ничего нет трудного для воли
И мучительного для души.

Чувствую, что скоро осень будет,
Солнечные кончатся труды
И от древа духа снимут люди
Золотые, зрелые плоды.

175. СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Прошел патруль, стуча мечами,
Дурной монах прокрался к милой,
Над островерхими домами
Неведомое опочило.

Но мы спокойны, мы поспорим
Со стражами Господня гнева,
И пахнет звездами и морем
Твой плащ широкий, Женевьева.

Ты помнишь ли, как перед нами
Встал храм, чернеющий во мраке,
Над сумрачными алтарями
Горели огненные знаки.

Торжественный, гранитнокрылый,
Он охранял наш город сонный,
В нем пели молоты и пилы,
В ночи работали масоны.

Слова их скупы и случайны,
Но взоры ясны и упрямы,
Им древние открыты тайны,
Как строить каменные храмы.

Поцеловав порог узорный,
Свершив коленопреклоненье,
Мы попросили так покорно
Тебе и мне благословенья.

Великий Мастер с нивелиром
Стоял средь грохота и гула
И прошептал: «Идите с миром,
Мы побеждаем Вельзевула».

Пока они живут на свете,
Творят закон святого сева,
Мы смело можем быть как дети,
Любить друг друга, Женевьева.

176. ПАДУАНСКИЙ СОБОР

Да, этот храм и дивен, и печален,
Он — искушение, радость и гроза,
Горят в окошечках исповедален
Желаньем истомленные глаза.

Растет и падает напев органа
И вновь растет полнее и страшней,
Как будто кровь, бунтующая пьяно
В гранитных венах сумрачных церквей.

От пурпура, от мучеников томных,
От белизны их обнаженных тел,
Бежать бы из под этих сводов темных,
Пока соблазн душой не овладел.

В глухой таверне старого квартала
Сесть на террасе и спросить вина,
Там от воды приморского канала
Совсем зеленой кажется стена.

Скорей! Одно последнее усилие!
Но вдруг слабеешь, выходя на двор, —
Готические башни, словно крылья,
Католицизм в лазури распростер.

177. ОТЪЕЗЖАЮЩЕМУ

Нет, я не в том тебе завидую
С такой мучительной обидою,
Что уезжаешь ты и вскоре
На Средиземном будешь море.

И Рим увидишь, и Сицилию,
Места любезные Виргилию,
В благоухающей, лимонной
Трущобе сложишь стих влюбленный.

Я это сам не раз испытывал,
Я солью моря грудь пропитывал,
Над Арно, Данте чтя обычай,
Слагал сонеты Беатриче.

Что до природы мне, до древности,
Когда я полон жгучей ревности,
Ведь ты во всем ее убранстве
Увидел Музу Дальних Странствий.

Ведь для тебя в руках изменницы
В хрустальном кубке нектар пенится,
И огнедышащей беседы
Ты знаешь молнии и бреды.

А я, как некими гигантами,
Торжественными фолиантами
От вольной жизни заперт в нишу,
Ее не вижу и не слышу.

178. СНОВА МОРЕ

Я сегодня опять услышал,
Как тяжелый якорь ползет,
И я видел, как в море вышел
Пятипалубный пароход.
Оттого-то и солнце дышит,
А земля говорит, поет.

Неужель хоть одна есть крыса
В грязной кухне, иль червь в норе,
Хоть один беззубый и лысый
И помешанный на добре,
Что не слышат песен Уллиса,
Призывающего к игре?

Ах, к игре с трезубцем Нептуна,
С косами диких нереид
В час, когда буруны, как струны,
Звонко лопаются и дрожит
Пена в них или груди юной,
Самой нежной из Афродит.

Вот и я выхожу из дома
Повстречаться с иной судьбой,
Целый мир, чужой и знакомый,
Породниться готов со мной:
Берегов изгибы, изломы,
И вода, и ветер морской.

Солнце духа, ах, беззакатно,
Не земле его побороть,
Никогда не вернусь обратно,
Усмирю усталую плоть,
Если лето благоприятно,
Если любит меня Господь.

179. АФРИКАНСКАЯ НОЧЬ

Полночь сошла, непроглядная темень,
Только река от луны блестит,
А за рекой неизвестное племя,
Зажигая костры, шумит.

Завтра мы встретимся и узнаем,
Кому быть властителем этих мест;
Им помогает черный камень,
Нам — золотой нательный крест.

Вновь обхожу я бугры и ямы,
Здесь будут вещи, мулы тут;
В этой унылой стране Сидамо
Даже деревья не растут.

Весело думать: если мы одолеем, —
Многих уже одолели мы, —
Снова дорога желтым змеем
Будет вести с холмов на холмы.

Если же завтра волны Уэби
В рев свой возьмут мой предсмертный вздох,
Мертвый, увижу, как в бледном небе
С огненным черным борется бог.

Восточная Африка, 1913.

180. НАСТУПЛЕНИЕ

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня,
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.

Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.

И залитые кровью недели
Ослепительны и легки,
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрее взлетают клинки.

Я кричу, и мой голос дикий,
Это медь ударяет в медь,
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.

Словно молоты громовые
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.

И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

181. СМЕРТЬ

Есть так много жизней достойных,
Но одна лишь достойна смерть,
Лишь под пулями в рвах спокойных
Веришь в знамя Господне, твердь.

И за это знаешь так ясно,
Что в единственный, строгий час,
В час, когда, словно облак красный,
Милый день уплывет из глаз,

Свод небесный будет раздвинут
Пред душою, и душу ту
Белоснежные кони ринут
В ослепительную высоту.

Там Начальник в ярком доспехе,
В грозном шлеме звездных лучей,
И к старинной, бранной потехе
Огнекрылых зов трубачей.

Но и здесь на земле не хуже
Та же смерть — ясна и проста:
Здесь товарищ над павшим тужит
И целует его в уста.

Здесь священник в рясе дырявой
Умиленно поет псалом,
Здесь играют марш величавый
Над едва заметным холмом.

182. ВИДЕНИЕ

Лежал истомленный на ложе болезни
(Что горше, что тягостней ложа болезни?),
И вдруг загорелись усталые очи,
Он видит, он слышит в священном восторге —
Выходят из мрака, выходят из ночи
Святой Пантелеймон и воин Георгий.

Вот речь начинает святой Пантелеймон
(Так сладко, когда говорит Пантелеймон)
— «Бессонны твои покрасневшие вежды,
Пылает и душит твое изголовье,
Но я прикоснусь к тебе краем одежды
И в жилы пролью золотое здоровье». —

И другу вослед выступает Георгий
(Как трубы победы, вещает Георгий)
— «От битв отрекаясь, ты жаждал спасенья,
Но сильного слезы пред Богом неправы,
И Бог не слышал твоего отреченья,
Ты встанешь завтра, и встанешь для славы». —

И скрылись, как два исчезающих света
(Средь мрака ночного два яркие света),
Растущего дня надвигается шорох,
Вот солнце сверкнуло, и встал истомленный
С надменной улыбкой, с весельем во взорах
И с сердцем, открытым для жизни бездонной.

183.

Я вежлив с жизнью современною,
Но между нами есть преграда,
Все, что смешит ее, надменную,
Моя единая отрада.

Победа, слава, подвиг — бледные
Слова, затерянные ныне,
Гремят в душе, как громы медные,
Как голос Господа в пустыне.

Всегда ненужно и непрошено
В мой дом спокойствие входило;
Я клялся быть стрелою, брошенной
Рукой Немврода иль Ахилла.

Но нет, я не герой трагический,
Я ироничнее и суше,
Я злюсь, как идол металлический
Среди фарфоровых игрушек.

Он помнит головы курчавые,
Склоненные к его подножью,
Жрецов молитвы величавые,
Грозу в лесах, объятых дрожью.

И видит, горестно-смеющийся,
Всегда недвижные качели,
Где даме с грудью выдающейся
Пастух играет на свирели.

1913.

184.

Какая странная нега
В ранних сумерках утра,
В таяньи вешнего снега,
Во всем, что гибнет и мудро.

Золотоглазой ночью
Мы вместе читали Данта,
Сереброкудрой зимою
Нам снились розы Леванта.

Утром вставай, тоскуя,
Грусти и радуйся скупю,
Весной проси поцелуя
У женщины милой и глупой.

Цветы, что я рвал ребенком
В зеленом драконьем болоте,
Живые на стебле тонком,
О, где вы теперь цветете?

Ведь есть же мир лучезарней,
Что недоступен обидам
Краснощеких афинских парней,
Хохотавших над Эврипидом.

Я не прожил, я протомился
Половину жизни земной,
И, Господь, вот Ты мне явился
Невозможной такой мечтой.

Вижу свет на горе Фаворе
И безумно тоскую я,
Что влюбил и сушу и море,
Весь дремучий сон бытия;

Что моя молодая сила
Не смирилась перед Твоей,
Что так больно сердце томила
Красота Твоих дочерей.

Но любовь разве цветик алый,
Чтобы ей лишь мгновенье жить,
Но любовь разве пламень мальгй,
Что ее легко погасить?

С этой тихой и грустной думой
Как-нибудь я жизнь дотяну,
А о будущей Ты подумай,
Я и так погубил одну.

186—190. СЧАСТИЕ

1.

Больные верят в розы майские,
И нежны сказки нищеты.
Заснув в тюрьме, виденья райские
Наверняка увидишь ты.
Но нет тревожней и заброшенной —
Печали посреди шелков,
И я принцессе на горошине
Всю кровь мою отдать готов.

2.

— «Хочешь, горбун, поменяться
Своею судьбой с моей,
Хочешь шутить и смеяться,
Быть вольной птицей морей?» —
Он подозрительным взглядом
Смерил меня всего:
— «Уходи, не стой со мной рядом,
Не хочу от тебя ничего!» —

3.

У муки столько струн на лютне,
У счастья нету ни одной,
Взлетевший в небо бесприютней,
Чем опустившийся на дно.

И Заклинающий проказу,
Сказавший деве — талифа! . .
. . . Ему дороже нищий Лазарь
Великолепного волхва.

4.

Ведь я не грешник, о Боже,
Не святотатец, не вор,
И я верю, верю, за что же
Тебя не видит мой взор?
Ах, я не живу в пустыне,
Я молод, весел, пою,
И Ты, я знаю, отринешь
Бедную душу мою!

5.

В мой самый лучший, светлый день,
В тот день Христова Воскресенья,
Мне вдруг примнилось искупленье,
Какого я искал везде.
Мне вдруг почудилось, что, нем,
Изранен, наг, лежу я в чаще,
И стал я плакать надо всем
Слезами радости кипящей.

191. ВОСЬМИСТИШЕ

Ни шороха полночных далей,
Ни песен, что певала мать,
Мы никогда не понимали
Того, что стоило понять.

И, символ горного величья,
Как некий благостный завет,
Высокое косноязычие
Тебе даруется, поэт.

192. ДОЖДЬ

Сквозь дождем забрызганные стекла
Мир мне кажется рябым;
Я гляжу: ничто в нем не поблекло
И не сделалось чужим.

Только зелень стала чуть зловещей,
Словно пролит купорос,
Но зато рисуется в ней резче
Круглый куст кровавых роз.

Капли в лужах плещутся размерней
И бормочут свой псалом,
Как монашенки в часы вечерни
Торопливым голоском.

Слава, слава небу в тучах черных!
То — река весною, где
Вместо рыб стволы деревьев горных
В мутной мечутся воде.

В гиблых омутах волшебных мельниц
Ржанье бешеных коней,
И душе, несчастнейшей из пленниц,
Так и легче и вольней.

193. ВЕЧЕР

Как этот ветер грузен, не крылат!
С надтреснутою дыней схож закат.

И хочется подталкивать слегка
Катящиеся вяло облака.

В такие медленные вечера
Коней карьером гонят кучера,

Сильней веслом рвут воду рыбаки,
Ожесточенной рубят лесники

Огромные, кудрявые дубы . . .
А те, кому доверены судьбы

Вселенского движения и в ком
Всех ритмов бывших и небывших дом,

Слагают окрыленные стихи,
Расковывая косный сон стихий.

194. ГЕНУЯ

В Генуе, в палаццо дождей
Есть старинные картины,
На которых странно схожи
С лебедями бригантины.

Возле них, сойдясь гурьбою,
Моряки и арматоры
Все ведут между собою
Вековые разговоры,

С блеском глаз, с усмешкой важной,
Как живые, неживые . . .
От залива ветер влажный
Спутал бороды седые.

Миг один, и будет чудо;
Вот один из них, смелея,
Спросит: — «Вы синьор, откуда,
Из Ливорно иль Пирея?

«Если будете в Брабанте,
Там мой брат торгует летом,
Отвезите бочку кьянти
От меня ему с приветом». —

195. КИТАЙСКАЯ ДЕВУШКА

Голубая беседка
Посредине реки,
Как плетеная клетка,
Где живут мотыльки.

И из этой беседки
Я смотрю на зарю,
Как качаются ветки,
Иногда я смотрю;

Как качаются ветки,
Как скользят челноки,
Огибая беседки
Посредине реки.

У меня же в темнице
Куст фарфоровых роз,
Металлической птицы
Блещет золотом хвост.

И, не веря в приманки,
Я пишу на шелку
Безмятежные танки
Про любовь и тоску.

Мой жених все влюбленной;
Пусть он лыс и устал,
Он недавно в Кантоне
Все экзамены сдал.

196. РАЙ

Апостол Петр, бери свои ключи,
Достойный рая в дверь его стучит.

Святой Фома с отцами церкви там
Покажет, что я в догматах был прям.

Георгий пусть поведаст о том,
Как в дни войны сражался я с врагом.

Святой Антоний может подтвердить,
Что плоти я никак не мог смирить.

Но и святой Цецилии уста
Прошепчут, что душа моя чиста.

Мне часто снились райские сады,
Среди ветвей румяные плоды,

Лучи и ангельские голоса,
Внемировой природы чудеса.

И знаешь ты, что утренние сны
Как предзнаменования нам даны.

Апостол Петр, ведь если я уйду
Отвергнутым, что делать мне в аду?

Моя любовь растопит адский лед,
И адский огонь слеза моя зальет.

Перед тобою темный серафим
Появится ходатаем моим.

Не медли более, бери ключи,
Достойный рая в дверь его стучит.

197. ИСЛАМ

О. Н. Высотской.

В ночном кафе мы молча пили кьянти,
Когда вошел, спросивши шерри-бренди,
Высокий и седеющий эффенди,
Враг злейший христиан на всем Леванте.

И я ему заметил: — «Перестаньте,
Мой друг, презрительного корчить дэнди,
В тот час, когда, быть может, по легенде
В зеленый сумрак входит Дамаянти». —

Но он, ногою топнув, крикнул: — «Бабы!
Вы знаете ль, что черный камень Кабы
Поддельным признан был на той неделе?» —

Потом вздохнул, задумавшись глубоко,
И прошептал с печалью: — «Мыши съели
Три волоска из бороды Пророка». —

198. БОЛОНЬЯ

Нет воды вкуснее, чем в Романье,
Нет прекрасней женщин, чем в Болонье,
В лунной мгле разносятся признанья,
От цветов струится благовонье.

Лишь фонарь идущего вельможи
На мгновение выхватит из мрака
Между кружев розоватость кожи,
Длинный ус, что крутит забияка.

И его скорей проносят мимо,
А любовь глядит и торжествует.
О, как пахнут волосы любимой,
Как дрожит она, когда целует.

Но вино, чем слаще, тем хмельнее,
Дама, чем красивей, тем лукавей,
Вот уже уходят ротозеи
В тишине мечтать о высшей славе.

И они придут, придут до света
С мудрой думой о Юстиниане
К темной двери университета,
Векового логовища знаний.

Старый доктор сгорблен в красной тоге,
Он законов ищет в беззаконьи,
Но и он порой волочит ноги
По веселым улицам Болоньи.

199. СКАЗКА

Тэффи

На скале, у самого края,
Где река Елизабет, протекая,
Скалит камни, как зубы, был замок.

На его зубцы и бойницы
Прилетали тощие птицы,
Глухо каркали, предвещая.

А внизу, у самого склона,
Залегала берлога дракона,
Шестиногого, с рыжей шерстью.

Сам хозяин был черен, как в дегте,
У него были длинные когти,
Гибкий хвост под плащом он прятал.

Жил он скромно, хотя не медведем,
И известно было соседям,
Что он просто-напросто дьявол.

Но соседи его были тоже
Подозрительной масти и кожи,
Ворон, оборотень и гиена.

Собирались они и до света
Были у реки Елизабета,
А потом в домино играли.

И так быстро летело время,
Что простое крапивное семя
Успевало взойти крапивой.

Это было еще до Адама,
В небесах жил не Бог, а Брама,
И на все он смотрел сквозь пальцы.

Жить да жить бы им без печали!
Но однажды в ночь переспали
Вместе оборотень и гиена.

И родился у них ребенок,
Не то птица, не то котенок,
Он радужно был взят в компанию.

Вот собрались они как обычно
И, повыв над рекой отлично,
Как всегда, за игру засели.

И играли, играли, играли,
Как играть приходилось едва ли
Им, до одури, до одышки.

Только выиграл все ребенок:
И бездонный пивной боченок,
И поля, и уголья, и замок.

Закричал, раздувшись как груда:
«Уходите вы все отсюда,
Я ни с кем не стану делиться!

«Только добрую, старую маму
Посажу я в ту самую яму,
Где была берлога дракона». —

Вечером по берегу Елизабета
Ехала черная карета,
А в карете сидел старый дьявол.

Позади тащились другие,
Озабоченные, больные,
Глухо кашляя, подвывая.

Кто храбрился, кто ныл, кто сердился . . .
А тогда уж Адам родился,
Бог спаси Адама и Еву!

200. НЕАПОЛЬ

Как эмаль, сверкает море,
И багряные закаты
На готическом соборе,
Словно гарпии, крылаты;
Но какой античной грязью
Полон город, и не вдруг
К золотому безобразью
Нас приучит буйный юг.

Пахнет рыбой и лимоном,
И духами парижанки,
Что под зонтиком зеленым
И несет креветок в банке;

А за кучею навоза
Два косматых старика
Режут хлеб . . . Сальватор Роза
Их провидел сквозь века.

Здесь не жарко, с моря веют
Белобрысые туманы,
Все хотят и все не смеют
Выйти в полночь на поляны,
Где седые, грозовые
Скалы высятся венцом,
Где засела малярия
С желтым бешеным лицом.

И, как птица с трубкой в клюве,
Поднимает острый гребень,
Сладко нежится Везувий,
Расплескавшись в сонном небе.
Бьются облачные кони,
Поднимаясь на зенит,
Но, как истый лаццарони,
Все дымит он и храпит.

201. СТАРАЯ ДЕВА

Жизнь печальна, жизнь пустынна,
И не сжалится никто;
Те же вазочки в гостиной,
Те же рамки и плато.

Томик пыльный, томик серый
Я беру, тоску кляня,
Но и в книгах кавалеры
Влюблены, да не в меня.

А меня совсем иною
Отражают зеркала:
Я наяда под луною
В зыби водного стекла.

В глубине средневековья
Я принцесса, что, дрожа,
Принимает славословья
От красивого пажа.

Иль на празднике Версаля
В час, когда заснет земля,
Взоры юношей печала,
Я пленяю короля.

Иль влюблен в мои романсы
Весь парижский полусвет
Так, что мне слагает стансы
С львиной гривой поэт.

Выйду замуж, буду дамой,
Злой и верною женой,
Но мечте моей упрямой
Никогда не стать иной.

И зато за мной, усталой,
Смерть прискачет на коне,
Словно рыцарь, с розой алой
На чешуйчатой броне.

202. ПОЧТОВЫЙ ЧИНОВНИК

Ушла . . . Завяли ветки
Сирени голубой,
И даже чижик в клетке
Заплакал надо мной.

Что пользы, глупый чижик,
Что пользы нам грустить,
Она теперь в Париже,
В Берлине, может быть.

Страшнее страшных пугал
Красивым честный путь,
И нам в наш тихий угол
Беглянки не вернуть.

От Знаменья псаломщик
В цилиндре на боку,
Большой, костлявый, тощий,
Зайдет попить чайку.

На днях его подруга
Ушла в веселый дом,
И мы теперь друг друга
Наверное пойдем.

Мы ничего не знаем,
Ни как, ни почему,
Весь мир необитаем,
Неясен он уму.

А песню вырвет мука,
Так старая она:
— «Разлука ты, разлука,
Чужая сторона!»

203. БОЛЬНОЙ

В моем бреду одна меня томит
Каких-то острых линий бесконечность,
И непрерывно колокол звонит,
Как бой часов отзванивал бы вечность.

Мне кажется, что после смерти так
С мучительной надеждой воскресенья
Глаза вперяются в окрестный мрак,
Ища давно знакомые виденья.

Но в океане первозданной мглы
Нет голосов, и нет травы зеленой,
А только кубы, ромбы, да углы,
Да злые, нескончаемые звоны.

О, хоть бы сон настиг меня скорей!
Уйти бы, как на праздник примиренья,
На желтые пески седых морей,
Считать большие, бурые камни.

204. ОДА Д'АННУНЦИО

К его выступлению в Генуе.

Опять волчица на столбе
Рычит в огне багряных светов . . .
Судьба Италии — в судьбе
Ее торжественных поэтов.

Был Августов высокий век,
И золотые строки были:
Спокойней величавых рек
С ней разговаривал Виргилий.

Был век печали; и тогда,
Как враг в ее стучался двери,
Бежал от мирного труда
Изгнанник бледный, Алигьери.

Униженная до конца,
Страна, веселием объята,
Короновала мертвеца
В короновании Торквата.

И в дни прекраснейшей войны,
Которой кланяюсь я земно,
К которой завистью полны
И Александр и Агамемнон,

Когда все лучшее, что в нас
Таилось скупое и суровое,
Вся сила духа, доблесть рас,
Свои разрушило оковы —

Слова: «Встает великий Рим,
Берите ружья, дети горя . . .»
— Грозней громов; внимая им,
Толпа взволнованнее моря.

А море синей пеленой
Легло вокруг, как мощь и слава
Италии, как щит святой
Ее стариннейшего права.

А горы стынут в небесах,
Загадочны и незнакомы,
Там зреют молнии в лесах,
Там чутко притаились громы.

И, конь встающий на дыбы,
Народ поверил в правду света,
Вручая страшные судьбы
Рукам изнеженным поэта.

И всё поют, поют стихи
О том, что вольные народы
Живут, как образы стихий,
Ветра, и пламени, и воды.

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЕРВОЕ

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ ГУМИЛЕВЫМ
В ПОСЛЕДНИЕ ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ
СБОРНИКОВ ЕГО СТИХОВ.**

205. АХИЛЛ И ОДИССЕЙ

О д и с с е й

Брат мой, я вижу глаза твои тусклые,
Вместо доспехов меха леопарда
С негой обвили могучие мускулы,
Чувствую запах не крови, а нарда.

Сладкими винами кубок твой полнится,
Тщетно вождя ожидают в отряде,
И завивает, как деве, невольница
Черных кудрей твоих длинные пряди.

Ты отдыхаешь под светлыми кущами,
Сердце безгневно и взор твой лилеен,
В час, когда дебри покрыты бегущими,
Поле — телами убитых ахейн.

Каждое утро страдания новые . . .
Вот, я раскрыл пред тобою одежды,
Видишь, как кровь убегает багровая,
Это не кровь, это наши надежды.

А х и л л

Брось, Одиссей, эти стоны притворные,
Красная кровь вас с землей не разлучит,
А у меня она страшная, черная,
В сердце скопилась и давит и мучит.

Нас было пять . . . мы были капитаны,
Водители безумных кораблей,
И мы переплывали океаны,
Позор для Бога, ужас для людей.

Далекие загадочные страны
Нас не пленяли чарою своей,
Нам нравились зияющие раны,
И зарева, и жалкий треск снастей.

Наш взор являл туманное ненастье,
Что можно видеть, но понять нельзя,
И после смерти наши привиденья

Поднялись, как подводные камни,
Как прежде черной гибелью грозя
Искателям неведомого счастья.

Одинок-незрячее солнце смотрело на страны,
Где безумье и ужас от века застыли на всем,
Где гора в отдалении казалась взъерошенным псом,
Где клокочущей черною медью дышали вулканы.

Были сумерки мира.

Но на небе внезапно качнулась широкая тень,
И кометы, что мчались, как волки свирепы и грубы,
И сшибались друг с другом, оскалив железные зубы,
Закружились, встревоженным воем приветствуя день.

Был испуг ожидания.

И в терновом венке, под которым сочилась кровь,
Вышла тонкая девушка, нежная в синем сиянии,
И серебряным плугом упорную взрезала новь,
Сочетанья планет ей назначили имя: Страданье.

Это было спасенье.

208. ОДИНОЧЕСТВО

Я спал, и смысла пена белая
Меня с родного корабля,
И в черных водах, помертвевая,
Открылась мне моя земля.

Она полна конями быстрыми
И красным золотом пещер,
Но ночью вспыхивают искрами
Глаза блуждающих пантер.

Там травы славятся узорами
И реки словно зеркала,
Но рощи полны мандрагорами,
Цветами ужаса и зла.

На синевато-белом мраморе
Я высоко воздвиг маяк,
Чтоб пробегающие на море
Далеко видели мой стяг.

Я предлагал им перья страуса,
Плоды, коралловую нить,
Но ни один стремленья паруса
Не захотел остановить.

Все чтили древнего оракула
И приговор его суда
О том, чтоб вечно сердце плакало
У всех заброшенных сюда.

И надо мною одиночество
Возносит огненную плеть
За то, что древнее пророчество
Мне суждено преодолеть.

209. В ПУСТЫНЕ

Давно вода в мехах иссякла,
Но, как собака, не умру:
Я в память дивного Геракла
Сперва отдам себя костру.

И пусть, пылая, жалят сучья,
Грозит чернеющий Эреб,
Какое странное созвучье
У двух враждующих судеб!

Он был героем, я — бродягой,
Он — полубог, я — полузверь,
Но с одинаковой отвагой
Стучим мы в замкнутую дверь.

Пред смертью все, Терсит и Гектор,
Равно ничтожны и славны,
Я также выпью сладкий нектар
В полях лазоревой страны.

210. АДАМ

Адам, униженный Адам,
Твой бледен лик и взор твой бешен,
Скорбишь ли ты по тем плодам,
Что ты срывал, еще безгрешен?

Скорбишь ли ты о той поре,
Когда, еще ребенок-дева,
В душистый полдень на горе
Перед тобой плясала Ева?

Теперь ты знаешь тяжкий труд
И дуновение смерти грозной,
Ты знаешь бешенство минут,
Припоминая слово — «поздно».

И боль жестокую, и стыд,
Неутолимый и бесстрастный,
Который медленно томит,
Который мучит сладострастно.

Ты был в раю, но ты был царь,
И честь была тебе порукой,
За счастье, вспыхнувшее встарь,
Надменный втрое платит мукой.

За то, что не был ты как труп,
Горел, искал и был обманут,
В высоком небе хоры труб
Тебе греметь не перестанут.

В суровой доле будь упрямым,
Будь хмурым, бледным и согбенным,
Но не скорби по тем плодам,
Неискупленным и презренным.

211. ТЕАТР

Все мы, святые и воры,
Из алтаря и острога,
Все мы — смешные актеры
В театре Господа Бога.

Бог восседает на троне,
Смотрит, смеясь, на подмости,
Звезды на пышном хитоне
Позолоченные блески.

Так хорошо и привольно
В ложе предвечного света,
Дева Мария довольна,
Смотрит, склоняясь, в либретто:

— Гамлет? Он должен быть бледным.
Каин? Тот должен быть грубым . . .
Зрители внемлют победным
Солнечным, ангельским трубам.

Бог, наклонясь, наблюдает,
К пьесе он полон участия. —
Жаль, если Каин рыдает,
Гамлет изведает счастье!

Так не должно быть по плану!
Чтобы блюсти упущенья,
Боли, глухому титану,
Вверил он ход представленья.

Боль вознеслася горою,
Хитрой раскинулась сетью,
Всех, утомленных игрою,
Хлещет кровавою плетью.

Множатся пытки и казни . . .
И возрастает тревога,
Что, коль не кончится праздник
В театре Господа Бога?!

212. ПРАВЫЙ ПУТЬ

В муках и пытках рождается слово,
Робкое, тихо проходит по жизни,
Странник — оно, — из ковша золотого
Пьющий остатки на варварской тризне.

Выйдешь к природе! Природа враждебна,
Все в ней путает, всего в ней помногу,
Вечно звучит в ней фанфара молебна
Не твоему и ненужному Богу.

Смерть? Но сперва эту сказку поэта
Взвесь осторожно и мудро исчисли,
— Жалко не будет ни жизни, ни света,
Но пожалеешь о царственной мысли.

Что ж, это путь величавый и строгий:
Плакать с осенним пронзительным ветром,
С нищими нищим таиться в берлоге,
Хмурые думы оковывать метром.

213. КОЛДУНЬЯ

Она колдует тихой ночью
У потемневшего окна
И страстно хочет, чтоб воочью
Ей тайна сделалась видна.

Как бред, мольба ее бессвязна,
Но мысль упорна и горда,
Она не ведает соблазна
И не отступит никогда.

Внизу . . . там дремлет город пестрый,
И кто-то слушает и ждет,
Но меч, уверенный и острый,
Он тоже знает свой черед.

На мертвой площади, где серо
И сонно падает роса,
Живет неслыханная вера
В ее ночные чудеса.

Но тщетен зов ее кручины,
Земля все та же, что была,
Вот солнце выйдет из пучины
И позолотит купола.

Ночные тени станут реже,
Прольется гул, как ропот вод,
И в сонный город ветер свежий
Прохладу моря донесет.

И меч сверкнет, и кто-то вскрикнет,
Кого-то примет тишина,
Когда усталая поникнет
У заалевшего окна.

214. ОХОТА

Князь вынул бич и кинул клич,
Грозу охотничьих добыч,

И белый конь, душа погонь,
Ворвался в стынущую сонь.

Удар копыт в снегу шуршит,
И зверь встает, и зверь бежит,

Но не спастись ни в глубь, ни в высь,
Как змеи, стрелы понеслись.

Их легкий взмах наводит страх
На неуклюжих росомах,

Грызет их медь седой медведь,
Но все же должен умереть,
И легче птиц, склоняясь ниц,
Князь ищет четкий след лисиц.
Но вечер ал, и князь устал,
Прилег на мох и задремал,
Не дремлет конь, его не тронь,
Огонь в глазах его, огонь.
И, волк равнин, подходит финн
Туда, где дремлет властелин,
А ночь светла, земля бела,
Господь, спаси его от зла!

215. УХОДЯЩЕЙ

Не медной музыкой фанфар,
Не грохотом рогов
Я мой приветствовал пожар
И сон твоих шагов.

— Сковала бледные уста
Святая Тишина,
И в небе знаменем Христа
Сияла нам луна.

И рокотали соловьи
О Розе Горних Стран,
Когда глаза мои, твои
Заворожил туман.

И вот теперь, когда с тобой
Я здесь последний раз,
Слезы ни флейта, ни гобой
Не вызовут из глаз.

Теперь душа твоя мертва,
Мечта твоя темна,
А мне все те ж твердит слова
Святая Тишина

Соединяющий тела
Их разлучает вновь,
Но будет жизнь моя светла,
Пока жива любовь.

216. СЕВЕРНЫЙ РАДЖА

Валентину Кривичу.

1.

Она простерлась, не живая,
Когда замьшлен был набег,
Ее сковали грусть без края
И синий лед и белый снег.

Но и задумчивые ели
В цветах серебряной луны,
Всегда тревожные, хотели
Святой по-новому весны.

И над страной лесов и гатей
Сверкнула золотом заря,
То шли бесчисленные рати
Непобедимого царя.

Он жил на сказочных озерах,
Дитя брильянтовых раджей,
И радость светлая во взорах,
И губы лотуса свежей.

Но, сына царского, на север
Его таинственно влечет,
Он хочет в поле видеть клевер,
В сосновых рощах желтый мед.

Гудит земля, оружие блещет,
Трубят военные слоны,
И сын полуночи трепещет
Пред сыном солнечной страны.

Се — царь! Придите и поймите
Его спасающую сеть,
В кипучий вихрь его событий
Спешите кануть и сгореть.

Легко сгореть и встать иными,
Ступить на новую межу,
Чтоб встретить в пламени и дыме
Владыку Севера, Раджу.

2.

Он встал на крайнем берегу,
И было хмуро побережье,
Едва чернели на снегу
Следы глубокие, медвежьи.

Да в отдаленной полынье
Плескались рыжие тюлени,
Да небо в розовом огне
Бросало ровный свет без тени.

Он обернулся . . . там, во мгле
Дрожали зябнувшие парсы
И, обессилев, на земле
Валялись царственные барсы,

А дальше падали слоны,
Дрожа, стонали, как гиганты,
И лился мягкий свет луны
На их уборы, их брильянты.

Но людям, павшим перед ним,
Царь кинул гордое решение:
«Мы в царстве снега создадим
Иную Индию . . . Виденье».

«На этот звонкий синий лед
Утесы мрамора не лягут
И лотус здесь не зацветет
Под вековою сенью пагод».

«Но будет белая заря
Пылать слепительнее вдвое,
Чем у бирманского царя
Костры из мирры и алоэ».

«Не бойтесь этой наготы
И песен холода и вьюги,
Вы обретете здесь цветы,
Каких не знали бы на юге».

3.

И древле мертвая страна
С ее нетронутою новью,
Как дева юная, пьяна
Своей великою любовью.

Из дивной Галлии воотще
К ней приходили кавалеры,
Красуясь в бархатном плаще,
Манили к тайнам чуждой веры.

И Византии строгой речь,
Ее задумчивые книги,
Не заковали этих плеч
В свои тяжелые вериги.

Здесь каждый миг была весна
И в каждом взоре жило солнце,
Когда смотрела тишина
Сквозь закоптелое оконце.

И каждый мыслил: «Я в бреду,
Я сплю, но радости все те же,
Вот встану в розовом саду
Над белым мрамором прибрежий».

«И та, которую люблю,
Придет застенчиво и томно,
Она близка . . . теперь я сплю
И хорошо, у грезы темной».

Живет закон священной лжи
В картине, статуе, поэме —
Мечта великого Раджи,
Благословляемая всеми.

ПРИЛОЖЕНИЕ ВТОРОЕ

ЧЕТВЕРТАЯ ПЕСНЬ ПОЭМЫ

«ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ»

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Мы взошли по горному карнизу
Так высоко за гнездом орла;
Вечер сбросил золотую ризу,
И она на западе легла;
В небе загорались звезды; снизу
Наплывала голубая мгла.

Муза, ты дрожишь, как в лихорадке,
Взор горит и кудри в беспорядке.
Что с тобой? Разгаданы загадки,
Хитрую распутали мы сеть . . .
Успокойся, Муза, чтобы петь,
Нужен голос ясный словно медь!

Голосом глубоким и кристальным
Славу тополям пирамидальным
Мы с тобою ныне воспоем,
Славу рекам в блеске золотом,
Розовым деревьям и миндальным
И всему, что видим мы вдвоем.

Новый мир, как девушка невинный! . .
Кто ж прольет девическую кровь?
Кто визжаньем пил, как чарой винной,
Одурманил лес еще пустынный,
Острым плугом взрежет эту новь
И заплатит мукой за любовь?

Знаю! Сердце девушек бесстрастно,
Как они, не мучить никому:
Огонек болот отравит тьму,
Отуманит душу шум неясный,
Подкрадется ягуар опасный,
Победитель, к лоту твоему.

Крик . . . движение . . . и потонет в бездне
Той, что ночи Севера беззвездней,
Слишком много увидавший взгляд.
Здесь любовь несет с собой болезни,
Здесь растенья кроют сладкий яд,
И о крови боги говорят.

Но напрасно! Воли человеческой
Не сдержать ни ядам, ни богам!
В глубине пещер, по берегам
Тихих рек, по чашам и по рвам,
Всюду, всюду, близко и далече,
Запоют, пройдут людские речи.

Поднимайся занавес времен
И развейся сумрачная чара!
Каждый павший будет отомщен,
Силою возвратного удара,
Зов свобод здесь кинет Вашингтон,
И пройдет, как молния, Пизарро.

Девушка, игравшая судьбой,
Сделается нежною женой,
Милым сотоварищем в работе . . .
Водопады с пеной ледяной,
Островки, забытые в болоте,
Вы для жизни духа оживете!

Друг за другом встанут города,
Там забрызжет детский смех, и деды
Заведут спокойные беседы,
Вспоминая старые года . . .
Но безумцы, те уйдут туда,
Где еще не веял стяг победы.

Потому что Бог их — Бог измен!
Путник, Он идет над звездным севом,
Он всечасно хочет перемен;
Белизна нагих Его колен,
Вздых, звучащий солнечным напевом,
Снятся только ангелам и девам.

Странный Бог, не ведающий зла,
Честный, как летящая стрела,
Чуждая и круга, и угла,
Стройный Бог с душою пьяной снами,
Легкими и быстрыми шагами
Вдаль и вдаль идущий над мирами!

Голос твой, о Муза, точно рог, —
Он сродни тебе, веселый Бог!
Эти губы алого коралла
Ты когда-то в небе целовала,
Ты уже касалась этих ног
С их отливом бледного опала.

Заповедь его нам назови,
Дай нам знак, что ты пришла оттуда!
Каждый вестник был досель Иуда.
Мы устали. Мы так жаждем чуда.
Мы так жаждем истинной любви . . .
— Будь как Бог: иди, лети, плыви!

ПРИЛОЖЕНИЕ ТРЕТЬЕ

**ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ РЕДАКЦИИ
НЕКОТОРЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ
В СБОРНИКАХ
«РОМАНТИЧЕСКИЕ ЦВЕТЫ», «ЖЕМЧУГА»
И «КОЛЧАН»**

26 а. СКАЗОЧНОЕ

Ярче золота вспыхнули дни,
И бежала медведица-ночь,
Догони ее, князь, догони,
Зааркань и к седлу приторочь.

Через лес, через ров, через гать
Устремилась она к колдуну,
Чтоб с недобрым гадать, волховать
И губить молодую весну.

Догони ее, князь, догони,
Не жалея дорогого коня,
Посмотри, усмеваются пни,
В темных дуплах мерцанье огня.

Зааркань и к седлу приторочь,
А потом в голубом терему
Укажи на медведицу-ночь
Богатырскому псу своему.

Мертвой хваткой вцепляется пес,
Он отважен, силен и хитер,
Он звериную злобу донес
К колдунам с незапятнанных пор.

Великая Радость, смеясь,
На узорное ступит крыльцо,
Тихо молвит: «Люблю тебя, князь,
Для тебя я открыла лицо».

В мой мозг, в мой гордый мозг собрались думы,
Как воры ночью в тихий мрак предместий,
Как коршуны зловещи и угрюмы,
Они, столпившись, требовали мести.

Я был один. Мечты мои бежали,
Мои глаза раскрылись от волненья,
И я читал на призрачной скрижали
Мои слова, дела, и преступленья.

За то, что я холодными глазами
Смотрел на игры смелых и победных,
За то, что я кровавыми устами
Касался уст, трепещущих и бледных,

За то, что эти руки, эти пальцы
Не знали плуга, были слишком стройны,
За то, что песни, вечные скитальцы,
Обманывали, были беспокойны,

За все теперь настало время мести,
Мой лживый, нежный храм слепцы разрушат,
И думы, воры в тишине предместий,
Как нищего во мгле, меня задуют.

29 а. МАСКАРАД

В глухих коридорах и в залах пустынных
Сегодня собрались веселые маски,
В увитых ночными цветами гостинных
Открылись их странные, дикие ласки.

Над ними повисли тяжелые чары,
Высокие свечи горели, краснея,
И в темные сны погружались пары,
Монах, арлекин, или светлая фея.

Гремела веселая музыка вальса,
И я танцевал с куртизанкой Содома,
О чем-то вздыхал я, чему-то смеялся,
И что-то мне было так близко знакомо.

Молил я подругу: «Сними свою маску!
Меня так волнуют и дразнят напевы,
Какую роскошную, дивную сказку
Сплетем мы с тобою, о, смуглая дева!

Для всех ты останешься странно-чужою,
И лишь для меня бесконечно-знакома,
И я от людей и от масок сокрою,
Что знаю тебя я, царица Содома!

Ты вся так прекрасна и так непонятна,
Мне душу измучила вечная тайна» . . .
«Пойдем же», она мне шепнула чуть внятно,
Как будто невольно, как будто случайно.

И там, где поднялись в конце коридора
Колонны, похожие больше на сказку,
Она улыбнулась мерцанием зора
И быстрым движеньем сняла свою маску.

Я вспомнил, я вспомнил . . . такие же тени,
Такую же дикую дрожь сладострастья
И ласковый, вкрадчивый шопот: «Воскресни,
Умри и воскресни для неги и счастья».

Я многое понял в тот миг сокровенный,
Но страшную клятву мою не нарушу.
Царица, царица! Ты видишь, я пленный,
Возьми мое тело, возьми мою душу!

64 а. НЕОРОМАНТИЧЕСКАЯ СКАЗКА

Над высокою горою
Поднимались стены замка,
И река вилась змеею
Как причудливая рамка.

Ночью солнце там дремало,
Петь в том замке был обычай,
И он звался замком Лалло,
Лебедей и Горных Кличей.

В замке были властелины —
Принц, на днях еще из детской,
Золотистые павлины
И напыщенный дворецкий.

Принц был облачка прелестней,
Принц был ласточки проворней,
Он был прозван принцем песни
Посреди веселой дворни.

И павлины, словно феи,
Краской спорили с цветами,
Выгибая с негой шеи,
Похваляясь хвостами.

Без цветистых прибауток
Говорить не мог дворецкий,
И служил предметом шуток
Всем парик его немецкий.

В зале гордых восклицаний
Много копий и арканов,
Чтоб охотиться на ланей
И рыкающих кабанов.

Были выписаны своры
Псов высоких и красивых
И рожки, что звали в горы
В серебристых переливах.

Вид принявши молодецкий,
Принц несется на охоту,
Но за ним бежит дворецкий,
Отгнав свою дремоту.

Он кричит в смешном испуге
— Кудри смялись, развились —
«Гей, вы там, постойте, слуги,
Принц, не ездите, воротитесь!»

За пределами Веледа
Есть заклые дороги,
Там я видел людоеда
На огромном носороге.

Кровожадный, ликом темный,
Он бросает злые взоры,
Носорог его огромный
Потрясает ревом горы.

Не ходи за те границы,
Помни старые законы,
Видишь, траурные птицы,
В небе плавают вороны».

Принц не слушает и мчится,
Белый панцырь так и блещет,
Сокол — царственная птица —
На руке его трепещет.

И, скача из рощей в рощи,
Он вошел в страну страданья,
Где, как папоротник тощий,
Вырастают заклинанья.

Там жилище людоеда —
Скал поднялися уступы
И, трофей его победы,
Полусъеденные трупы.

Там, как сны необычайны,
Извиваются удавы . . .
. . . Но дворецкий знает тайны,
Жжет магические травы.

Не успел алтарь остынуть —
Людоед уже встревожен,
Не пытается он вынуть
Меч сверкающий из ножен.

На душе тяжелый ужас,
Непонятная тревога,
И трубит он в рог, натужась,
Чтобы вызвать носорога.

Но он скоро рог оставит,
Друг его в лесистом мраке,
Где его упорно травят
Быстроногие собаки.

Юный принц вошел нечаян
В замок зла и заклинаний,
И испуганный хозяин
Был потащен на аркане . . .

. . . В час красивый и вечерний,
В замок Лалло, Горных Кличей,
На потеху праздной черни
Принц является с добычей.

Людоеда посадили
Одного с его тоскою
В башню мрака, башню пыли,
За высокою стеною.

Говорят, он стал добрее,
Проходящим строит глазки
И о том, как пляшут феи,
Сочиняет детям сказки.

69 а. ПОЕДИНОК

В твоём гербе невинность лилий,
В моём — багряные цветы.
И близок бой, рога завывли,
Сверкнули золотом щиты.

Идем, и каждый взгляд упорен,
И ухо ловит каждый звук,
И серебром жемчужных зерен
Блистают перевязи рук.

Я вызван был на поединок
Под звоны бубнов и литавр
Среди смеющихся тропинок,
Как тигр в саду — угрюмый мавр.

Ты — дева-воин песен давних,
Тобой гордятся короли,
Твое копье не знает равных
В пределах моря и земли.

Страшна борьба меж днем и ночью,
Но Богом нам она дана,
Чтоб люди видели воочью,
Кому победа суждена.

Клинки столкнулись, — отскочили,
И войско в трепете глядит,
Как мы схватились и застыли:
Ты — гибкость стали, я — гранит.

Меня слепит твой взгляд упорный,
Твои сомкнутые уста,
Я задыхаюсь в муке черной,
И побеждает красота.

Я пал . . . и молнии победней
Сверкнул и в тело впился нож . . .
Тебе восторг — мой стон последний,
Моя прерывистая дрожь.

И ты уходишь в славе ратной,
Толпа поет тебе хвалы,
Но ты воротись обратно,
Одна, в плаще весенней мглы.

И, над равниной дымно-белой
Мерцая шлемом золотым,
Найдешь мой труп окоченелый
И снова склонишься над ним:

«Люблю! О, помни это слово,
Я сохраню его всегда,
Тебя убила я живого,
Но не забуду никогда».

Лучи, сокройтесь назад вы . . .
Но заалела пена рек,
Уходишь ты, с тобою клятвы,
Ненарушимые вовек.

Еще не умер звук рыданий,
Еще шуршит твой белый шелк,
А уж ко мне ползет в тумане
Нетерпеливо-жадный волк.

89 а. СВИДАНЬЕ

Сегодня ты придешь ко мне,
Сегодня я пойму,
Зачем так странно при луне
Остаться одному.

Ты остановишься, бледна,
И тихо сбросишь плащ,
Не так ли полная луна
Встает из темных чащ?

И, околдованный луной,
Окованный тобой,
Я буду счастлив тишиной,
И мраком, и судьбой.

Так зверь безрадостных лесов,
Почуявший весну,
Внимает шороху часов
И смотрит на луну.

И тихо крадется в овраг
Будить ночные сны,
И согласует легкий шаг
С движением луны.

Как он, и я хочу молчать,
Смотреть и изнемочь,
Храня торжественно печать,
Твою печать, о Ночь!

И будет много светлых лун
Во мне и вокруг меня,
И бледный берег древних дюн
Откроется, маня.

И донесет из темноты
Зеленый океан
Кораллы, жемчуг и цветы,
Дары далеких стран.

И вздохи тысячи существ,
Исчезнувших давно,
И темный сон немых веществ,
И звездное вино.

... Уйдешь, и буду я внимать
Последней песне лун,
Смотреть, как день встает опять
Над гладью бледных дюн.

164 а. ПЯТИСТОПНЫЕ ЯМБЫ

Первоначальный вариант окончания
(после седьмой строфы)

Я не скорблю. Так было надо. Правый
Перед собой, не знаю я обид.
Ни тайнами, ни радостью, ни славой
Мгновенный мир меня не обольстит,
И женский взор, то нежный, то лукавый,
Лишь изредка, во сне, меня томит.

Лишь изредка, надменно и упрямо
Во мне кричит ветшающий Адам,
Но тот, кто видел лилию Хирама,
Тот не грустит по сказочным садам,
А набожно возводит стены храма,
Угодного земле и небесам.

Нас много здесь собралось с молотками,
И вместе нам работать веселей;
Одна любовь сковала нас цепями,
Что адаманта тверже и светлей,
И машет белоснежными крылами
Каких-то небывалых лебедей.

Нас много, но одни во власти ночи,
А колыбель других еще пуста,
О тех скорбит, а о других пророчит
Земных зеленых весен красота,
Я ж — Прошлого увидевшие очи,
Грядущего разверстые уста.

Все выше храм, торжественный и дивный,
В нем дышит ладан и поет орган;
Сияют нимбы; облак переливный
Свечей и солнца — радужный туман;
И слышен голос Мастера призывный
Нам, каменщикам всех времен и стран.

ПРИЛОЖЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ПРИМЕЧАНИЯ.

РАЗНОЧТЕНИЯ.

ПРИМЕЧАНИЯ

Названия сборников стихов Гумилева даются нами в примечаниях сокращенно: «Путь конквистадоров» — «ПК», «Романтические цветы» — «РЦ», «Жемчуга» — «Ж», «Чужое небо» — «ЧН» и «Колчан» — «Колч»; где нужно, с добавлением года издания (напр. «РЦ 1908»).

ПУТЬ КОНКВИСТАДОРОВ

Стихи этого сборника воспроизводятся нами по единственному, никогда не перепечатывавшемуся изданию 1905 года (цензурное разрешение на обороте титульного листа датировано: «Спб., 3 Октября 1905 года»). Только три стихотворения из этого сборника были позднее включены Гумилевым в переработанном виде в «РЦ 1918». В интересах соблюдения цельности первого — юношеского — сборника стихов поэта эти стихотворения даются нами здесь в их первоначальной редакции, тогда как позднейшие редакции читатель найдет в составе «РЦ». Стихотворения эти оговорены нами в следующих ниже комментариях. Для стихов этого первого сборника Гумилева нам не удалось отыскать первоначальных публикаций, хотя известно, что Гумилев печатал стихи и до 1905 года, и весьма вероятно, что некоторые вошедшие в этот сборник стихотворения были опубликованы в журналах или газетах.

Эпиграф ко всему сборнику из Андре Жида взят из «*Les Nourritures terrestres*».¹ Стихотворение самого Гуми-

¹ «Земные яства», одно из ранних и по началу мало замеченных, но впоследствии одно из самых известных произведений Андре Жида, было впервые напечатано в 1897 г. в журнале *Mercure de France*. Произведение это не поддается классификации. Как и во многих других вещах Жида, в нем силен автобиографический элемент. Одну из тем его сам автор определил как философию «кочевничества» (*Nomadisme*). Фраза, взятая Гумилевым в качестве эпиграфа, часть более длинной. Вся фраза читается по-французски так: «*Je me suis fait rôdeur pour pouvoir frôler tout ce qui rôde: je me suis épris de tendresse pour tout ce qui ne sait où se chauffer, et j'ai passionnément aimé tout ce qui vagabonde*». То, что Гумилев заинтересовался Жидом задолго до того, как тот стяжал себе международную известность, заслуживает внимания.

лева, из которого взят эпиграф к разделу «Мечи и поцелуи», нами не разыскано. Два другие эпиграфа взяты из стихотворений, вошедших в этот же сборник: эпиграф к поэмам — из «Сказки о королях», а эпиграф к разделу «Высоты и бездны» — из «Осенней песни».

№ 1 — Новым вариантом этого стихотворения под заглавием «Сонет» Гумилев открыл свой сборник «РЦ 1918» (см. наш № 20).

№ 5 — Это стихотворение в переработанном виде и под названием «Оссиан» также было включено в «РЦ 1918» (см. № 22).

№ 10 — Входящая в эту поэму баллада о пяти конях, подаренных Люцифером, была в значительно переработанном виде включена как отдельное стихотворение под названием «Баллада» в «РЦ 1918». В этой новой редакции она дается нами ниже (см. № 21).

РОМАНТИЧЕСКИЕ ЦВЕТЫ

Стихи этого сборника даются нами по последнему прижизненному изданию 1918 г. Это издание было обозначено как «третье», хотя отдельного второго издания не было. Первое издание «РЦ» вышло в Париже в 1908 г. «Вторым» изданием Гумилев считал раздел под тем же названием, которым заканчивались «Ж 1910». Состав этих трех изданий очень различный. В первом издании было 32 стихотворения. Три из них в дальнейшие издания не включались и потому даются нами в «Приложениях» к настоящему тому. Одно было включено в сильно урезанном виде. Во «второе» издание (в составе «Ж 1910») входило 21 стихотворение (18 названий); из них 20 было перепечатано из первого издания, а одно являлось новым («Неоромантическая сказка»). Кроме того одно стихотворение из первого издания («Мне снилось, мы умерли оба») вошло в раздел «Жемчуг Розовый» в «Ж 1910», но в 1918 г. было возвращено в «РЦ». В третье издание вошло 45 стихотворений, в том числе: три уже упомянутых из «ПК»; 29 из первого издания «РЦ»; четыре перенесенных из «Ж 1910»; одно из «второго издания «РЦ» в сильно урезанном виде; и восемь стихотворений, не входивших раньше ни в один из сборников. Для

некоторых из последних нами установлена, как будет видно ниже, первоначальная публикация, но и другие могли быть напечатаны в журналах или газетах (в советской библиографии альманахов и сборников они не фигурируют). В «РЦ 1908» Гумилев отметил в оглавлении стихотворения, которые были раньше напечатаны (этот ценный для библиографа и редактора прием был повторен им и в «ЧН»), и это дало нам возможность — в отношении стихов, вошедших в «РЦ 1908» — указать ниже, первоначальная публикация каких из них не была нами разыскана.

Первое издание «РЦ» носило посвящение будущей жене поэта, Анне Ахматовой («Посвящается Анне Андреевне Горенко»). Посвящение это было повторено перед разделом «Романтические цветы» в «Ж 1910». В «РЦ 1918» оно было снято. В «РЦ 1918» подзаголовок гласил: «Стихи 1903—1910 гг.». Таким образом 1903 г. устанавливается как начальная дата для стихотворений Гумилева, вошедших в его сборники.

№ 20 — См. выше, примечание к № 1.

№ 21 — См. выше, примечание к № 10.

№ 22 — См. выше, примечание к № 5.

№ 23 — В другие издания «РЦ» не входило. Первая публикация не отыскана.

№ 24 — То же.

№ 25 — Впервые под названием «Смерти» в сборнике «Северная Речь» (1906). Под тем же названием в «РЦ 1908». В «Ж 1910» не входило. Разночтения в «РЦ 1908» (первая публикация не была нам доступна): строка 4: В трубном вое, в бешенстве мечей.

„ 10: Твои очи были глубоки.

№ 26 — В «Ж 1910» в разделе «Жемчуг Розовый» под названием «Сказочное». См. эту сильно разнящуюся раннюю редакцию в «Приложениях».

№ 27 — В «Ж 1910» в разделе «Жемчуг Черный», без названия («В мой мозг, в мой гордый мозг собрались думы...»). См. эту первоначальную редакцию в «Приложениях».

№ 28 — В другие издания «РЦ» не входило.

№ 29 — В другие издания «РЦ» не входило. Впервые в «Весах» (1907, № 7), с посвящением баронессе де

Орвиц-Занетти. См. этот первоначальный вариант в «Приложениях».

№ 30 — В другие издания «РЦ» не входило. Впервые в «Весах» (1906, № 6), без названия. Разночтения в журнале:

строки 1—4: Я зажег на горах красный факел войны,
Разгораясь лижут лазурность огни.
Неужели опять для меня суждены
Эти звонкие, ясно-кристальные дни?

строка 5: На натянутом луке дрожит тетива,

„ 6: И на поясе бьется сверкающий меч,

„ 8: Голубые моря несмолкаемых сеч.

„ 11: Иль не знаете вы, что разрушена твердь,

„ 12: Что земля к нам склонилась, союзник и друг?

„ 14: Мы украсили битвою все берега...

„ 15: Неужели за гранью роскошной земли

№ 31 — В «Ж 1910» в разделе «Жемчуг Черный». Разночтение:

строка 13: Не избежнешь ты доли кровавой,

№ 32 — Впервые в «Весах» (1907, № 7), без названия. Так же в «РЦ 1908». В «Ж 1910» не входило.

№ 33 — Впервые в «РЦ 1908», без названия; затем так же в «Ж 1910». ² Разночтение в «РЦ 1908» и «Ж 1910»: строка 8: Они предлагали свои изумрудные спины

№ 34 — Первоначальная публикация не разыскана. В «РЦ 1908» без названия. В «Ж 1910» не входило. Разночтения:

строка 13: И когда заглянул я в твой взор,

„ 15: Я заметил в нем тот же позор,

№ 35 — Первоначальная публикация не отыскана. В «РЦ 1908» без названия. В «Ж 1910» не входило.

№ 36 — Впервые в «РЦ 1908», затем в «Ж 1910»; и там и тут без названия.

№ 37 — Впервые в «РЦ 1908», затем в «Ж 1910» («Жемчуг Розовый»), оба раза без названия.

№ 38 — Впервые в «РЦ 1908», затем в «Ж 1910», под названием «Японской артистке Садо-Якко, которую я видел в Париже». Первоначальная редакция

² При ссылках на «Ж 1910», если стихотворение входило в раздел «Романтические цветы», это нами не указывается.

стихотворения была гораздо длиннее. Приводим здесь первую часть его, отброшенную поэтом уже в «Ж 1910»:

Мы не ведаем распрей народов, повелительных ссор госу-
дарей,
Я родился слагателем сказок, Вы — плясуньей, певицей,
актрисой,
И в блистательном громе оркестра, в электрическом светлом
пожаре
Я любил Ваш задумчивый остров, как он явлен был темной
кулиссой.

И пока Вы плясали и пели, поднимали кокетливо взор,
С каждым мигом во мне укреплялась золотая веселая вера,
Что созвучна мечта моя с Вашей, что Вам также плени-
телен север,
Что Вам нравятся яркие взоры в напряженных глубинах
партера.

Во второй части до «РЦ 1918» разночтение:
строка 10: На изящной этажерке

№ 39 — Первая публикация не разыскана. В «РЦ 1908» и
«Ж 1910» без названия.

№ 40 — Впервые в «РЦ 1908» без названия. В «Ж 1910»
не входило. Разночтения:

строка 11: Красноватым пламенем лампадка

„ 13: Что там? Или это только тряпки,

№ 41 — Впервые в «Весах» (1908, № 6), без названия. Так
же в «РЦ 1908» и «Ж 1910». Разночтения в жур-
нале:

строка 3: Мы услышим тайный, робкий шаг

„ 5: Погоди, погаснет бледный день,

„ 12: И безумно-горькое рыданье

„ 17: Но когда небесный лунный знак

4-й и 5-й строф в «Весах» нет. Кроме того до «РЦ
1918» еще одно разночтение:

строка 2: Где пробита в мраморе пещера,

№ 42 — Впервые в «РЦ 1908», затем в «Ж 1910». Разно-
чтения:

строка 1: Кто был бледный и красивый рыцарь,

„ 2: Что проехал на черном коне,

- № 43 — Впервые в «РЦ 1908», затем в «Ж 1910» под названием «Любовникам». Разночтения:
 строка 1: Печаль их душ родилась возле моря,
 „ 13: Из всех одной, пленительней чем сказка,
- № 44 — Впервые в «РЦ 1908», затем в «Ж 1910», без названия. Разночтения в «РЦ 1908»:
 строка 13: А царица, наклоняясь с ложа,
 „ 14: Радостно играла крутизной,
 „ 17: Задыхаясь в несказанном блюде,
- № 45 — Первая публикация нами не отыскана. В «РЦ 1908» и «Ж 1910» без названия. Разночтение:
 строка 21: Ее глаза светились изменой,
- № 46 — Впервые в «РЦ 1908», затем в «Ж 1910», без названия. Разночтение:
 строка 7: Колебались высокие реи
- № 47 — Впервые в «РЦ 1908», под названием «Измена». В «Ж 1910» не входило. Разночтения:
 строка 7: В сердце пламя жгучего пожара,
 „ 14: Я увидел стройный образ девы
- № 48 — Впервые в «РЦ 1908», затем в «Ж 1910», без названия. Разночтения:
 строка 9: И там, где гуще сумрак хмурых,
 „ 22: И набегала полумгла,
- № 49 — Впервые в «РЦ 1908», без названия. В «Ж 1910» не входило. Разночтения:
 строка 6: Но придет и властно взглянет в очи
 „ 15: Ты увидишь над собой блудницу
- № 50 — В другие издания «РЦ» не входило. Более ранняя публикация нам неизвестна.
- № 51 — Впервые в «РЦ 1908», затем в «Ж 1910», без названия. Разночтения:
 строка 16: Сплетаясь в молитвенном экстазе.
 „ 18: С отливами змеиными на шкуре.
- № 52 — Впервые в «РЦ 1908», затем в «Ж 1910», без названия. Разночтения:
 строка 7: На снастях видны смуглые лица,
 „ 18: Им многое ясно и понятно,

Стихотворение это перепечатано было в «Избранных стихах русских поэтов», III (1914).

№ 53 — Первоначальная публикация не отыскана. В «РЦ 1908» и «Ж 1910», без названия.

№№ 54—56 — Эти три стихотворения в «РЦ 1908» и «Ж 1910» напечатаны как три части одного стихотворения под названием «Озеро Чад» в редакции, частично сильно отличающейся от окончательной. Первое стихотворение — без подзаголовка, второе — с подзаголовком «Барабанный бой племени Бурну», третье — без подзаголовка. Приводим все различия в первоначальной редакции. В первом стихотворении разночтений нет. Во втором стихотворении в «РЦ 1908» и «Ж 1910» между нашими строфами второй и третьей еще одна строфа:

Встреть спокойно носорога,
Как чудовищного бога,
Посреди лесного храма
Не склони к земле лица,
Если страсть твоя упряма,
Не закрадется тревога
В душу смелого жреца.

В третьем стихотворении, помимо различий в строфике, следующие разночтения:

- строки 2—4: Повисают, как змеи, лианы,
Разъяренные звери рычат
И блуждают седые туманы.
- строка 7: Поклоняются странным богам
- „ 9: Я была жена могучего вождя,
- „ 10: Дочь любимая властительного Чада
- „ 12: Совершала тайны древнего обряда.
- строки 13—16: Взор мой был бесстрашен как стрела,
Грудь трепетные звали к наслажденью,
Я была нежна и не могла
Не отдаться заревому искушенью.
- строки 23—28: Он сказал, что я красива
И красу мою стыдливо
Я дала его губам,
И безумной, знойной ночью
Мы увидели воочью
Счастье, данное богам.

строка 39: Шкур звериных и тканей восточных,
 „ 40: Я, как птица, неслася на север,
 „ 41: Я играя ломала мой веер,
 „ 42: Ожидая восторгов полночных.
 „ 43: Я раздвинула гибкие складки
 „ 51: Точно вещь я брошена в Марселе.

№ 57 — Первоначальная публикация не отыскана. Затем в «РЦ 1908» и «Ж 1910», без разночтений.

№ 58 — Первоначально в «Ж 1910» в разделе «Жемчуг Черный». Разночтение:

строка 2: Холм перед ними был глух и нем;

№ 59 — В другие издания «РЦ» не входило. Более ранняя публикация нам неизвестна.

№ 60 — Тоже.

№№ 61—63 — Первые два стихотворения впервые в «Весах» (1907, № 7), под названиями «Императору Каракалле» и «Император». Третье стихотворение в «Перевале» (1907, № 11). В «РЦ 1908» все три стихотворения напечатаны как части одного целого, под названием «Император Каракалла» (I, II и III). В «Ж 1910» вошли только первые два под тем же названием, с цифрами 1 и 2. В журнальной редакции в первом стихотворении пять строф вместо четырех. Выброшенная впоследствии предпоследняя строфа читается:

Руки мои безнадежно повисли,
 Тайные думы мои смущены...
 Мне ли воспеть твои тонкие мысли?
 Мне ли воспеть твои знойные сны?

Кроме того разночтение в строке 10-й:

И эти бедные сказки-стихи

Во втором стихотворении до «РЦ 1918» следующие разночтения:

строка 3: О, каким бы был ты властелином,

„ 10: Цезарь, Юлий-Август и Помпей,

„ 23: Если, точно золото на черни,

„ 29: Там, в садах — торжественное небо

(в «РЦ 1908»: Там, в твоих садах безгрешность неба)

Вместо строф 12-й и 13-й следующая одна строфа:

И великой мукою вселенной
На мгновенье грудь свою омыв,
Ты стоишь, божественно-надменный...
Император, ты тогда счастлив!

Две последние строки:

Ты красиво-мерными стихами
Вызываешь новую зарю.

В третьем стихотворении в журнальной редакции следующие разночтения:

строка 20: Изукрашенные пальцы.

„ 23: Крокодил горел у судна

№ 64 — Впервые в «Ж 1910» в значительно более поздней редакции, которая дается нами в «Приложениях»

ЖЕМЧУГА

Стихи из «Ж» печатаются нами по второму прижизненному изданию (Петроград, 1918), пересмотренному потом. После смерти Гумилева «Ж» переиздавались трижды: в 1921 г. в Берлине, в 30-х годах в Шанхае и в 1947 г. в Регенсбурге в составе четырехтомного издания под редакцией В. Завалишина. Берлинское издание воспроизводило, однако, не издание 1918 г., а издание 1910 г., при этом с рядом ошибок; завалишинское издание сделано было по берлинскому, с воспроизведением главных опечаток и с некоторыми новыми, и с произвольным устранением эпиграфов перед отдельными разделами книги. Шанхайского издания мы не имели в руках, но есть основания думать, что и оно было воспроизведено с берлинского. Таким образом в нашем издании впервые после смерти Гумилева восстанавливается текст второго прижизненного издания.

В первом издании «Ж» были разбиты на четыре раздела, озаглавленные: «Жемчуг Черный» (25 названий), «Жем-

чуг Серый» (17 названий), «Жемчуг Розовый» (16 названий) и «Романтические Цветы» (18 названий). В последний раздел вошла часть стихотворений из предыдущего сборника Гумилева. В издании 1910 г. «Ж» носили посвящение В. Я. Брюсову («Посвящается моему учителю Валерию Брюсову»). В 1918 г. посвящение это было снято, но Брюсову было посвящено стихотворение, открывавшее сборник («Волшебная скрипка»). В первом издании каждому разделу был предпослан эпиграф: «Жемчугу Черному» из поэмы Альфреда де Виньи «Гнев Самсона» (*Qu'ils seront beaux les pieds de celui qui viendra / Pour m'annoncer la mort!*);³ «Жемчугу Серому» — из Брюсова (... Что ж! Пойду в пещеру к верным молотам, / Их вносить над горном жгуче-пламенным, / Опускать их на пылающий металл); «Жемчугу Розовому» — из Вячеслава Иванова («Что твой знак? — «Прозрение глаза, / Дальность слуха, окрыление ног»); «Романтическим Цветам» — из Иннокентия Анненского (И было мукою для них / Что людям музыкой казалось). Последний раздел, как и отдельное издание «РЦ 1908 г.», носил посвящение «Анне Андреевне Горенко», т. е. Анне Ахматовой, которая в том же 1910 году стала женой поэта. В издании 1918 г. это посвящение было снято.

Из стихотворений, вошедших в «Ж 1910», девять были изъяты Гумилевым при переиздании в 1918 г. («Одиночество», «В пустыне», «Адам», «Театр», «Правый путь», «Колдунья», «Уходящей» и «Северный раджа») и не вошли ни в какой другой прижизненный сборник. Эти стихотворения даются нами в «Приложениях» к настоящему тому. Там же читатель найдет и первые редакции тех стихотворений, в которых Гумилевым были сделаны значительные изменения. Пять других стихотворений («Основатели», «Выбор», «В мой мозг, в мой гордый мозг...», «Сказочное» и «Мне снилось, мы умерли оба...»), как уже упоминалось, были перенесены Гумилевым в вышедшее в том же году издание «РЦ», причем из них только последнее входило в первое издание одноименного сборника; возможно, что, пере-

³ В «Ж 1910» в эпиграфе из Виньи — опечатки: *doux* вместо *beaux* и вопросительный знак вместо восклицательного.

нося четыре других, поэт руководствовался временем написания. Расположение стихов в «Ж 1918» сильно разнится от первого издания, как будет видно из постраничных ссылок ниже.

В нижеследующих примечаниях нами приводятся указания на первопечатные тексты, поскольку таковые были нами найдены. В отношении стихотворений, более ранняя публикация которых не была обнаружена, утверждать, что они впервые были напечатаны в «Ж 1910», нельзя, ибо целый ряд журналов и газет, не доступных или трудно доступных за рубежом, не был нами обследован. Мы даем также все разночтения в журнальных публикациях и между двумя изданиями сборника, а также некоторые другие необходимые сведения. Пунктуационные разночтения и явные мелкие опечатки нами не учитывались.

№ 65 — Впервые в «Весах» (1908, № 6, стр. 7—8). Там и в «Ж 1910» (раздел «Жемчуг Черный», стр. 1) без посвящения Брюсову. Разночтение: в журнале: строка 21: Мальчик, дальше! Здесь не встретишь ни веселий, ни сокровищ!

Основной мотив этого стихотворения был позже использован Гумилевым в его драматической поэме «Гондла» (см. в т. 3 настоящего издания).

№ 66 — Впервые в «Аполлоне» (1909, № 3), с подзаголовком «Сонет». Так же в «Ж 1910» («Жемчуг Черный», стр. 39).

№ 67 — «Жемчуг Черный», стр. 5. А. И. Гумилева — Анна Ивановна, ур. Львова, мать поэта.

№ 68 — Впервые в «Весах» (1908, № 6, стр. 8—9). «Жемчуг Черный», стр. 7. В журнале в последних двух строках отсутствуют кавычки.

№ 69 — «Жемчуг Черный», стр. 9, в сильно отличающейся редакции (см. эту редакцию в «Приложениях»).

№ 70 — «Жемчуг Черный», стр. 13.

№ 71 — «Жемчуг Черный», стр. 17. Перепечатано в сборнике «Утренняя Звезда».

№ 72 — Впервые в «Острове» (1909, № 1). Этот журнал не был нам доступен. «Жемчуг Черный», стр. 19.

№ 73 — Впервые в «Аполлоне» (1909, № 3), с посвящением В. Ю. Эльснеру. Так же в «Ж 1910» («Жем-

чуг Черный», стр. 21). В журнале последняя строка каждой строфы напечатана отступя.

№ 74 — Впервые в «Аполлоне» (1909, № 3), без посвящения. «Жемчуг Черный», стр. 23.

№ 75 — Впервые в «Альманахе 17», как часть цикла «Жизнь веков». Здесь слова «ничто» и «вчера» со строчных букв. В строке 20-й разночтение:

Чем прожитое вчера,

В «Ж 1910» в разделе «Жемчуг Черный», стр. 25.

№ 76 — Впервые в «Аполлоне» (1909, № 3), под названием «Сады Семирамиды» и без посвящения. В «Ж 1910» («Жемчуг Черный», стр. 27) в строке 7-й опечатка, повторенная и в берлинском и в заваляшинском изданиях:

Рыбы и танцовщицы, и мудрые маги,

№ 77 — «Жемчуг Серый», стр. 59.

№ 78 — Впервые в «Альманахе 17» как часть цикла «Жизнь веков». Разночтения:

строка 18: Пусть в бедные руки вонзятся свирепые гвозди

„ 36: С надменной улыбкой полки повернул он на север.

В «Ж 1910» («Жемчуг Черный», стр. 33) — строка 5: Трубили герольды. По ветру рвались знамена.

№ 79 — Впервые в «Острове» (1909, № 1). «Жемчуг Черный», стр. 31.

№ 80 — Впервые в «Альманахе 17», как часть цикла «Жизнь веков». Разночтения:

строка 7: Ты тело даешь для любимого бога,

„ 8: Изысканно-нежное тело твое.

В «Ж 1910» без разночтений («Жемчуг Розовый», стр. 91).

№ 81 — «Жемчуг Серый», стр. 61.

№ 82 — «Жемчуг Розовый», стр. 106.

№ 83 — Впервые в «Весах» (1908, № 6, стр. 10). В «Ж 1910» — «Жемчуг Розовый», стр. 89. В журнале разночтение:

строка 3: Точно раб, я был закован, жил, униженный, в плену,

№ 84 — «Жемчуг Розовый», стр. 99.

№ 85 — «Жемчуг Розовый», стр. 111. Перепечатано в «Утренней Звезде». Сергей Абрамович Ауслендер (р.1888) — писатель-прозаик, близкий к символистам; его рассказы печатались и в «Аполлоне».

№ 86 — «Жемчуг Розовый», стр. 113. Сергей Юрьевич Судейкин (1883—1946) — художник из группы «Мир Искусства», прославившийся своими театральными декорациями и близкий к передовым литературным кругам.

№ 87 — «Жемчуг Серый», стр. 55.

№ 88 — Впервые в «Русской Мысли» (1908, № 5), без названия и со следующими разночтениями:

строка 15: Красивая девушка, белая птица
„ 17: И новое солнце запляшет в тумане.

№ 89 — В «Ж 1910» («Жемчуг Розовый», стр. 109) это стихотворение было напечатано в другой, более длинной редакции (см. в «Приложениях» к настоящему тому). В измененной редакции последняя строфа взята из предыдущего стихотворения в «Ж 1910» («Уходящей», «Жемчуг Розовый», стр. 107), которое не было включено Гумилевым в издание 1918 г. (см. также в «Приложениях»).

№ 90 — «Жемчуг Розовый», стр. 95. В берлинском и зава-лишинском изданиях первая строка третьей строфы дана по ошибке и как первая строка всего стихотворения.

№ 91 — В «Ж 1910» («Жемчуг Серый», стр. 71) после нашей второй строфы идет еще следующая:

Тревожный сон . . . Но сон о небе ли?
Нет! На высоком чердаке,
Как ряд скелетов, груды мебели
В пыли почивут и тоске.

№ 92 — В «Ж 1910» («Жемчуг Серый», стр. 73) разночтения:

строка 14: Собирает Царь Всевышний,
„ 16: В Царстве Божиим тот лишний».

- № 93 — «Жемчуг Серый», стр. 63.
 № 94 — «Жемчуг Розовый», стр. 90. Н. В. Анненская — жена поэта Иннокентия Анненского.
 № 95 — «Жемчуг Розовый», стр. 93.
 № 96 — В «Ж 1910» («Жемчуг Розовый», стр. 97) разно-

чтение:
 строка 18: Закрутившись вокруг оркестра,
 Николай Леонидович Сверчков, по прозванию «Коля
 Маленький» — племянник Гумилева, сын его сестры,
 сопровождавший в 1913 году поэта в его африкан-
 ском путешествии. О нем см. воспоминания невестки
 Н. С. Гумилева: А. Гумилева, «Николай Степанович
 Гумилев», в «Новом Журнале», кн. 46 (1956),
 стр. 107—126.

- № 97 — «Жемчуг Черный», стр. 40, с подзаголовком «Сонет».
 № 98 — «Жемчуг Черный», стр. 41, с подзаголовком «Сонет».
 № 99 — «Жемчуг Черный», стр. 28.
 № 100 — «Жемчуг Серый», стр. 69.
 № 101 — «Жемчуг Серый», стр. 70.
 № 102 — «Жемчуг Серый», стр. 79.
 № 103 — «Жемчуг Серый», стр. 68.
 № 104 — «Жемчуг Серый», стр. 67. Перепечатано в сборнике
 «Современные русские лирики».
 №№ 105—108 — Впервые в сборнике «Италии» (1909), где
 первое стихотворение озаглавлено «Загадка». Разночтения
 в сборнике:

I: строка 1: Муза, рыдать перестаньте,

- „ 4: Спойте, играя на флейте.
 „ 20: Солнечным буйным приливом.
 „ 21: Муза, в сонете-брильянте

II: „ 2: Приди ж ко мне, красивою печалью
 (в «Ж 1910» «Приди» вм. «Приди ж»)

- „ 6: Приди ко мне, в сады моих томлений,
 „ 11: И чтоб не хор мэнэд, но хор девичий

III: „ 9: Но теперь, точно белые кони от битвы,

В «Ж 1910» — «Жемчуг Серый», стр. 75—78.

Первые два стихотворения перепечатаны в сборнике «Современные русские лирики».

№№ 109—11 — «Жемчуг Серый», стр. 49—54.

№№ 112—115 — Впервые в «Аполлоне» (1909, № 1). В «Ж 1910» («Жемчуг Серый», стр. 80—86) в 3-й строке второго стихотворения — опечатка, повторенная в берлинском издании («Гоональво»). Перепечатано в сборнике «Утренняя Звезда». В журнале — одно разночтение в четвертом стихотворении:

строка 29: О том, что в мире есть окраина —

№ 116 — Впервые в «Аполлоне» (1909, № 5). Разночтения:
строка 2: Заснул, неразумный, под древом познания.

„ 14: Впервые обрел он с подругой единство

„ 60: Он клонит колени, он грезит о Боге.

„ 66: А сердце томится от тяжких предчувствий.

„ 71: Предвестница крови, и бури, и страсти,

„ 88: Восторженно пели, он их не слышал,

„ 101: Вот огненный вихрь пред ним закружился,

В «Ж 1910» («Жемчуг Черный», стр. 42) без разночтений.

ЧУЖОЕ НЕБО

«ЧН» при жизни Гумилева было издано всего однажды, в 1912 г. Намечавшееся и даже объявленное в 1918 г. издание не состоялось. В 1936 г. книга была переиздана в Берлине с указанием, что она выпускается в свет в день 15-й годовщины смерти Н. С. Гумилева. Книге было предпослано небольшое предисловие Георгия Иванова. При этом без всяких объяснений в книгу не были включены два его оригинальных стихотворения (см. ниже примечания к №№ 118 и 122), пять переводов из Теофиля Готье и пьеса «Дон Жуан в Египте». Последняя нами тоже не включена

в состав «ЧН» — читатель найдет ее в т. III, с другими произведениями Гумилева в драматической форме. Что касается пяти стихотворений, переведенных Гумилевым из Готье, то в отступление от общего принципа невключения в наше издание переводных произведений, они оставлены нами в составе настоящего сборника по двум соображениям: 1) сам Гумилев, обыкновенно не включавший переводов в свои сборники стихов, счел нужным включить их в «ЧН», а 2) именно для этого периода характерно и существенно увлечение Гумилева Теофилом Готье: в 1912 году Гумилевым и Сергеем Городецким на смену символизму был провозглашен акмеизм и в числе «учителей» акмеистов назван и Готье; сгедо акмеизма в значительной мере совпадало с художественным *sredo*, формулированным Готье в его стихотворении «Искусство», входившем в число пяти стихотворений, включенных Гумилевым в «ЧН». В 1914 г. Гумилев выпустил полный перевод «Эмалей и камней» Готье.

Как уже было указано выше, в оглавлении к «ЧН» были отмечены (звездочкой) стихотворения, не печатавшиеся нигде ранее. Этот факт отмечается нами ниже в примечаниях к отдельным стихотворениям. Первая публикация следующих стихотворений осталась нам неизвестна: №№ 120, 127, 128, 140, 141 и 143. В некоторых случаях первая публикация, хотя и установлена, не была нами разыскана.

№ 117 — Впервые в «ЧН».

№ 118 — Впервые в «ЧН». Не вошло в издание 1936 г.

№ 119 — Впервые в альманахе «Аполлона» (1912), без названия.

№ 121 — Впервые там же, без названия. Разночтения:

строка 4: И вновь душа пьяна, обожжена.

„ 5: Я брошусь на раскрытую кровать,

„ 9: Вот там, у лип, вы мне сказали «да»...

Между пятым и шестым двестишестидесятью — строка точеч.

№ 122 — Впервые в альманахе «Аполлона» (1912), без подзаголовка. Не вошло в издание 1936 г. Разночтение:

строка 17: О какой же спел он ныне

№ 123 — Впервые в альманахе «Грех» (1911). Этот альманах не был нами разыскан.

№ 124 — Впервые в альманахе «Аполлона» (1912), без названия. Разночтения:

строка 6: Их робкий шопот, томный взор.

„ 7: Я к упоеньям их приучен,

„ 8: Меня не дразнит их позор.

№ 125 — Впервые в альманахе «Аполлона» (1912), без названия. Разночтения:

строка 9: Все, что пугало, расколдуя,

„ 16: Но ясно-милостив к вине,

„ 20: И звонко крикнет: «мы пришли».

№ 126 — Впервые в «Аполлоне», 1911, № 6, без названия. Разночтения:

строка 1: Еще близ порта кричали хором

„ 10: Тропинку в чаще камыша,

„ 15: Но глаз упрямых не поднимая,

„ 18: Лежит любовников бывлых,

№ 127 — Первую публикацию этого стихотворения обнаружить не удалось. Оно было перепечатано в шанхайском издании посмертного сборника «Стихотворения» без названия и без разделения на строфы, и с указанием, что это единственное стихотворение в книге, взятое не из сборников посмертных стихотворений, но без осылки на «ЧН». Следующие разночтения, может быть, говорят за то, что это стихотворение было напечатано по какой-то другой публикации:

строка 5: Как часто бросал испытующий взор,

„ 6: Как много встречал отвечающих взоров

„ 11: И не их ли тоска там шевелит снега,

„ 12: Красной кровью не их ли горят горизонты? ...

№ 129 — Впервые в «ЧН».

№ 130 — Тоже. Перепечатано в «Избранных стихах русских поэтов», III, и в сборнике «Любовь Многоцветная».

ношениях Гумилева с Машей Кузьминой-Караваевой см. уже упоминавшиеся воспоминания его невестки. По ее словам, любовь Гумилева к Маше, носившая характер идиллической влюбленности, была его единственной настоящей любовью. Маша умерла рано от чахотки. Рассказ А. А. Гумилевой страдает некоторой хронологической неопределенностью. Указание ее, что к М. А. Кузьминой-Караваевой относятся строки о «Машеньке» в стихотворении «Заблудившийся трамвай» (см. у нас во втором томе), не может быть принято на веру.

№ 136 — Впервые в «Северных Цветах» на 1911 г. Эта публикация не была нами разыскана.

№ 137 — Впервые в «ЧН».

№ 138 — Тоже.

№ 139 — Тоже.

№ 140 — Эпиграф к этому стихотворению взят из стихотворения А. Ахматовой «Меня покинул в новолунье...», помеченного 1912 г. и вошедшего в сборник «Четки» (1914).

№ 142 — Впервые в «Северных Цветах» (1911), без названия. Первая строка —
Наступала ночь... Догорал камин...

№ 144 — Впервые в «ЧН».

№ 145 — Впервые в «Русской Мысли», 1912, № 1, с посвящением Н. И. Гродекову, без разночтений, не считая пунктуационных. Перепечатано в сборнике «Война в русской поэзии» (1915).

№№ 146—149 — Впервые в альманахе «Мусaget», бер разночтений. Перепечатано в «Избранных стихах русских поэтов», III.

№№ 150—154 — Первое стихотворение — впервые в «ЧН», другие четыре в «Аполлоне», 1911, № 9. Второе, третье и четвертое стихотворения (L'Art, Odelette anacréontique и Rondstella) входят в разные издания «Эмалей и камей»; два другие (Au bord de la mer и l'Hippopotame) взяты из других сборников Готье.

Во втором томе нашего издания читатель найдет стихотворную надпись, которую Гумилев сделал на

экземпляре своего перевода «Эмалей и камей», подаренном им Михаилу Леонидовичу Лозинскому (1886—1955), до революции переводившему главным образом французских и испанских поэтов, а после революции прославившемуся своим переводом «Божественной комедии» Данте, а также переводившему Шекспира. Лозинский был близок к акмеистам и был связан с Гумилевым личной дружбой.

№ 155 — Впервые в «ЧН». В строке 28-й нами исправлена опечатка (*salve amic*).

В «ЧН 1936» строка 73-я читается «Там празднество: громко хохочет посуда». Это разночтение, воспроизведенное в регенсбургском издании, следует вероятно объяснить странной опиской или опечаткой, поскольку редактор берлинского издания едва ли мог иметь доступ к какому-нибудь другому тексту кроме текста «ЧН 1912».

№ 156 — Первоначально в «Аполлоне», 1910, № 10. В журнальной редакции было четыре песни. Четвертая песнь не была включена Гумилевым в «ЧН». Она печатается нами в приложении к настоящему тому. Разночтения в журнальном тексте:

строка 90: Без тревожных снов не мог уснуть.

„ 109: Сколько их в былом! А в настоящем —

„ 111: Вместо песен тяжкие труды

«ЧН 1912» завершалось — в виде особого, пятого, раздела — одноактной пьесой в стихах «Дон Жуан в Египте», раньше нигде не печатавшейся. Эта пьеса, как уже указывалось, войдет в третий том настоящего издания.

КОЛЧАН

Эта пятая (хотя и обозначенная на берлинском издании как «четвертая») книга стихов Гумилева вышла в 1916 г. в издательстве «Альциона» (Москва—Петроград) и составила из стихов, написанных между 1911 и 1915 гг. При жизни поэта «Колч» больше не переиздавался: хотя в 1918 г. новое издание его, как и новое издание «ЧН», было объявлено (так, например, на вышедшем в 1918 г. первом издании «Костра» «Колч» объявлен как «готовящийся к печати»), издание это не осуществилось. Вторым изданием было выпущенное друзьями поэта в 1923 г. в Берлине издание, воспроизводившее первое. Нами, с исправлением явных опечаток, стихи «Колч» даются по первому и, как сказано, единственному прижизненному изданию. Исключение нами сделано для двух вошедших в сборник стихотворений: одно из них — наш № 167 — дается нами в позднейшей журнальной редакции, напечатанной еще при жизни Гумилева (см подробнее ниже, в примечании к этому стихотворению); другое, озаглавленное в «Колч» «Два отрывка из абиссинской поэмы» и представляющее собой первый набросок поэмы «Мик», перенесено нами в «Приложения» ко второму тому, где будет напечатана сама эта поэма.

«Колч 1916» носил посвящение «Татиане Викторовне Адамович» (сестре поэта и критика Г. В. Адамовича). На берлинском издании это посвящение отсутствует.

Нами не были разысканы более ранние публикации следующих стихотворений: №№ 162, 166, 169, 171, 176—178, 183, 184, 186—190, 191, 196, 197, 200, 202, 203 и 204. Для стихотворений, напечатанных в журнале «Гиперборей», тексты которых были получены нами из России, у нас, к сожалению, отсутствуют точные ссылки на номера журнала.

№ 157 — Впервые в «Аполлоне», 1912, № 9, под названием «Памяти Иннокентия Федоровича Анненского» и с подзаголовком: «По случаю второй годовщины смерти, исполнившейся 30-го ноября». Так как Анненский умер в 1909 г., стихотворение, вероятно, было написано еще в 1911 г.

Разночтения в журнале:

строка 2: Ведя с собой умы людей,

„ 11: Он вбрасывал в пространство безымян-
ных

строки 33

—36: То муза отошедшего поэта,

Увы! безумная сейчас,

Беги ее: в ней нет отныне света

И раны, раны вместо глаз.

№ 158 — Где было впервые опубликовано это стихотворение, осталось невыясненным. В № 1 «Аполлона» за 1915 год оно было напечатано без посвящения и с примечанием от редакции, которое гласило: «Стихотворение это печатается дополненным и в новой редакции». В том же году оно было перепечатано еще три раза: в альманахе «В Тылу» и в сборниках «Современная война в русской поэзии» (вып. 2) и «Война в русской поэзии». Разночтения по сравнению с окончательным текстом:

строка 5 А вдали «ура» — как будто пенье

„ 6: Труд дневной окончивших косцов

„ 9: И поистине светло и свято

(в «В Тылу»: И поистине верно и свято)

Кроме того в «В Тылу» — возможно, что это опечат-
ка —

строка 20: Восковыми свечами горят.

В сборнике «Современная война» после первых трех строф имеются еще две, отличающиеся от текста в журнале и в альманахе и в «Жолч», а именно:

Расцветает дух, как роза мая,

Как огонь, он разрывает тьму,

Тело, ничего не понимая,

Слепо повинуется ему.

Сквозь леса глухие и окопы

Цепью славы связывая нас,

Он идет по пажитям Европы,

Как жених к невесте в дивный час.

За этой строфой следует строка точек. Возможно, что текст в сборнике «Современная война» и был первоначальным вариантом. Предпоследняя строфа его («Расцветает дух, как роза мая...») была перенесена затем Гумилевым в стихотворение «Солнце духа» (см. наш № 174).

№ 159 — Впервые в «Гиперборее», 1912 (1913?). Разночтения, не считая ряда пунктуационных:

строка 26: И, оборвавшись, упал

„ 27: В звонкие, бледные дали

№ 160 — Напечатано (впервые?) в сборнике «Россия в родных песнях» (1915). Сборник этот не был нами отыскан.

№ 161 — Впервые в «Гиперборее», 1912 (или 1913), под названием «Фра Беато». Разночтения, не считая пунктуационных:

строка 6: Но где живет их царство, слава, сила,

„ 12: Челлини, давший бронзе крылья плоти.

„ 15: А хмель да Винчи душу замутит,

„ 23: Да, он не всё умеет рисовать,

„ 24: Но то, что он рисует, совершенно.

„ 42: Слетал к нему, одевая ризой красной,

№ 162 — Георгий Владимирович Иванов (1894—1958), известный поэт, начавший как футурист, но рано примкнувший к акмеистам, участник Цеха Поэтов, личный друг Гумилева. Перед тем как эмигрировать из Советской России Иванов выпустил два издания посмертного сборника стихотворений Гумилева со своими предисловиями. В эмиграции он написал предисловие к новому изданию «ЧН» и рассказал о Гумилеве в книге «Петербургские зимы» и в ряде статей.

№ 163 — Впервые в «Русской Мысли», 1912, № 7. Вместе со стихотворениями «Пиза» и «Генуя» (наши №№ 165 и 194) под общим заглавием «Итальянские стихи» и с пометой в конце: «Италия, 1912». Разночтения:

строка 21: И взор Мадонн вдохновенный

„ 26: Растут меж дряхлых камней

№ 164 — Впервые в «Аполлоне», 1913, № 3, без посвяще-

ния. Конец журнальной редакции стихотворения (после 7-й строфы) был отброшен Гумилевым и заменен совершенно новыми семью строфами, написанными уже в 1915 г. Эта журнальная редакция окончания стихотворения была напечатана под названием «Из Пятистопных ямбов» в обоих изданиях посмертного сборника стихотворений (1922 и 1923). В нашем издании см. ее в Приложениях к настоящему тому. В обеих редакциях стихотворение носит явно автобиографический характер: в первой отразились отношения Гумилева с его женой, А. А. Ахматовой, приведшие через несколько лет к разводу между ними; во второй — его восприятие войны 1914 г., выразившееся в поступлении добровольцем в армию. О М. Л. Лозинском см. выше — примечание к №№ 150 — 154. Разночтения в журнальной публикации:

- строка 9: И не открыли бухты необманной
- „ 31: Сказала ты задумчиво и строго:
- „ 34: Но пред лицом Всевидящего Бога,
- „ 40: Меня пугал и ранил каждый звук

№ 165 — Впервые в «Русской Мысли», 1912, № 7 (см. примечание к № 163). Кроме пунктуационных, разночтений нет.

№ 167 — Впервые в альманахе «Цевница» (1915), который не был нами отыскан, под этим же названием. Нами дается по позднему варианту, напечатанному в 1918 г. В «Колч» стихотворение называлось «Стансы». Не вполне исключена возможность, что в «Ниве» был перепечатан более ранний вариант из «Цевницы» (ср., например, странную перепечатку — без разночтений — нашего № 184). Разночтения в «Колч»:

- строка 5: А есть другие: с пальмами, с дворцами,
- „ 13: Да! Это только чары, что судьбою
- „ 16: И звон, и стон.
- „ 18: Весь мир мне дом,

Вместо последних восьми строк — одна следующая строфа:

Но лишь на миг к моей стране от вашей
Опущен мост.

Его сожгут мечи, кресты и чаши
Огромных звезд.

В строке 15-й в «Ниве» «звездной» вм. «звездный»
сочтено нами за опечатку.

№ 168 — Впервые в «Гиперборее», 1912 (1913?), без посвящения. В журнале между нашими строфами пятой и шестой была еще одна:

Мой путь протянулся светло и прямо,
И мне из беседок цветных у вод
Прохладных кричали — «зайди к нам, лама!»
Но я улыбался и шел вперед.

№ 170 — Впервые в «Гиперборее», 1912 (1913?), с некоторыми различиями в пунктуации.

№ 172 — Впервые в журнале «Вершины», 1915, № 31—32. Разночтения, не считая пунктуационных и опечаток (например, «Дамае» в 3-й строке):

строка 12: Стучавшая таинственно и дивно.

№ 173 — Впервые в «Ежемесячных Литературно-Научных Приложениях» к «Ниве», 1913, № 1. Разночтения:

строка 10: Уже прекрасного лица —

„ 11: Не манят к смертному безволю,

„ 12: Полны печали без конца.

Между третьей и четвертой строфами еще одна строфа:

Свой путь он подвигами метит,
Но он божественно-хитер,
И взора ясного не встретит
Поверженный застывший взор.

Стихотворение это навеяно знаменитой скульптурой Антонио Кановы (1757—1822) «Персей с головой Медузы», находящейся в Ватиканском музее в Риме и очевидно виденной Гумилевым в 1912 г. во время поездки по Италии.

№ 174 — Впервые в «Невском Альманахе» (1915), без названия. Так же в сборнике «Война в русской поэзии». Единственные разночтения — пунктуационные, в том числе «?» в конце 4-й строки и «!» в конце 5-й. См. также выше примечание к № 158.

№ 175 — Впервые в «Вершинах», 1915, № 29—30, без разделения на строфы и в значительно иной редакции. После нашей первой строфы в журнале следуют четыре строки:

Открыта адская охота,
Вот, вот, завоют злобно трубы,
Зальются псы и у кого-то
От крови заалеют губы.

строка 12: Светились огненные знаки.

„ 14: Он охранял нам город сонный,
строки 17

—24: Еще чернее мглы их платье,
Но взоры их светлы и прямы,
Они живут одни, как братья,
Родились, чтобы строить храмы.
Мы к ним приблизились в тумане,
Спросили их благословенья
Для наших радостных скитаний,
Для наших плясок, игр и пенья.

строка 25: Великий мастер, над шарниром,

„ 26: Взглянул, и грудь его вздохнула

№ 179 — Впервые в «Ежемесячных Литературно-Научных Приложениях» к «Ниве», 1914, № 11. Разночтения:

строка 1: Полночь сошла, африканская темень,

„ 6: Кому быть хозяином здешних мест,

„ 11: В этой угрюмой стране Сидамо

„ 15: Снова дорога пестрым змеем

„ 16: Будет ползти с холмов на холмы

№ 180 — Впервые в «Аполлоне», 1914, № 10. Разночтения:

строка 7: Оттого, что Божие слово

„ 21: И как сладко рядить Победу,

„ 22: Точно девушку, в жемчуга,

Между пятой и шестой строфами в журнале есть еще одна:

О, как белы крылья победы,
Как безумны ее глаза!
О, как мудры ее беседы,
Очистительная гроза!

В той же журнальной редакции напечатано в 1915 году в альманахе «В Тылу», но, как это ни странно, очевидно по требованию цензуры, там 4-я строка была заменена точками, а в 5-й строке выброшено в начале слово «Но»!

№ 181 — В сборнике «Война в русской поэзии» (1915) без названия. Возможно, что где-то было напечатано и до того.

№ 182 — Впервые в «Ежемесячных Литературно-Научных Приложениях» к «Ниве», 1912, № 9, без названия. Разночтения:

строки 18

—23: Ты встанешь наутро и встанешь для
славы». —

И скрылись, как два отступающих света
(В безрадостном мраке два яркие света).
Дневные лучи заиграли по шторам,
Послышалась песня, — и встал истом-
ленный

С надменной улыбкой, с уверенным
взором

№ 184 — Перепечатано в «Ниве», 1918, № 19.

№ 185 — Впервые в сборнике «Полон» (1916) под названием «Стихи». Разночтения:

строка 17: И с моею печальною думой

„ 20: Я так погубил одну.

№ 192 — Впервые в «Русской Мысли», 1915, № 7. Разночтения:

строка 12: Скорым, тонким голоском

„ 16: В буйной мечутся воде

„ 18: Ржанье водяных коней...

„ 20: Так и слаще и вольней.

№ 193 — Впервые в «Цевнице» (1915). Альманах этот не был нами отыскан.

№ 194 — Впервые в «Русской Мысли», 1912, № 7 (см. выше, примечание к № 163). Разночтения:

строка 9: С блеском глаз, с улыбкой важной,
„ 13: Кажется, что будет чудо:
„ 18: Там мой внук торгует летом,

№ 195 — Впервые в «Русской Мысли», 1914, № 7. Разночтения:

строка 8: Я порою смотрю
„ 27: Но зато он в Кантоне

После 5-й строфы в журнале еще следующая строфа:

Если ж розы запахнут,
Птица крикнет, дразня,
Комбинации шахмат
Успокоят меня.

Это стихотворение было переведено Гумилевым на французский язык (см. в «Приложениях» к т. II).

№ 197 — Кто такая О. Н. Высотская, выяснить не удалось.

№ 198 — Впервые в «Гиперборее», 1912 (1913?). Разночтений, кроме пунктуационных, нет.

№ 199 — Впервые в «Гиперборее», 1912 (1913?). Разночтения:

строка 11: У него были острые когти,
„ 12: Цепкий хвост под плащом он прятал.
„ 33: И радушно был взят в компанью.
„ 36: За игру в домино засели.
строк 37—39 нет в журнале
строка 43: А как выиграл, вздулся, как груда:
„ 56: А в то время Адам родился,

Тэффи — псевдоним известной писательницы, Надежды Александровны Бучинской, ур. Лохвицкой (1875—1952).

№ 201 — Впервые в альманахе «Новая Жизнь», I (1916). Разночтения, не считая пунктуационных:

строка 16: От лукавого паж
„ 29: И потом за мной, усталой,
„ 31: В белых перьях, с розой алой

№ 204 — Стихотворение это наваяно речью, произнесенной в Генуе известным итальянским поэтом и драма-

тургом Габриеле д'Аннунцио (1863—1938). Д'Аннунцио с самого начала первой мировой войны ратовал за вступление Италии в войну на стороне держав Согласия, т. е. Англии, Франции и России. В мае 1915 года Италия денонсировала свой союзный договор с Германией и Австро-Венгрией и вступила в войну. Д'Аннунцио храбро сражался в рядах итальянских воздушных сил и потерял один глаз. В 1919 г. он шумел, возглавив итальянский отряд, который самочинно занял Фиуме (Реку) на Адриатическом море и продержался там до 1921 г. В 1922 г. д'Аннунцио один из первых среди итальянских писателей примкнул к фашистам.

ПРИЛОЖЕНИЯ

- №№ 205—207 — Эти три стихотворения входили в первое издание «РЦ». В «Ж 1910» не перепечатывались. Более ранняя публикация, если она была, нами не найдена.
- №№ 208—211 — В «Ж 1910» — в разделе «Жемчуг Черный», стр. 3, 12, 29 и 37. Более ранняя публикация осталась нам неизвестна.
- №№ 212—213 — В «Ж 1910» в разделе «Жемчуг Серый», стр. 60 и 65. Более ранняя публикация неизвестна.
- №№ 214—216 — В «Ж 1910» — в разделе «Жемчуг Розовый», стр. 103, 107 и 115. Более ранняя публикация неизвестна. Для № 215 см. также выше, примечание к № 89. Валентин Кривич — псевдоним сына И. Ф. Анненского.
- № 217 — Четвертая песнь «Открытия Америки», входившая в первоначальную публикацию поэмы в «Аполлоне», была отброшена Гумилевым при перепечатке ее в «ЧН».

От редакторов: Первый том настоящего издания был уже отпечатан, когда нам удалось отыскать первопечатные тексты, с рядом разночтений, следующих стихотворений: №№ 120, 128, 141, 166, 181, 196, 200, 201, 202 и 204. Соответствующий комментарий к ним будет дан дополнительно во **втором** томе нашего издания.

Е R R A T A

Просьба к читателям исправить следующие важнейшие ошибки и опечатки:

Стр.	строка	напечатано	следует читать
7	2 снизу	ликованья,	ликованья
13	вверху страницы	черта должна быть над названием стихотворения	
95	6 в стих. «Камень»	королей,	королей
124	12 в стих. «Старина»	контредасн	контреданс
157	10 сверху	крутую	нагую *
173	7 сверху	под мышкой	подмышкой
174	4 в стих. «Жестокой»	касанье	касання
177	3 сверху	Барахтаются	Кувыркаются *
207	7 сверху	с ними	с нами
211	11 сверху	в пространство	в пространства
217	заглавие	Анжелико	Анджелико
218	5 сверху	горы	рощи *
219	7 снизу	мирят	миря *
230	14 сверху	на	в
238	7 и 8 сверху	должны быть напечатаны	отступя
251	3 в стих. 196	Святой Фома	Коллоквиум *

* Эти ошибки — результат редакторского недосмотра и объясняются тем, что набор производился с весьма дефективного регенсбургского издания, недостаточно тщательно сверенного с позднее полученными фотостатами первых изданий «Чужого неба» и «Колчана».

СОДЕРЖАНИЕ

Страница
Текста Примечания

От редакторов I

Н. С. Гумилев. Жизнь и личность.
Вступительная статья Г. П. Струве . VII

Приложения:

1. Послужной список Н. С. Гумилева .	XLV
2. Другие документы, относящиеся к
военной службе Н. С. Гумилева .	L

ПУТЬ КОНКВИСТАДОРОВ 1—42 305—306

1. Я конквистадор в панцире железном .	3	306

Мечи и поцелуи

2. С тобой я буду до зари... .	4	
3. Песнь Заратустры (Юные, светлые
братья...)	5	
4. Credo (Откуда я пришел, не знаю...)	6	
5. Греза ночная и темная (На небе сходи-
лись тяжелые, грозные тучи...)	7	306
6. Песня о певце и короле (Мой замок сто-
ит на утесе крутом...)	8	
7. Рассказ девушки (В вечерний час горят
огни...)	11	

Поэмы

8. Дева солнца (Могучий царь суров и
гневен...)	13	
9. Осенняя песня (Осенней неги поцелуй...)	17	
10. Сказка о королях («Мы прекрасны и мо-
гучи...»)	26	306

Высоты и бездны

11. Когда из темной бездны жизни...	34
12. Людям настоящего (Для чего мы не начинаем...)	35
13. Людям будущего (Издавна люди уважали...)	35
14. Пророки (И ныне есть еще пророки...)	36
15. Русалка (На русалке горит ожерелье...)	37
16. На мотивы Грига (Кричит победно морская птица...)	38
17. Осень (По узкой тропинке...)	39
18. Иногда я бываю печален...	40
19. По стенам опустевшего дома...	41

РОМАНТИЧЕСКИЕ ЦВЕТЫ

Стихи 1903—1907 гг.	43—89	306—313
20. Сонет (Как конквистадор в панцире железном...)	45	307
21. Баллада (Пять коней подарил мне мой друг Люцифер...)	46	307
22. Оссиан (По небу бродили свинцовые, тяжкие тучи...)	47	307
23. Крыса (Вздрагивает огонек лампадки...)	48	307
24. Рассвет (Змей взглянул, и огненные звенья...)	49	307
25. Смерть (Нежной, бледной, в пепельной одежде...)	50	307
26. В небесах (Ярче золота вспыхнули дни...)	50	307
27. Думы (Зачем они ко мне собрались, думы...)	51	307
28. Крест (Так долго лгала мне за картою карта...)	52	307
29. Маскарад (В глухих коридорах и в залах пустынных...)	53	307
30. После победы (Солнце катится, кудри мои золотя...)	54	308
31. Выбор (Созидающий башню сорвется...)	55	308

32. Умный Дьявол (Мой старый друг, мой верный Дьявол...)	56	308
33. Отказ (Царица — иль, может быть, только печальный ребенок...)	56	308
34. Воспоминание (Над пучиной в полуденный час...)	57	308
35. Мечты (За покинутым, бедным жилищем...)	58	308
36. Перчатка (На руке моей перчатка...)	58	308
37. Мне снилось (Мне снилось: мы умерли оба...)	59	308
38. Сада-Якко (В полутемном строгом зале...)	60	308
39. Самоубийство (Улыбнулась и вздохнула...)	61	309
40. Принцесса (В темных покрывалах летней ночи...)	62	309
41. Пещера сна (Там, где похоронен старый маг...)	63	309
42. Влюбленная в Дьявола (Что за бледный и красивый рыцарь...)	64	309
43. Любовники (Любовь их душ родилась возле моря...)	65	310
44. Заклинание (Юный маг я пурпуровом хитоне...)	66	310
45. Гиена (Над тростником медлительного Нила...)	67	310
46. Корабль (— Что ты видишь во взоре моем...)	68	310
47. Ягуар (Станный сон увидел я сегодня...)	69	310
48. Ужас (Я долго шел по коридорам...)	70	310
49. За гробом (Под землей есть тайная пещера...)	71	310
50. Невеста льва (Жрец решил. Народ, согласный...)	72	310
51. Сады души (Сады души моей всегда узорны...)	73	310
52. Зараза (Приближается к Каиру судно...)	74	310

53. Орел Синдбада (Следом за Синдбадом-Мореходом...)	75	311
54. Жираф (Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд...)	76	311
55. Носорог (Видишь, мчатся обезьяны...)	77	311
56. Озеро Чад (На таинственном озере Чад...)	78	311
57. Помпей у пиратов (От кормы, изукрашенной красным...)	80	312
58. Основатели (Ромул и Рем взошли на гору...)	81	312
59. Манлий (Манлий сброшен. Слава Рима...)	82	312
60. Игры (Консул добр: на арене кровавой...)	82	312
61. Императору (Призрак какой-то неведомой силы...)	83	312
62. Каракалла (Император с профилем орлиным...)	84	312
63. Мореплаватель Павзаний...	86	312
64. Неоромантическая сказка (Над высокою горою...)	87	313
ЖЕМЧУГА. Стихи 1907—1910 гг.	91—151	313—319
65. Волшебная скрипка (Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка...)	93	315
66. Потомки Каина (Он не солгал нам, дух печально-строгий...)	94	315
67. Камень (Взгляни, как злобно смотрит камень...)	95	315
68. Одержимый (Луна плывет, как круглый щит...)	96	315
69. Поединок (В твоём гербе — невинность лилий...)	98	315
70. Портрет мужчины. Картина в Лувре работы неизвестного (Его глаза — подземные озера...)	99	315
71. Лесной пожар (Ветер гонит тучу дыма...)	100	315
72. Царица (Твой лоб в кудрях отлива бронзы...)	102	315

73. Товарищ (Что-то подходит близко, верно...)	103	315
74. В библиотеке (О, пожелтевшие листы...)	105	316
75. В пути (Кончено время игры...)	106	316
76. Семирамида (Для первых властителей завиден мой жребий...)	107	316
77. Старый конкистадор (Углубясь в неведомые горы...)	108	316
78. Варвары (Когда зарыдала страна под немилостью Божьей...)	109	316
79. Воин Агамемнона (Смутную душу мою тяготит...)	110	316
80. Андрогин (Тебе никогда не устанем молиться...)	111	316
81. Орел (Орел летел все выше и вперед...)	112	316
82. Покорность (Только усталый достоин молиться богам...)	113	316
83. Рыцарь с цепью (Слышу гул и завывающие призывающих рогов...)	114	316
84. Христос (Он идет путем жемчужным...)	115	316
85. Маркиз де Карабас (Весенний лес певуч и светел...)	116	317
86. Путешествие в Китай (Воздух над нами чист и звонок...)	118	317
87. Завещание (Очарован соблазнами жизни...)	119	317
88. Озера (Я счастье разбил с торжеством святотатца...)	120	317
89. Свидание (Сегодня ты придешь ко мне...)	121	317
90. Ты помнишь дворец великанов...	123	317
91. Старина (Вот парк с пустынными опушками...)	124	317
92. Он поклялся в строгом храме...	125	317
93. Ворота рая (Не семью печатями алмазными...)	126	318
94. Заводи (Солнце скрылось на западе...)	127	318
95. Кенгуру. Утро девушки (Сон меня сегодня не разнежил...)	128	318

96. Мазстро (В красном фраке с галунами...)	129	318
97. Дон-Жуан (Моя мечта надменна и проста...)	130	318
98. Попугай (Я — попугай с Антильских островов...)	130	318
99. Читатель книг (Читатель книг, и я хотел найти...)	131	318
100. У меня не живут цветы...	132	318
101. Это было не раз (Это было не раз, это будет не раз...)	132	318
102. Молитва (Солнце свирепое, солнце грозящее...)	133	318
103. Рощи пальм и заросли алоэ...	133	318
104. Вечер (Еще один ненужный день...)	134	318
105—108. Беатриче:		
I. Музы, рыдать перестаньте...	134	318
II. В моих садах — цветы, в твоих — печаль...	135	318
III. Пощади, не довольно ли жальщей боли...	136	318
IV. Я не буду тебя проклинать...	136	319
109—111. Возвращение Одиссея:		
I. У берега (Сердце — улей, полный сотами...)	137	319
II. Избиение женихов (Только над городом месяц двурогий...)	138	319
III. Одиссей у Лазрта (Еще один старинный долг...)	140	319
112—115. Капитаны:		
I. На полярных морях и на южных...	142	319
II. Вы все, паладины Зеленого Храма...	143	319
III. Только глянет сквозь утесы...	145	319
IV. Но в мире есть иные области...	146	319

116. Сон Адама (От плясок и песен усталый Адам...)	147	319
--	-----	-----

ЧУЖОЕ НЕБО	155—208	319—324
-------------------	---------	---------

I

117. Ангел-хранитель (Он мне шепчет: «Своевольный...»)	155	320
118. Две розы (Перед воротами Эдема...)	156	320
119. Девушке (Мне не нравится томность...)	156	320
120. На море (Закат. Как змеи, волны гнутся...)	157	320
121. Сомнение (Вот я один в вечерний тихий час...)	158	320
122. Сон. Утренняя болтовня (Вы сегодня так красивы...)	159	320
123. Отрывок (Христос сказал: убогие блаженны...)	160	321
124. Тот другой (Я жду, исполненный укоров...)	160	321
125. Вечное (Я в коридоре дней сомкнутых...)	161	321
126. Константинополь (Еще близ порта орали хором...)	162	321
127. Современность (Я закрыл Илиаду и сел у окна...)	163	320
128. Сонет (Я верно болен: на сердце туман...)	164	320
129. Однажды вечером (В узких вазах томление умирающих лилий...)	164	321
130. Она (Я знаю женщину: молчанье...)	165	321
131. Жизнь (С тусклым взором, с мертвым сердцем в море броситься со скалы...)	166	322
132. Из логова змиева (Из логова змиева...)	166	322

II

133. Я верил, я думал (Я верил, я думал...)	168	322
134. Ослепительное (Я тело в кресло уроню...)	169	322

135. Родос (На полях опаленных Родоса...)	170	322
136. Паломник (Ахмет-Оглы берет свою клю- ку...)	172	323
137. Жестокой («Пленительная, злая, неуже- ли...»)	174	323
138. Любовь (Надменный, как юноша ли- рик...)	175	323
139. Баллада (Влюбленные, чья грусть как облака...)	176	323
140. Укротитель зверей (Снова заученно-сме- лой походкой...)	177	320 и 323
141. Отравленный («Ты совсем, ты совсем снеговая...»)	178	320
142. У камина (Наплывала тень... Догорал камин...)	179	323
143. Маргарита (Валентин говорит о сестре в кабаке...)	181	320
144. Оборванец (Я пойду по гулким шпа- лам...)	182	323
145. Туркестанские генералы (Под смутный говор, стройный гам...)	183	323
146—149. Абиссинские песни:		
I. Военная (Носороги топчут наше дурро...)	184	323
II. Пять быков (Я служил пять лет у богача...)	185	323
III. Невольничья (По утрам просы- паются птицы...)	186	323
IV. Занзибарские девушки (Раз ус- лышал бедный абиссинец...)	187	323

III. Из Тсофиля Готье

150. На берегу моря (Уронила луна из ру- чек...)	189	323
151. Искусство (Создание тем прекрасней...)	189	323

152. Анакреонтическая песенка (Ты хочешь, чтоб была я смелой...)	191	323
153. Рондолла (Ребенок с видом герцогини...)	192	323
154. Гиппопотам (Гиппопотам с огромным брюхом...)	194	323

IV. Поэмы

155. Блудный сын (Нет дома подобного этому дому...)	196	324
156. Открытие Америки:	199—208	324
Песнь первая (Свежим ветром снова сердце пьяно...)	199	
Песнь вторая (Двадцать дней как плыли каравеллы...)	202	
Песнь третья (—«Берег, берег!..» И чинивший знамя...)	205	
КОЛЧАН	209—261	325—333

157. Памяти Анненского (К таким неждан-ным и певучим бредням...)	211	325
158. Война (Как собака на цепи тяжелой...)	212	326
159. Венеция (Поздно. Гиганты на башне...)	213	327
160. Старые усадьбы (Дома косые, двух-этажные...)	215	327
161. Фра Беато Анджелико (В стране, где гиппогриф веселый льва...)	217	327
162. Разговор (Когда зеленый луч, последний на закате...)	219	325
163. Рим (Волчица с пастью кровавой...)	220	327
164. Пятистопные ямбы (Я помню ночь, как черную наяду...)	222	327
165. Пиза (Солнце жжет высокие стены...)	225	327
166. Юдифь (Какой мудрейшею из мудрых пифий...)	226	325
167. На острове (Над этим островом какие выси...)	227	328

168. Возвращение (Я из дому вышел, когда все спали...)	228	329
169. Леонард (Три года чума и голод...)	229	325
170. Птица (Я не смею больше молиться...)	230	329
171—172. Канцоны		
1. Словно ветер страны счастливой...	231	325
2. Об Адонисе с лунной красотой...	232	329
173. Персей. Скульптура Кановы (Его издавна любят музы...)	233	329
174. Солнце духа (Как могли мы прежде жить в покое...)	234	329
175. Средневековье (Прошел патруль, стуча мечами...)	235	330
176. Падуанский собор (Да, этот храм и дивен, и печален...)	236	325
177. Отъезжающему (Нет, я не в том тебе завижусь...)	237	325
178. Снова море (Я сегодня опять услышал...)	238	325
179. Африканская ночь (Полночь сошла, не проглядная темень...)	239	330
180. Наступление (Та страна, что могла быть раем...)	240	330
181. Смерть (Есть так много жизней достойных...)	241	331
182. Видение (Лежал истомленный на ложе болезни...)	242	331
183. Я вежлив с жизнью современной...	243	325
184. Какая странная нега...	244	325 и 331
185. Я не прожил, я протомился...	245	331
186—190. Счастье:		
1. Больные верят в розы майские...	246	325
2. «Хочешь, горбун, поменяться...»	246	325
3. У муки столько струн на лютне...	246	325
4. Ведь, я не грешник, о Боже...	247	325

5. В мой самый лучший, светлый день...	247	325
191. Восьмистишие (Ни шороха полночных далей...)	247	325
192. Дождь (Сквозь дождем забрызганные стекла...)	248	331
193. Вечер (Как этот ветер грузен, не кры- лат...)	249	331
194. Генуя (В Генуе, в палаццо дождей...)	249	331
195. Китайская девушка (Голубая беседка...)	250	332
196. Рай (Апостол Петр, бери свои ключи...)	251	325
197. Ислам (В ночном кафе мы молча пили кьянти...)	253	325 и 332
198. Болонья (Нет воды вкуснее, чем в Ро- манье...)	253	332
199. Сказка (На скале, у самого края...)	255	332
200. Неаполь (Как эмаль, сверкает море...)	257	325
201. Старая дева (Жизнь печальна, жизнь пустынна...)	258	332
202. Почтовый чиновник (Ушла... Завяли ветки...)	260	325
203. Больной (В моем бреду одна меня то- мит...)	261	325
204. Ода д'Аннунцио. К его выступлению в Генуе (Опять волчица на столбе...)	262	325

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЕРВОЕ: Стихотворения,
не включенные Гумилевым в послед-
ние прижизненные сборники его сти-
хов 265—282

Романтические цветы

205. Ахилл и Одиссей (Брат мой, я вижу гла- за твои тусклые...)	267	333
206. Нас было пять... мы были капитаны...	268	333
207. Одиноко-незрячее солнце смотрело на страны...	269	333

Ж е м ч у г а

208. Одиночество (Я спал, и смысла пена белая...)	270	333
209. В пустыне (Давно вода в мехах иссякла...)	271	333
210. Адам (Адам, униженный Адам...)	272	333
211. Театр (Все мы, святые и воры...)	273	333
212. Правый путь (В муках и пытках рождается слово...)	274	333
213. Колдунья (Она колдует тихой ночью...)	275	333
214. Охота (Князь вынул бич и кинул клич...)	276	333
215. Уходящей (Не медной музыкой фанфар...)	277	333
216. Северный раджа (Она простерлась, не живая...)	278	333

ПРИЛОЖЕНИЕ ВТОРОЕ: Четвертая песнь поэмы «Открытие Америки» (Мы вззошли по горному карнизу...)	285	333
---	-----	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ ТРЕТЬЕ: Первоначальные редакции некоторых стихотворений в сборниках «Романтические цветы», «Жемчуга» и «Колчан»:		
26 а. Сказочное (Ярче золота вспыхнули дни...)	291	*
27 а. В мой мозг, в мой гордый мозг собрались думы...	292	*
29 а. Маскарад (В глухих коридорах и в залах пустынных...)	293	*
64 а. Неоромантическая сказка (Над высокою горою...)	294	*

* См. под соответствующими номерами в основном тексте.

69 а. Поединок (В твоём гербе невинность лилий...)	298	*
89 а. Свиданье (Сегодня ты придёшь ко мне...)	300	*
164 а. Пятистопные ямбы (Я не скорблю. Так было надо. Правый...)	301	*

ПРИМЕЧАНИЯ:

Путь конквистадоров	305—306
Романтические цветы	306—313
Жемчуга	313—319
Чужое небо	319—324
Колчан	325—333

* См. под соответствующими номерами в основном тексте.

